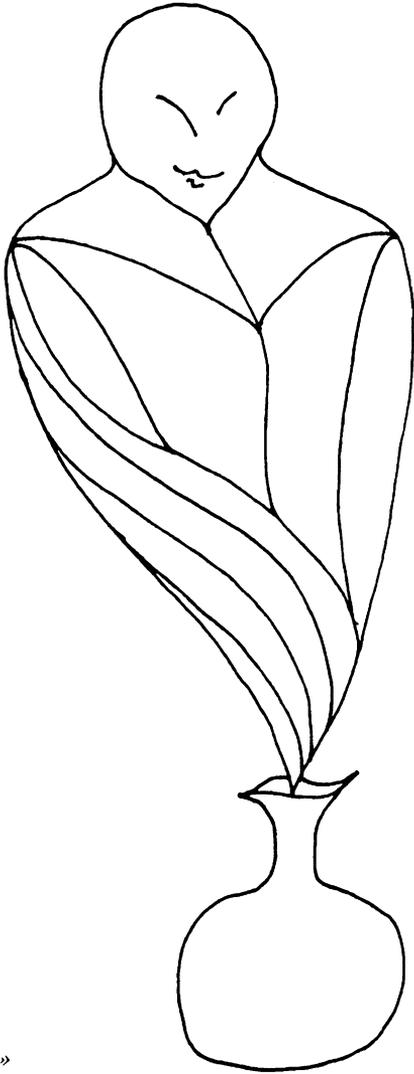

Уильям Шекспир
СОНЕТЫ
Перевод В. Микушевича

William Shakespeare
SONNETS

*«To be
or not
to be...»*

JB

W I L L I A M S H A K E S P E A R E S O N N E T S

Уильям Шекспир

СОНЕТЫ

Перевод

Владимира Микушевича

Водолей Publishers
Москва — 2004

ББК 84(4Вел)

Ш41

**Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии
и книгоиздания России»)**

*Художник Вадим Перельмутер
(серия «Объяснения, или Сонет с кодой»)*

Шекспир У.

Ш41 Сонеты / Пер. с англ. В. Микушевича. – М.: Водолей Publishers, 2004. – 400 с.

ISBN 5–902312–35–3

Бессмертная книга сонетов У. Шекспира впервые выходит в переводе, выполненном крупнейшим современным переводчиком В. Микушевичем. Новый перевод трактует шекспировский текст как единую поэму с сюжетом и действующими лицами, а не как цепь отдельных произведений. Переводчик снабдил свою версию интереснейшей статьей, обосновывающей такой подход, проследил встречающиеся в разных сонетах повторы отдельных строк и чуть ли не слов и скрупулезно отразил их в своем переводе. Работа Микушевича с Шекспиром становится этапом во всей истории русской переводческой школы.

ББК 84(4Вел)

ISBN 5–902312–35–3 © В. Микушевич, перевод, 2004
© В. Перельмутер, графика, 2004
© Водолей Publishers, 2004

РОМАН ШЕКСПИРА

ТРАНСМУТАЦИЯ СОНЕТА

Сонеты Шекспира озадачивают современного читателя, как озадачивали, едва появившись. В принципе сонет очаровывает предвкушением традиционности, даже если это предвкушение сразу же опровергается. Сонет – «монумент момента», как писал Данте Габриэль Россетти, и прочитывается сонет за несколько секунд, но и тогда, когда сонет лишь начинал звучать вместе с кансонами трубадуров, его форма воспринималась не как новая, а как исконная, раз навсегда данная, что заложено в самой структуре сонета, почему сонет и дожил до наших дней. Предвкушение традиционности подкреплено и визуальным, графическим образом. Видя перед собой два четверостишия и два трёхстишия, читатель уже знает, что перед ним сонет. Правда, проницательному эрудированному читателю известно, что это могут быть и три четверостишия и одно двустишие и что это всё равно сонет, только особенный, английский или шекспировский. Если в стихотворении четырнадцать строк, а в первых двух четве-

ростиших к тому же две общих рифмы, значит, это сонет, хотя в шекспировском сонете общих рифм, как правило, не бывает, но это всё равно сонет, поскольку в нём четырнадцать строк. Таков укоренившийся предрассудок, предопределяющий не только мнение о сонете, но и его восприятие. Сонет по инерции соотносят обычно с любовной лирикой, но вообще господствует убеждение, что любое содержание, вложенное в четырнадцать строк, становится сонетом, и экзотическим парадоксом кажется мысль Оскара Уайльда, утверждавшего, что не художник вкладывает идею «в сложную метрику четырнадцати строк, а напротив, сама форма сонета внушает ему, какой интеллектуальный и эмоциональный смысл придать ей»¹. Между тем инспирация или даже диктат сонета действительно существуют и определяют его специфику. Настоящему сонету свойственно отторгать чуждую ему «содержательность», и потому не всякое стихотворение в четырнадцать строк с общими рифмами в двух первых двустилиниях является сонетом.

Имеются академические предписания, выводимые из композиции классического сонета или предписывающие её, что, разумеется, возможно только отчасти. Согласно этим предписаниям, первое четверостишие сонета (катрен) высказывает определённую мысль или обозначает ситуацию, которую развивает или варьирует второе четверостишие, связанное с первым общими рифмами, пос-

¹ Оскар Уайльд. Полное собрание сочинений. 1912. Т. III-IV. Кн. 7. С. 261.

ле чего первое трёхстишие (терцет) выдвигает некую антитезу к мысли, заданной катренами. Первая строка последнего терцета возвращается к мысли (ситуации) катренов, первая строка последнего терцета продолжает первый терцет, а последние две строки подытоживают сонет, примиря тезу и антитезу. Эта схема во все времена была довольно приблизительной, так как тезу и антитезу в поэзии нельзя определить с логической точностью, но до известной степени она характеризовала композицию итальянского классического сонета².

И всё же не так просто определить, соответствует ли этой схеме даже вполне классический сонет Петрарки:

Когда бы за предел своей темницы
Блаженная душа до срока взмыла,
Наверно, уступали бы светила
Сиянью новоявленной денницы;

Пройдя четыре горные границы,
Она бы солнцу красотой затмила,
Чтобы вокруг влекла благая сила
К ней, праведной, достойные зеницы;

И на пути своём к четвёртой сфере
Она бы превзошла былую славу
Трёх светочей, подверженных потере;

² И.Р. Гальперин. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. С. 303.

Хоть пятый круг ей, видно, не по нраву,
Юпитера в угоду пылкой вере
И всех других затмит она по праву.

(Перевод В. Микушевича)

Сонет написан в связи с болезнью Лауры в 1434 г. Комментаторы возводят его к стиху Вергилия из «Георгик»: «Tuque adeo, quem mox quae sint habitura deorum concilia incertum est» [1, 24–25] («Ты, наконец, – как знать, какие собранья бессмертных вскоре воспримут тебя...», перевод С.В. Шервинского). Трудно найти сонет более классический, чем этот, и всё-таки лишь с известной степенью достоверности можно утверждать, что первый терцет является антитезой к первым катренам, поскольку блаженная душа Лауры так или иначе затмевает все сферы, сквозь которые возносится. Пятый круг ей не по нраву, так как это небо Марса, мрачной звезды. Блаженная душа превышает не только все сферы Вселенной, включая самого Юпитера, – с каждой сферой она превышает сама себя. Подобной динамикой самопревышения формируется не только этот сонет Петрарки, но и сонет в принципе, порождённый культурой знаменательности, когда вещь знаменует свой высший прообраз, в свою очередь знаменующий высшее в себе и над собой, иерархию высшего, продолжающуюся в неисчерпаемой глубине творящего Божества³. У того же Петрарки в канцоне 360 Amor говорит поэту:

³ В. Микушевич. Три эпохи в истории культуры / Академические тетради: юбилейный сборник статей. 2003. С 21-54.

Мой высший дар, ценнейший, несомненно:
Подняться наделённому крылами
Над бренными телами
По лестнице подобий безвозвратно
К Создателю, почтив его хвалами,
Своей надежде следуя смиренно,
Он мог бы постепенно
Достичь первопричины благодатной,
О чём в стихах вещал неоднократно.

(Перевод В. Микушевича)

Основываясь на этой лестнице подобий (*scala al Fattor*), поэтесса Мария Расторгуева назвала знаменательность в культуре лестничностью. Знаменательность-лестничность сказывается в конструкции сонета, вернее, образует её. Рифма выявляет знаменательность в слове. Каждое из рифмующихся слов приобретает значение, которого не имело бы вне рифмы. Когда рифма в сонете удваивается, над значением слова возникает ещё одно сверхзначение, возвещая лестницу значений над собой. При этом в сонете рифмуется не только слово, а вся строка, которую рифмующееся слово вовлекает в лестничность. Теза и антитеза в сонете – лишь частный случай лестничности. В сонете удваиваются сакральные числа, три и семь. Четыре в катренах – удвоение двойственности, а сонет в целом – дважды семь. Удвоение – над ступенью ступень: «Мироздание удваивается в сонете, свидетельствуя: нет другого выхода, кроме выхода в беспредельное»⁴. Удвоение сакрально-космических чисел в клас-

⁴ В. Микушевич. Проблески. Таллинн: Aleksandra, 1997. С. 183.

сическом итальянском сонете напоминает астрологию, и сонет Петрарки астрологичен.

Но в английском сонете происходит нечто иное. Астрология настораживает поэта, как мы видим у Шекспира в сонете 14:

Пусть лишь отчасти мне знаком язык
Небесных звёзд, я тоже астроном,
Хоть я судить по звёздам не привык
О потрясениях на пути земном;
Не знаю, как предречь минутам срок
И дождь, благоприятный для полей;
Читать я не умею звёздных строк,
Не смею обнадёжить королей;
Но мне читать в твоих глазах дано,
В надёжных звёздах даже в наши дни,
Что красота и правда заодно,
И лишь в твоих глазах живут они.
Глаза твои открыли мне секрет:
Нет красоты без них, и правды нет.

Знаменитая формула Китса из его «Оды к греческой вазе», «Beauty is truth, truth beauty» («В прекрасном правда, в правде красота»), явно восходит к строке из этого сонета: «As Truth and Beauty shall together strife...» Но эта истина обретается на пути, противоположном Петрарке. Не глаза возводятся к звёздам, а звёзды сводятся к земным глазам. Ещё радикальнее сонет 130:

Не солнце, нет, моей любимой взор,
Кораллы краше губ, не верь молве;

Грудь у неё тусклее снежных гор,
Чернеют завитки на голове.
Хоть розами весенний сад богат,
Её ланитам роскошь роз чужда;
У ней в устах не только аромат,
Примешан тлен к дыханию всегда.
Отрадой нежный голос мне звучал,
Однако благозвучнее струна;
Я признаюсь: богиня я не встречал,
А милой почва твёрдая нужна.
Напыщенностью лживой бредит свет,
А для моей любви сравнений нет.

Этим сонетом разительного подтверждается антипетраркизм в сонетах Шекспира. Уже первая строка шокировала бы петраркиста, для которого совершенно невероятны строки: «У ней в устах не только аромат, примешан тлен к дыханию всегда» (в оригинале «reeks», что можно понять даже как «воняет»). Вспоминается скорее Вийон, не писавший, правда, сонетов, но отсюда не так уже далеко и до «Падали» Шарля Бодлера. Родство Шекспира в сонетах с проклятыми поэтами не вызывает сомнений. К подобному родству отсылают и слова Бориса Пастернака о «природном, врождённом сходстве Шекспира и Маяковского»⁵. Тем самым и Маяковский, «лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи» приобщается к лику проклятых поэтов, чему способствует его жуткая смерть при офици-

⁵ Е. Пастернак. Борис Пастернак: Биография. М., 1997. С. 316.

альном признании, как и внешнее «биографическое» благосостояние позднего Шекспира.

Формальный метод счёл бы эпатазирующий пафос шекспировских сонетов отвержением исчерпанного, обветшавшего приёма, которым, несомненно, была петраркизирующая идеальность, ставшая слишком распространённой на Континенте. Но, очевидно, в сонете Шекспира сказывается что-то более глубокое, глубинное, жизненное. В английском сонете, даже на сравнительно ранних его стадиях, заметно, как эпоха знаменательности в культуре начинает сменяться эпохой предметности: «Знаменательность возводит образ к прообразу через лестницу подобий. Изобразительность не восходит, а нисходит по этой лестнице, низводит прообраз к образу, но не останавливается на этом, низводит образ к самому себе, и в результате вместо образа остаётся предмет»⁶. Со временем эпоха предметности даёт себя знать и в Италии, наталкиваясь при этом на упорное сопротивление знаменательности, совпавшей во многом с традицией классического итальянского стиха. Отсюда противостояние Петрарки и Микеланджело с его стихом: «Caro m'è l' sonno, e più l'esser di sasso» («Мне дорог сон, и лучше быть мне камнем»). Небесный прообраз не просто низводится, он впадает в камень, что подтверждается ваянием Микеланджело, когда молоток мастера удаляет у камня всё лишнее, взламывает камень в поисках предмета, оказывающегося... сном. В этом смысле сон Микеланджело противоположен сну Дан-

⁶ В. Микушевич. Три эпохи в истории культуры. С. 52.

те в начале «Божественной Комедии»: «Io non so ben ridir com'io v'entrai, tant'era pieno di sonno a quel punto» (Inf. 1, 10-11). Поэт не может сказать, как он вступил туда (на свой путь), ибо был преисполнен сном, и этот сон через другие вещи сны *возведёт* его на вершину бытия. Напротив, сон Микеланджело через Ночь *низводит* к исчезновению бытия, к молчанию в камне, что напоминает последние слова Гамлета: «The rest is silence» («Остальное – молчание»). Эротика Микеланджело соприкасается с эротическими снами в сонетах Шекспира:

Светлейший день я проморгать не прочь;
Всё, что я вижу, недостойно взгляда.
Во сне тебя мне возвещает ночь;
Во сне сияешь ты, моя услада.
Ты тень, теням дарующая свет!
Какое ты сиянье мог бы дню
Придать, когда во мраке равных нет
Тому, что я под веками храню...

(Сонет 43)

А в сонете 129, предшествующем сонету 130:

Лишь тень блаженства там, где тьма тенёт,
Сокровищем прикинувшийся бред.
Всё это знают все, но кто не рад
Подобным небесам, введущим в ад!

У Данте через ад совершалось восхождение на небеса, у Шекспира подобные небеса ведут в ад, прельщая нисхождением. У Петrarки блаженная душа в своём восхож-

днии затмевает Юпитера «в угоду чистой вере», а сонет Шекспира просто пренебрегает богинями, отталкивается от них:

Я признаюсь, богинь я не встречал,
А милой почва твёрдая нужна.

Но твёрдая почва оказывается зловонной и даже подлой (низкородной):

Чем с виду красота твоя милей,
Тем запах подлой почвы тяжелей.

(Сонет 69)

Подобная почва и ведёт к тёмной леди, деликатно именуемой в шекспироведении «смуглая дама», хотя она именно тёмная и даже чёрная, как чёрная дыра, предел предметности, аналогичный чёрному квадрату.

Всё это не могло не сказаться на самой конструкции сонета. Итальянский сонет со своей игрой тезами и анти-тезами остался сонетом восхождения, образуя, в конце концов, астрологическую констелляцию, закреплённую рифмами. Английский сонет уже в своих начатках вступил на другой путь, где Шекспира предваряет Сэррей. Рифма в таком сонете функционирует по-другому, уклоняясь от итальянской виртуозности. Характерная ошибка – переводить английский сонет тремя отдельными четверостишиями с перекрёстной рифмой и заключительным двустушием – нанесла переводу английской поэзии не меньший ущерб, чем мужская рифма при переводе итальянского сонета (а также канцоны). Схема трёх четверо-

стиший с двустишием подкупает своей просодической простотой, так что выработался даже визуальный, графический образ якобы английского или шекспировского сонета, распространённый в русских переводах. Между тем в английских изданиях сонет в таком виде печатается далеко не всегда. Английский сонет с простой или более сложной рифмовкой очень часто тяготеет к единой, сплошной строфе, в которой разве что последнее двустишие выделяется сдвигом вправо. Любопытно, что, когда под влиянием английских изданий русские переводы печатаются сплошной строфой, три четверостишия с двустишием всё равно отчётливо проступают, придавая стиху гладкость, как правило, отнюдь не свойственную английскому оригиналу. Переводчик шекспировских сонетов обычно уходит от оригинала, сбивый с толку графическим наваждением, чтобы поскользнуться именно на этой с виду безмятежной гладкости. Английский сонет не хочет знать интервалов, когда внутри него происходит нечто, как раз и превращающее четырнадцать строк в конструкцию сонета. Речь идёт не о полиграфических прихотях, которые могут быть такими и сякими. Взглянем на сонет Шекспира 114:

Что если я монарх и потому,
Что коронован я тобой, мне льстят,
И выдаёт за свет ночную тьму
Алхимия твоя, являя ряд
Своих исчадий, чудищ и чудес
И херувимов, чей прообраз ты,

Превознося дурное до небес,
Едва придав ему твои черты.
Так духу льстит угодливое зренье,
Сомнительных ревнительница уз,
И в чаше предлагает уверенье
В том, что целебно сладкое на вкус.
Отрава – меньший грех на этот раз,
Чем совращенье упоённых глаз.

Мы видим, как взаимодействуют в сонете возведение и низведение, в конце концов, берущее верх (насколько так можно сказать о низведении). «Твоё» сходство с херувимами означает, что как будто ты возводишься к ним, но на самом деле это они низводятся к тебе именно своим сходством с «тобой». Ключевое слово в сонете – алхимия. Строка с этим словом выводит стих за пределы первого четверостишия, так что четверостишия перестают быть четверостишиями, образуя более сложный период, в котором херувимы, оказывается, алхимические в ряду других исчадий, ибо алхимия «твоя» превозносит дурное до небес, то есть низводит небеса до дурного, «едва придав ему твои черты», но остаётся ли при этом дурное дурным, если «отрава – меньший грех на этот раз, чем совращенье упоённых глаз»? Очевидно, нечто, превращающее 14 строк в сонет, совершается здесь при переливании первого четверостишия во второе. Интересно, что в девятой-одиннадцатой строке эпизодически появляется женская рифма в отличие от остальных мужских, что придаёт монулогу лирического «я» особый драматизм, когда, так сказать, не до того, чтобы соблюдать каноническое чередо-

вание рифм, но «зренье – уверенье» (в оригинале «seeing – ‘greeting»), рифмуясь, как раз и передают «совращенье упоённых глаз». Строки переливаются одна в другую, и приготовляемый состав перехлёстывает за четырнадцать строк, что достигается синтаксисом и рифмой. Кажущаяся небрежность в чередовании мужских и женских рифм, бросающая вызов академическому благозвучию (не следует преувеличивать лицензии, предоставляемые английским языком) – неотъемлемое свойство шекспировских сонетов и нередко придаёт истинный смысл стиху. Важнейший среди сонетов, сонет 20, выдержан в женских рифмах, напоминая этим итальянский сонет, что как раз подчёркивает полную противоположность сонета 20 итальянскому сонету. Неизбежная метафора позволяет говорить об астрологии итальянского сонета и об алхимии английского. В итальянском сонете констелляция, в английском сонете реакция, подобная алхимической, что свойственно также английским сонетам, где сохраняются четверостишия с общими рифмами и с формальными интервалами. В этом смысле внутри шекспировского сонета происходит не трансформация (во многих отношениях сонет Шекспира остаётся традиционным для английской поэзии); но в духе той же метафоры точнее говорить о трансмутации шекспировского сонета, усугубляющей синтезом его алхимическую природу.

Трансмутация не может ограничиваться одним сонетом. Неизбежно она затрагивает остальные, вовлекает их в себя. Сонет 114 начинается словом, рифмующимся в заключительном двустишии предыдущего сонета. Неод-

нократно сонеты начинаются союзами и наречиями, употребительными в одной фразе (but, then). В авторитетном английском издании после сонета 98 поставлено двоеточие, до такой степени начало следующего сонета вытекает из предыдущего⁷. Связи между сонетами не сводятся к подобным связкам. Иногда тема намечается за сто с лишним сонетов до того, как она снова будет подхвачена и достигнет истинно трагического накала. Так в сонете 42 появляются строки:

Она твоя, но это не беда;
Я сам её люблю, пет, мы не в ссоре;
Но худшего не избежать вреда:
Она тобой владеет, вот в чём горе.

Эти строки варьируются, усиливаясь в сонете 144, где, возможно, и раскрывается их подлинный смысл:

Она меня давно в Геспу прочит,
Святого похищает у меня
И, сиясь в беса превратить, морочит,
Тщеславьем чистоту его дразня.

В сонете 38 читаем:

Десятая ты муза; в десять раз
Ты превосходней прежних девяти;
И может блеском стихотворных фраз
Хвалитель твой бессмертье обрести.

⁷ Coles, 1980. P. 1207.

А вот как начинается сонет 78:

Кого как не тебя мне музой звать?
По-прежнему тобой живёт мой стих,
Меж тем тебя дерзнувших воспевать,
По моему примеру, сколько их?
Твои глаза немого учат петь,
Невежество искусством окрылив,
Чтоб крепили крылья в новых перьях впредь,
Великолепье грацией продлив.

Складывается впечатление, что возврат к теме сонета 38 через сорок сонетов не случаен, что осуществляется некая сложная композиция, располагающая все сонеты определённым образом. Точно так же конечное двустигийное сонета 36 ровно через шестьдесят сонетов совпадает с конечным двустигийным сонета 96:

Остерегись! Пусть я с тобой не схож.
Ты мой в любви, и я, как ты, хорош.

Такой повтор едва ли может быть случайным. По всей вероятности, он свидетельствует о рассчитанной композиции. Число подобных примеров нетрудно приумножить. Бесспорно, они свидетельствуют о том, что перед нами не просто собрание стихотворений «на случай» и нечто большее, чем цикл сонетов. Здесь кроется ещё одна причина переводческих неудач. Попытка перевести сонеты Шекспира как разрозненные или даже как цикл отдельных сонетов едва ли может увенчаться успехом. Трансмутация в том и заключается, что, преобразая от-

дельную монаду, она приобщает её к другим, преображённым преобразованием каждой и преображающим её в свою очередь. Так сонеты Шекспира сочетаются в едином произведении, и это произведение не что иное, как роман в стихах. Высказывалось предположение, что онегинская строфа в романе Пушкина является вольной трансформацией сонета. Но тогда сонет Шекспира тем более оказывается строфой сложного, многогранного стихотворного романа, родственного Кретьену де Труа, Вольфраму фон Эшенбаху и тому же, в те времена ещё будущему Пушкину, недаром сказавшему про сонет, что «игру его любил творец Макбета».

ЭЛЕМЕНТ W. H.

Сонеты Шекспира были впервые изданы в 1609 г. Томасом Торпом, чьи инициалы (Т.Т.) стоят под посвящением сонетов. Таким образом, посвящение исходит не от автора, а от издателя. Не сохранилось никаких сведений о том, что издание было осуществлено по авторской воле, так что расположение сонетов и даже их число на совести первого издателя. Сонеты были написаны и распространялись уже за одиннадцать лет до своего первого издания. Мирес упоминает сонеты Шекспира, «известные его друзьям» уже в 1598 г. Шекспиру тогда было 34 года, а сонеты были изданы за семь лет до его смерти. Следующее издание сонетов было осуществлено лишь в 1640 г., из

чего можно заключить: сонеты не были забыты, по-видимому, продолжали распространяться, но что-то препятствовало их новому изданию. Возможно, первый издатель действительно *отважился* напечатать их, недаром обозначая себя словом «adventurer», то есть пустившийся в авантюру. Препятствовать изданию сонетов мог и сам автор при своей жизни, а в дальнейшем то могли быть друзья, упомянутые Миресом и пережившие своего друга. Не оказал ли Т.Т. дурную и даже опасную услугу автору? Что если публикации сонетов тогда и в дальнейшем препятствовал сам Mr. W. H., единственный виновник их рождения, как можно понять издательское посвящение? Настолько ли он был влиятелен для этого? Ведь высказывалось предположение, что Mr. W. H. всего лишь передал издателю рукопись сонетов (по всей вероятности, тем более вопреки воле «нашего бессмертного поэта», как лестно отозвался об авторе издатель).

Джон Бенсон, переиздавший сонеты в 1640 г., поменял в тексте все «he» на «she», вопреки своему доброму намерению лишь напомнив и усугубив скандальные слухи, всегда сопутствовавшие сонетам. С тех пор толкователи и переводчики сонетов нередко руководствуются этим изданием, даже если оно само им недоступно или даже неизвестно. Многие из них предпочли бы, чтобы вместо «него» в сонетах оказалась «она», что значительно упростило бы их задачу. Невольно сплошь и рядом в переводах так и делается. Учёные с академической добросовестностью доказывают, что в эпоху Ренессанса любовь и дружба говорили одним языком. В таком случае приходится до-

пустить, что язык этот отличался шокирующей эротической интимностью. Так, в сонете 20 автор намекает на половой орган «владыки-владычицы» своих желаний, упрекая природу в том, что она его (всё-таки) «кос-чем нехстати одарила». По свидетельству исследователя, подобный намёк уникален и больше не встречается в поэзии того времени (да, пожалуй, и других времён) ни в Англии, ни на Континенте, где сомнительные эротические вольности предположительно заходили гораздо дальше⁸. Комментаторы пытаются убедить нас, что этот намёк доказывает отсутствие физической близости между лирическим «я» и лирическим «ты», но напрашивается вывод, как раз обратный: какова же должна была быть степень интимности между ними, чтобы автор (лирическое «я») позволял себе такие намёки. Так что у мистера W.H. или у его наследников (доверенных лиц) были веские основания препятствовать публикации сонетов, и особый интерес даже помимо своей пикантности приобретает проблема: кто вы, Mr. W.H.?

В кандидатурах с подобными инициалами недостатка нет. Некоторые из них располагают к себе своей вовлечённостью в домашний обиход поэта, как, например, Уильям Харт, племянник Шекспира, или Уильям Хэтауэй, его шурин. Среди невольных претендентов поэт Уильям Ханис и мальчик-посыльный Уильям Холл⁹. Был ещё Уиль-

⁸ Rictor Norton. «Enter Willie Huges as Juliet: or Shakespeare's Sonnets Revisited». The Queer Canon, updated 9 Jan. 2000. [\http://www.infopt.demon.co.uk/shakespe.htm](http://www.infopt.demon.co.uk/shakespe.htm). P. 5.

⁹ Rictor Norton. P. 2.

ям Хетклиф, молодой юрист, распорядитель празднеств в Грейз Инне, но если это он, сонеты должны были быть написаны лет на десять раньше¹⁰. Кандидатуры эти пользуются меньшей популярностью среди шекспироведов, так как им не хватает блеска, а племянник Шекспира был несовершеннолетним, когда писались сонеты, так что совет поскорее жениться неуместен или даже бессмыслен, если речь идёт о нём, что относится, вероятно, и к мальчику-посыльному: едва ли его «мужний посев» был бы мил каждому «женскому лону» (сонет 3). Исследователей, естественно, привлекают более блистательные, аристократические кандидатуры. Их, по меньшей мере, две. Во-первых, это третий граф (Earl) Саутгемптон, покровительствовавший Шекспиру с его театром. В 1598 г. лорду Саутгемптону исполнилось 25 лет, так что молодому отпрыску знатной семьи и впрямь пора было продолжить свой род: совет жениться мог относиться к нему. Впрочем, в сонетах кроется одна тонкость, скорее препятствующая, чем способствующая будущему браку молодого лорда. В первых сонетах воспевается исключительно *он*, а не соответствующая *она*, его возможная избранница, и подспудно внушается мысль, что, если ему при его совершенствах доступна любая женщина, никакая женщина его недостойна, и, стало быть, его любви недостойна... женщина. Конечно, нужна была поэтическая дерзость, чтобы обращаться к своему покровителю с подобными нежными дерзостями, быть может, недвусмысленными с глазу на глаз,

¹⁰ Айвор Браун. Женщины в жизни Шекспира. М., 2002. С. 304.

но, может быть, подобные сонеты услаждали пресыщенную чувственность молодого вельможи, и потому он снисходительно позволял так себя тешить. Имеются и возражения на эту изысканную гипотезу. Инициалы лорда Саутгемптона не совсем те: Henry Wriothesley (H.W., а не W.H.). Не новая ли дерзость – переставлять инициалы аристократа? Или это очередной намёк для посвящённых, позволяющий в случае чего уйти от ответственности, но при этом лишь подчёркивающий, кому эти сонеты в действительности посвящены? Ещё одно возражение: судя по портретам, лорд Саутгемптон не был красавцем, но разве красота не в глазах смотрящего и разве поэт не волен воспевать красоту как он её понимает или чувствует? Третье возражение касается личной жизни лорда. У графа Саутгемптона была возлюбленная придворная дама Элизабет Вернон, она родила от него ребёнка, лорд попал даже в тюрьму за её соращение и вынужден был на ней жениться, так что поэтические заклинания в сонетах по поводу его женитьбы оказались бы бестактными и, хуже того, смешными.

Зато инициалы W.H. в точности совпадают с инициалами третьего графа (Earl) Пемброка: William Herbert. Лорду Пемброку было 18 лет, когда он приехал из Оксфорда в 1598 г. в Лондон, где сблизился с Шекспиром. Возможно, близость с Пемброком побудила Шекспира порвать с графом Саутгемптоном, так как новым покровителем поэта стал молодой граф (Earl) Пемброк. Мать Уильяма Херберта леди Пемброк, сестра поэта Филипа Сидни, сама не чуждая поэзии, хотела, чтобы красавец-сын как можно

раньше женился, чтобы уберечь его от разврата, и поэтические заклинания сонетов могли ей импонировать, даже если не были написаны по её просьбе или по её заказу, как иногда полагают; при этом не таят ли призывы к браку в сонетах какой-то иной, более тонкий смысл: «Пускай два верных духа вступят в брак» (сонет 116)? Такому ли поэтическому заклинанию внял Уильям Херберт, третий граф (Earl) Пемброк, когда в своё время, уже при короле Джеймсе, сочетался брачными узами с дочерью графа Шрузбери? То был явно брак по расчёту, и при всех своих очевидных материальных выгодах он не принёс графу счастья. Но каковы бы ни были его тайные наклонности в молодости, женщинами он тоже не пренебрегал и обзавёлся-таки ещё до брака сыном, хотя и не таким респектабельным образом, как рекомендуют – не для виду ли? – ему сонеты. Эта история на документальной основе вовлекает графа Пемброка в круг и в контекст сонетов, так как ребёнка, вскоре умершего, родила ему в 1601 г. никто иная, как предполагаемая тёмная леди сонетов, которую по-русски принято называть смуглой.

На роль тёмной леди имеются и другие претендентки. Недаром в английской традиции она называется Беспокойным призраком. Традиционно считается, что первые 126 сонетов посвящены светлому красавцу, а сонеты 127-152 – тёмной красавице. Но не только в сонете 42, как мы уже видели, но и в сонете 41 гармонию между любящими мужскими «я» и «ты» нарушает женщина:

Ты, наделённый прелестью цветов,
Скажи, кто в цвете лет на высоте?
Сын женщины, ты разве не готов
Покорно сдаться женской красоте?
Я вижу, как ты юн и как ты свеж.
Твою ли я бранить решусь мечту?
Ты вовлечён в безудержный мятеж,
Нарушив дважды верность полету:
 Неверен ей, в себя её влюбив;
 Себе неверен, друга оскорбив.

Мягко говоря, эти страстные упреки несколько противоречат недавним призывам осчастливить женское лоно. С другой стороны, яростное страдальчество сонета 129 может относиться к возлюбленным обоёго пола:

Дух, расточаемый ценой стыда,
Вот страсть в разгаре, и дотоле страсть –
Предательство, мучительство, вражда,
Смятенье, буйство, пагубная власть.

Что же касается возлюбленной в сонетах, кроме цвета её волос и глаз определённо обозначено ещё одно: она музыкальна, более того, она музыкантша. Отдельный сонет посвящён её игре на музыкальном инструменте, требующем не только таланта, но и виртуозной выучки:

Когда летящим наперегонки,
О музыка моя, перстам твоим
Так нежно вторят гаммы-позвонки,
Звук в дереве, которым слух томим,

Завидую счастливым позвонкам;
Для них твоя желанная рука,
Для дерева, способного к прыжкам,
От губ моих запретно далека.
Мои бы губы вместо этих щеп
Танцующих вкусили торжество.
Суди сама: не глух я и не слеп,
Живёхонек, а дерево мертво.
Что деревяшки! Хватит с них перста,
А мне твои бы целовать уста.

(Сонет 128)

Танцующие щепы – «those dancing chips» – явно клавиши. Должно быть, она играет на спинете, предшествовавшем клавиру. В связи с этим распространяется предположение, что роковая брюнетка – Эмилия Бассано, в замужестве Ланьер, профессиональная музыкантша, занятая при дворе¹¹. Но в музыке была искушена и другая претендентка на роль тёмной леди. Её называли чёрная Люси или даже Люси Негритянка. Ходили слухи, что она была действительно африканского происхождения. Слухи эти не подтвердились. «Чёрная» в разговорном языке тех дней могло означать «похотливая», – пишет Айвор Браун¹², что проливает дополнительный свет на само выражение «dark lady». Настоящее имя чёрной Люси – Люси Морган; она умерла в 1610 г. от дурной болезни, как сообщает эпита-

¹¹ Уильям Шекспир. Сонеты. М., 1984. С. 262.

¹² Айвор Браун. Там же. С. 304.

фия. Уже в 1595 г. говорили, что она заражает сифилисом. Тимон Афинский в трагедии советует афинским красоткам Фринии и Тимандре мстить ненавистным людям распространением заразы, несомненно, венерической, что было анахронизмом по отношению к древним Афинам и злобой дня по отношению к шекспировской современности. Доктор Р.М. Симпсон в своей книге «Шекспир и медицина» утверждает: «Никогда не было написано более живого клинического описания третьей стадии сифилиса, чем в речи Тимона, когда он обращается к двум куртизанкам с советом, как им мстить мужчинам»¹³. Есть предположение, будто в исступлённых тирадах Тимона Афинского сказывается личный опыт Шекспира, заразившегося сифилисом от чёрной Люси, если «тёмная леди» – это она. Некоторые исследователи находят в поздних произведениях Шекспира отвращение к сексу, связанное с болезнью на подобной почве. Последствия болезни могли пойти довольно далеко. В произведениях Шекспира находят намёки на сифилитическую сыпь. Не исключают даже, что последний период своей жизни он провёл в Стратфорде, частично парализованный на почве сифилиса. Этим объясняют нечёткие, иногда почти неразборчивые подписи под важными документами. Нет сколько-нибудь убедительных документальных подтверждений для этих домыслов. Зато в сонетах тайная губительная зараза (*infection*) запечатлена с жуткой убедительностью, правда, сначала в связи с возлюбленным, а не с возлюбленной:

¹³ Айвор Браун. Там же. С. 318.

Цветку до восхищённых дела нет;
Как, сладостный, расцвёл, так и засох,
Но, может быть, заразный в нём секрет,
И предпочтительней чертополох.

(Сонет 94)

В следующем сонете 95 «ты» «как роза с червоточинной, любим». Заразительная болезнь упоминается и в связи с «тёмной леди»:

Так заблужденье мучает меня,
Болезнью заразительной казня.

(Сонет 137)

Но в этом сонете это вообще зараза лживости (*false plague*), а не червоточина, в которой можно заподозрить сифилис. С другой стороны, едва ли не все сонеты, посвящённые тёмной леди, пронизаны ощущением губительной заразы, даже если это сама любовь, из чего не следует, что они посвящены Люси Морган, и не принято полагать, будто она заразила сифилисом обоих друзей. Между поэтом и его белокурым другом, согласно традиции, возникает другая леди.

В одноактной пьесе Бернарда Шоу «*The Dark Lady of the Sonnets*» (в переводе «Смуглая леди сонетов») героиня горько жалуется на Шекспира: «Я горю от стыда, что унизилась до любви к человеку, которому мой отец не позволил бы держать моё стремя, который говорит обо мне всем и каждому, который выносит мою любовь и мой позор на посмешище в своих пьесах и заставляет меня краснеть, который пишет обо мне такие сонеты, под которыми не

подписался бы ни один благородный человек»¹¹. Эту леди её родной отец называл «добропорядочной дворянкой», обвиняя в дурном поведении по отношению к ней никого иного, как Уильяма Херберта, графа Пемброка, то есть предполагаемого мистера (или мастера) W.H. Так, по крайней мере, «гласит преданье». Если предание достоверно, уменьшительное имя этой леди упоминается в третьей сцене первого действия комедии «Двенадцатая ночь», где говорится о дарах или дарованиях, нуждающихся в завесе, ибо иначе они могут запылиться, как портрет мистрис Молл. Итальянизированное имя *Malvolio* из «Двенадцатой ночи» понимается в таком случае как «Хочу Молл», отчего не перестаёт значить «Злонамеренный». Молл – уменьшительное имя госпожи Мэри Фиттон, которая была *lady-in-waiting*, то есть фрейлиной при дворе королевы Елизаветы, откуда эту «добропорядочную дворянку» удалили с позором. В 1598 г. ей должно было исполниться двадцать лет, она была музыкальна и так блистала в танцах, что сама королева шла танцевать в ответ на её приглашение. Молл Фиттон вовлеклась в рискованный роман с Уильямом Хербертом, и вполне возможно, что он отбил её у своего друга Уильяма по фамилии Шекспир, если можно назвать другом того, кому молодой граф Пемброк покровительствует. От графа Пемброка (Уильяма Херберта) Мэри Фиттон родила сына, что совсем не обрадовало мать Уильяма Херберта, графиню Пемброк, даже если поэтические призывы в сонетах к юному красавцу родить на-

¹¹ Бернард Шоу. Избранное. М., 1946. С. 311.

следника исходят от неё. Может быть, она сочла легкомысленную Мэри Фиттон неподходящей матерью для своего наследника. Но в настоящее отчаянье, как это видно в сонетах, любовь юного красавца к женщине привела как раз автора сонетов, призывавшего его если не полюбить женщину, то обзавестись наследником своей красоты, что, казалось бы, без женщины невозможно. Незаконный наследник умер вскоре после рождения. А Мэри Фиттон после этого дважды выходила замуж, родила детей и умерла в 1647 г., пережив Уильяма Шекспира на тридцать один год, а Уильяма Херберта на семнадцать лет.

Мэри Фиттон, таким образом, наиболее вероятная претендентка на роль «тёмной леди» в сонетах, поскольку её связь с графом Пемброком зафиксирована более или менее достоверно, хотя этого и нельзя сказать о её связи с Шекспиром, более или менее легендарной. Функция Молл – подтвердить, что William Herbert – Mr. W.H. Граф Саутгемптон в случае, если это Молл, определённо отпадает, так как роман с Молл был у графа Пемброка, а не у графа Саутгемптона (по сохранившимся данным, разумеется). Но, при всей вероятности треугольника Шекспир-Уильям Херберт-Мэри Фиттон, в него не вписываются некоторые сведения. Эти сведения идут от портретов, которые действительно могут запылиться, как предостерегает «Двенадцатая ночь», но продолжают свидетельствовать не в пользу данной версии. Так, судя по портретам, Мэри Фиттон не была жгучей черноглазой брюнеткой, которую рисуют сонеты. У неё были каштановые волосы и серые глаза, хотя на двух черно-белых портретах её волосы и

глаза кажутся чёрными¹⁵. Уильям Херберт приехал в Лондон лишь в 1598 г., когда, согласно Миресу, сонеты уже были известны друзьям Шекспира, между тем, согласно сонетам, их автор знает юного красавца не первый год:

Мой друг, ты не стареешь для меня,
Хоть миновали целых три зимы
С того обворожительного дня,
Когда навеки повстречались мы.

(Сонет 104)

В 1598 г. старший граф Пемброк был ещё жив и умер лишь три года спустя, в 1601 г., а в сонете 14 о нём говорится как об умершем:

Пускай тебя помянет кто-нибудь,
Как ты отца не мог не помянуть.

И, наконец, опять-таки портретное сходство или несходство. Волосы у третьего графа Пемброка были не светлые, а тёмные¹⁶. Впрочем, цвет волос и глаз в сонетах может не иметь прямого отношения к волосам и глазам исторических прототипов, если они были. Возможно, цвет волос и глаз в сонетах определяется сторонами любовного треугольника, а не внешностью реальных действующих лиц:

Так я живу во власти духов двух:
Хранителю перечит недруг мой;

¹⁵ Айвор Браун. Там же. С. 302.

¹⁶ Rictor Norton. P. 3.

Мужчиной предстаёт мне светлый дух,
А женщина грозит мне вечной тьмой.

(Сонет 144)

Тогда возлюбленный светел (a man right fair), а возлюбленная темна (a woman colour'd ill: пагубного, зловещего цвета), так что глаза и волосы у обоих окрашены сообразно их функции.

Веский аргумент против распространённых гипотез выдвинул Оскар Уайльд, усомнившись в том, что кто бы то ни было осмелился в начале семнадцатого века обозначить лорда Саутгемптона или лорда Пемброка аббревиатурой Mr. W.H. – недопустимая дерзость по отношению к тому и к другому лорду. К тому же Mr. означало тогда даже не «мистер», а «мастер», «молодой господин», тем более невозможное обращение к лорду¹⁷. Таким образом, лицо, которому посвящены сонеты, не могло быть аристократического происхождения. Исходя из этого, Оскар Уайльд предположил, что сонеты Шекспира посвящены юному красавцу-актёру из его труппы, игравшему в пьесах Шекспира женские роли, так как женщинам появляться на сцене тогда запрещалось. Имя этого актёра Willie Huges (W.H.), Вилли Хьюс, выводится Оскаром Уайльдом из сонета 20: «A man in hue, all hues in his controlling»: «человек в цвету, все цвета (может быть, все образы) в его власти». Оскар Уайльд не отрицал, что у его гипотезы нет исторических доказательств, и вместо них написал чарующую новеллу «Портрет мистера W.H.». Герои этой новеллы убеждают

¹⁷ Rictor Norton. P. 2.

друг друга в существовании Вилли Хьюса, как в догмате веры, жертвуя жизнью, чтобы придать этому образу реальность. Надо сказать, что Оскару Уайльду удалось ввести Вилли Хьюса в шекспироведение. Своеобразие его метода заключается в том, что существование Вилли выводится не из исторических данных, а из самих сонетов. Даже подлог, совершённый во имя Вилли Хьюса, обретает истинность. Автор сонетов заклинает своего возлюбленного передать свою красоту потомству, но это потомство – не дети во плоти, а роли, которые он сыграет в театре Шекспира, пусть эти роли – тени, но другого бессмертия и не бывает, если сама истина для Оскара Уайльда – истина масок, а Просперо в «Буре» говорит, что наш состав подобен составу снов, и к Вилли Хьюсу вполне могут быть отнесены строки:

Каков, скажи мне, плотский твой состав?
Одною тенью каждый наделён.
Присваиваешь тени, заблистав;
Их у тебя, должно быть, миллион.
Адонис был бы на тебя похож,
Будь он, как ты, пленительно красив;
Но, как сама Елена, ты хорош,
В отличие от греков древних жив.

(Сонет 53)

Автор сонетов предлагает юному красавцу брак не со смертной женщиной, а со своей музой, от которой родятся бессмертные дети:

Не бойся! Невозможен твой закат,
И для потомства ясные черты
Останутся; воспетый мною клад,
До светопреставленья будешь ты.

(Сонет 55)

Измена и позор юного красавца связаны, по Оскару Уайльдуду, не с «тёмной леди», а с его переходом в театр другого драматурга. Намёк на такую измену также встречается в сонетах:

Начав писать, я духом пасть готов;
Тебя воспел владыка из владык,
Непревзойдён в могуществе стихов,
Так что немеет у меня язык.
Но в океане совершенств твоих
Дерзаем плавать оба: он и я,
Большой корабль среди бурных волн морских
И маленькая, жалкая ладья.

(Сонет 80)

Оскар Уайльд убедительно доказывает, что молодой актёр изменил Шекспиру с Кристофером Марло. В исторической драме Кристофера Марло «Эдуард II» Вилли Хьюс должен был играть Гевестона, тоже юного красавца, в которого Эдуард II влюблён. Ланкастер в драме Марло уподобляет Гевестона «греческой плюхе», и не на это ли уподобление ссылается строка в сонете 53: «Но, как сама Елена, ты хорош»? Король не в силах порвать с Гевестонном; он открыто предпочитает Гевестона королеве, за что

та жестоко мстит своему супругу. Король Эдуард II теряет престол, он уже не дорожит жизнью, утратив Гевестона. Гевестон вызывает ненависть всех английских баронов, но в этой ненависти угадывается страсть к нему; его убивают, потому что перед ним невозможно устоять. Простое упоминание Вилли Хьюса в роли Гевестона придаёт ему в новелле Оскара Уайльда такую соблазнительную жизненность, что не только Оскар Уайльд изощряется, находя доказательство его существования. Не забудем, что статья Риктора Нортонна так и называется: «Вилли Хьюс как Джульетта». Именно Оскар Уайльд высказывает предположение, что роль Джульетты в трагедии Шекспира играл Вилли Хьюс и это подтверждает сонет 101:

Конечно, он хорош и без похвал,
Но, Муза, ты молчание нарушь,
Чтоб над веками восторжествовал
Он, пережив златой гробницы глушь.

Фамилия «Хьюс» была так распространена в Англии, что предполагаемого Вилли Хьюса, его родичей и двойников найти нетрудно среди актёров, музыкантов и поэтов. Оскар Уайльд уверяет, что Mr. W.H. не мог быть знатного происхождения, но среди аргументов Оскара Уайльда по меньшей мере один не подтверждается сонетами. Слово «birth» в сонете 37 вряд ли может означать что-нибудь, кроме знатного происхождения, да ещё в сочетании с великолепием:

Как знатности, как тонкому уму
Изяществом себя не проявить!

И я к великолепию твоему
Мою любовь осмелился привить.

А знатность снова влечёт за собой изысканный образ молодого лорда и беспокойный призрак придворной дамы, какая бы тёмная или даже чёрная она ни была.

АЛХИМИЯ В ТРЁХ ЛИЦАХ

Оскар Уайльд балансирует на грани анахронизма. Если сонет 80 намекает на Кристофера Марло, сонет должен быть написан не позднее 1593 г., когда Марло был убит, а Мирес, как мы помним, датирует «сладостные сонеты» Шекспира 1598 годом, хотя сонеты могли быть написаны раньше. Поэтическая гипотеза Оскара Уайльда не становится от этого менее вероятной, чем другие гипотезы, в свою очередь, не более вероятные, чем гипотеза Оскара Уайльда. Исторические данные лишь отчасти, не без неувязок и несообразностей документируют роман в сонетах Шекспира и остаются лишь набросками к этому роману, который не выводится из них, а напротив, они сводятся, в конце концов, к нему же.

В романе два героя и героиня: старший друг, младший друг и тёмная леди. Интрига романа заключается в том, что старший друг приходит в гневное отчаянье, когда младший готов, наконец, обрести женское лоно, предназначенное для продления рода, а к чему, если не к этому, призывал младшего старший друг в первых сонетах. Если

принять версию с Уильямом Хербертом и с Мэри Фиттон, то женское лоно по этой версии отнюдь не было бесплодным и могло передать по наследству чарующую красоту младшего друга. Но даже если отвлечься от лорда Пемброка, младший друг как будто исполняет завет старшего, а старший в отчаянье. Возможно, его отчаянье вызвано ревностью: младший друг совратил возлюбленную старшего, или она совратила его. Но если старший друг неистовствует от ревности, ревнует ли он свою возлюбленную к младшему другу, или младшего друга – к своей возлюбленной? Сонеты определённо заставляют предположить второе.

На мужнем посеве в женском лоне, по существу, настаивают лишь первые полтора десятка сонетов. В сонете 16 старший друг ещё проповедует превосходство жизни над искусством:

Девичьи распускаются сады,
Где для тебя ни в чём отказу нет,
И могут появиться там плоды,
Которым уступил бы твой портрет.
Сумеет жизнь себя запечатлеть,
Затмив искусство, время низложив;
В глазах людей ты можешь уцелеть,
Без моего пера в грядущем жив.

Такое смирение паче гордости, и не настаивает ли автор на обратном от противного: утончённому вкусу могут опротиветь девичьи сады, «где для тебя ни в чём отказу нет». Уже в следующем сонете предполагаемый от-

прыск младшего друга и стих старшего уравниваются в совершенствах:

Тогда напомнить мог бы отпрыск твой:
Ты в нём, как и в стихе моём, живой.

Из сонета в сонет нарастает вера в свой стих: «Цела в моём стихе моя любовь» (сонет 19). В двадцатом сонете происходит взрыв нежности или кульминация: женственная природа младшего друга откровенно превозносится над женской:

Твой лик природой женственной отмечен;
Владыка, ты владычица желаний,
По-женски нежен ты, но безупречен:
Изменчивых не знаешь колебаний.

Спрашивается, неужели старший друг советует предпочесть совершенству несовершенную женственность, да и способна ли она передать по наследству совершенную красоту? Младшему рекомендуется допускать к своим усладам не женщину, а женщин, так что речь явно идёт не о женитьбе на одной из них, а «заветным кладом» младший остаётся для старшего, что не вызывает сомнений в эротической близости между ними. Старший предостерегает младшего, что эта близость постыдна в глазах непосвящённых:

Я не могу тебя назвать моим,
Не опозорив друга навсегда;
Признаешься, что я тобой любим,
И не убережешься от стыда.

(Сонет 36)

Истинный смысл призывов к браку в том, что младший вступает в брак с музой старшего, и старший горько жалуется, когда этот брак расстраивается: «Итак, моей ты музе не супруг» (Сонет 82). Тем не менее, первые сонеты понимаются не только переводчиками, но и многими добросовестными комментаторами как доподлинный совет жениться и обзавестись детьми. Совет не без горечи, но горечь эту объясняют несчастливой семейной жизнью старшего друга. Но даже если принять такую точку зрения, нельзя не признать, что где-то около сонета 20 матриониальные заклинания сменяются обещаниями поэтического бессмертия. Одно из двух: или старший отчаялся обратиться к младшему на путь истинный, или младший обратил старшего в свою веру, преподав старшему урок эротики, перед которой старший не устоял.

«Как знатности, как тонкому уму изяществом себя не проявить», и вполне можно себе представить, как юный аристократ-интеллектуал читает старшему поэту «Пир» Платона со своими вольными комментариями. Скрытые и открытые цитаты из «Пира» встречаются в сонетах; можно даже утверждать, что сонеты основаны на этих цитатах:

Не потому ли мы обречены
На этом свете друг без друга жить
И на два существа рассечены,
Чтобы тобой мне больше дорожить?

(Сонет 39)

В «Пире» Аристофан повествует: «Сказав это, он (Зевс – В.М.) стал разрезать людей пополам, как режут яйцо во-

лоском... И вот когда тела были таким образом рассечены пополам, каждая половина с вожделением устремилась к другой своей половине, они обнимались, сплетались и, страстно желая срастись, умирали от голода и вообще от бездействия, потому что ничего не хотели делать по-рознъ»¹⁸. Что же касается страстных призывов оставить потомство в первых сонетах, то они прочитываются в словах Диотимы: «Дело в том, Сократ, что все люди беременны как телесно, так и духовно, и когда они достигают известного возраста, природа наша требует разрешения от бремени. Разрешиться же она может только в прекрасном, но не в безобразном»¹⁹. Эта беременность, свойственная людям обоего пола, при стремлении родить в прекрасном, и запечатлена в сонетах. Отсюда строки:

Своих подобий, скажем, десяти
Не пожалей для будущих времён;
Смерть не собьёшь ли ты тогда с пути,
Десятикратным счастьем наделён.
Не оставляй в наследство красоту
Могильному червю или кроту.

(Сонет 6)

Но природа этих подобий не так проста, как может показаться читателю сонетов. Диотима в «Пире» высказывает недвусмысленно: «Те, у кого разрешиться от бремени стремится тело, обращаются больше к женщинам и

¹⁸ Платон. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1993. Т. 2. С. 99.

¹⁹ Платон. Т. 4. С. 116-117.

служат Эроту именно так, надеясь деторождением приобрести бессмертие и счастье и оставить о себе память на вечные времена». Так и говорится в сонетах:

Оплатишь красотой своею счёт,
И красота тебя переживёт.

(Сонет 4)

Но Диотима на этом не останавливается. Она продолжает: «Беременные же духовно – ведь есть и такие, – пояснила она, – которые беременны духовно, и притом даже в большей мере, чем телесно, – беременны тем, что как раз душе и подобает вынашивать. А что ей подобает вынашивать? Разумение и прочие добродетели. Родителями их бывают все творцы и те из мастеров, которых можно назвать изобретательными»²⁰. Вот встречное искушение, которое выдвигает старший, прельщая своего младшего со-вратителя:

Для ран любовных время – эликсир,
И, кажется, мне смерть подчинена;
И я в моих стихах бессмертно сир,
Безграмотные вымрут племена.

Моим стихам неведом этот риск.

Другой тебе не нужен обелиск.

(Сонет 107)

Буквально то же самое говорит Диотима: «Да и каждый, пожалуй, предпочтёт иметь таких детей, а не обыч-

²⁰ Платон. Там же. С. 119.

ных, если подумает о Гомере, Гесиоде и других прекрасных поэтах, чьё потомство достойно зависти, ибо оно приносит им бессмертную славу и сохраняет память о них, потому что и само незабываемо и вечно»²¹. Тут в речах Диотимы происходит характерный сдвиг, происходящий и в сонетах: «... нелепо думать, будто красота у всех тел не одна и та же»²². Дальше эта мысль, так сказать, уточняется: «И тот, кто благодаря правильной любви к юношам поднялся над отдельными разновидностями прекрасного и начал постигать само прекрасное, тот, пожалуй, почти у цели»²³. Павсаний в «Пире» формулирует эту мысль ещё прямолинейней и резче: «Эрот же Афродиты небесной восходит к богине, которая, во-первых, причастна только мужскому началу, но никак не к женскому – недаром это любовь к юношам, а во-вторых, старше и чужда преступной дерзости»²⁴. Если говорить об Эпохе Возрождения при всей сомнительности этой метафоры, тогда, несомненно, возродилась платоническая любовь такого рода, и в оправдание Шекспира, если он нуждается в оправдании, следует сказать, что роман в сонетах – не апофеоз, а трагедия такой любви, безысходной, горькой и разрушительной при всех своих утончённых соблазнах. В атмосфере платоновского «Пира» тёмная леди безусловно инородное тело, и страсть к ней не может не

²¹ Платон. Там же. С. 120

²² Платон. Там же. С. 120.

²³ Платон. Там же. С. 121.

²⁴ Платон. Там же. С. 90.

приводить в ярость, заставляя упиваться отвращением к её прелестям. В двух последних сонетах, образующих эпилог романа, бог любви погружён в сон и своей ущербностью напоминает Эрота, о котором говорит опять-таки Дитотима: «... он всегда беден и вопреки распространённому мнению совсем не красив и не нежен, а груб, неопрятен, не обут и бездомен; он валяется на голой земле, под открытым небом...»²⁵. В сонете 153 он «факел свой забыл в траве», и когда в обоих последних сонетах их автор производит от него свой недуг, эта изящная метафора вопреки ухищрениям литературности обретает зловещую, смертельную убедительность, на чём и построен роман в сонетах.

Но сонеты не исчерпываются и таким подходом. Уже в первом сонете появляется роза, столь традиционная для жанра сонетов; в романе Шекспира роза не всегда является символом возлюбленной или возлюбленного, и в первом сонете роза – символ размножения, но означает она скорее некую преемственность, нежели наследственность:

Как завещает роза красоту
Грядущей розе прежде увяданья.

На эту розу странным образом проливает свет некий алхимический манускрипт, написанный в 1606 г., за три года до публикации сонетов и через восемь-десять лет после их предполагаемого написания, из чего не следует,

²⁵ Платон. Т. 4. С. 113.

что сведения, сообщаемые манускриптом, не могли сказаться и в сонетах, будучи куда более древними. В манускрипте приводятся изображения десяти реторт. Уже из первой реторты возникают три цветка, из второй четыре золотых цветка; из девятой реторты возникает «золотая белая роза», которая в десятой реторте сменяется красной розой²⁶. Это чередование роз, возможно, имеет отношение к розе, завещающей свою красоту другой розе в первом сонете. Алхимия прямо упоминается в сонете 114, где она свойственна младшему другу, выдаёт за свет ночную тьму, а главное, коронует старшего друга, что невозможно без алхимического золота. Уже в сонете 33 небесная алхимия золотит реки. В сонете 12 фиалка возвещает угрозу времени, на которую ответ известен:

Серп времени острее что ни год.
Плодись – и сам себе создашь оплот.

Фиалка возвращается в сонете 99, у которого лишняя строка и которому предшествует знаменательное двосточие:

Мошеница-фиалка, – говорю, –
Похитила тончайший аромат
Из уст, любовь моя, твоих; зарю
Присвоил бы бледнеющий закат.

²⁶ Мэнли Палмер Холл. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. М., 2003. С. 722-723.

Фиалка, ещё один символ младшего друга, не просто соотносится с фиалом, в котором совершается алхимическая реакция; фиалкой обозначено двуполое: «Владыка, ты владычица желаний», и в то же время фиалка – символ алхимического Ребиса (Rebis), а Ребис – камень, одна вещь, созданная из двух вещей²⁷.

Такой Ребис должны образовать старший и младший друг в сонетах. Смысл алхимии в том, чтобы сочетать элементы, сами по себе не сочетающиеся в природе. В алхимии преобладает сочетание в отличие от химии, в которой преобладает разложение. Но сочетанию элементов, образующих философский камень, предшествует распад и гниение²⁸. Не отсюда ли червоточина в розе (сонет 95)? Чернота («nigrum nigrius nigro», «чернь чернее чёрной черни») играет в сонетах роковую роль. Алхимии знакома чёрная женщина, которая становится белой²⁹, но в сонетах этого не происходит. Старший друг и младший друг – элементы, которые не сочетаются сами по себе, но их могло бы соединить Великое Искусство (Ars Magna). Чёрная женщина (в сонетах тёмная леди) естественно сочетается с каждым из них, но как раз тем самым делает невозможным их единение между собой. Отсюда трагедия всех трёх. Намечается лжетриада, в которой чёрная женщина не достигает желанной белизны, разъединяя два светлых начала. Тёмная леди – один из пузырей земли, которыми

²⁷ Эжен Каселье. Алхимия. М.: Энигма, 2002. С. 72.

²⁸ Там же, с. 50.

²⁹ Там же, с. 84.

являются ведьмы Макбета, поистине Беспокойный Призрак. Зато элемент W.H. трансформируется. К нему подходит ещё одно толкование, согласно которому W.H. – это William Himself, то есть автор сонетов. Тогда неслучайно в посвящении он обозначен как единственный породивший (Begetter) нижеследующие сонеты, и они принесли бессмертие ему и его другу, кто бы ни был младший друг.

TO. THE.ONLIE. BEGETTER. OF.
THESE. INSVING. SONNETS.
MR. W. H.
ALL.HAPPINESSE.
AND.THAT. ETERNITIE.
PROMISED. BY.
OVR. EVER-LIVING. POET.
WISHETH.
THE. WELL-WISHING.
ADVENTVRER. IN.
SETTING.
FORTH.
T. T.

ЕДИНСТВЕННОМУ. ПОРОДИВШЕМУ.
НИЖЕСЛЕДУЮЩИЕ СОНЕТЫ.
МИСТЕРУ W.H.
ВСЯЧЕСКОГО СЧАСТИЯ.
И ОБЕТОВАННОЙ ВЕЧНОСТИ.
ВОЗВЕЩЁННЫХ
БЕССМЕРТНЫМ ПОЭТОМ.
ЖЕЛАЕТ.
БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ
ИЗДАТЕЛЬ.
ОТВАЖИВШИЙСЯ.
НАПЕЧАТАТЬ ИХ.
Т.Т.

Sonnet I

FROM fairest creatures we desire increase,
That thereby beauty's rose might never die,
But as the ripper should by time decease,
His tender heir might bear his memory:
But thou contracted to thine own bright eyes,
Feed'st thy light's flame with self-substantial fuel,
Making a famine where abundance lies,
Thy self thy foe, to thy sweet self too cruel:
Thou that art now the world's fresh ornament,
And only herald to the gaudy spring,
Within thine own bud buriest thy content,
And, tender churl, mak'st waste in niggarding:
Pity the world, or else this glutton be,
To eat the world's due, by the grave and thee.

Ты посмотри, как множатся в цвету
Желанные, прекрасные созданья,
Как завещает роза красоту
Грядущей розе прежде увяданья.
Любовник нежный собственных очей,
Готовый предпочесть самосожженье,
Собой питая жар своих лучей,
Ты празднуешь свое уничтоженье.
Тебя послала нам сама весна,
И для нее другого нет оплота,
Но красота в тебе погребена:
Скупец, ты расточительнее мота.
Сокровищем своим упившись властью,
Вселенную ты можешь обокрасть.

Sonnet II

WHEN forty winters shall besiege thy brow,
And dig deep trenches in thy beauty's field,
Thy youth's proud livery so gazed on now,
Will be a totter'd weed of small worth held:
Then being asked, where all thy beauty lies,
Where all the treasure of thy lusty days;
To say, within thine own deep sunken eyes,
Were an all-eating shame, and thriftless praise.
How much more praise deserv'd thy beauty's use,
If thou couldst answer "This fair child of mine
Shall sum my count, and make my old excuse,"
Proving his beauty by succession thine!
 This were to be new made when thou art old,
 And see thy blood warm when thou feel'st it cold.

Когда войска зимы сороковой
Обезобразят рвами гордый лоб,
Ты будешь схож с поблекшею травой,
В которой затаился ветхий гроб.
И если спросят вдруг тебя в упор:
«Куда девал ты красоту твою?»
Ответишь ли, скрывая свой позор:
«Её в глазах запавших я таю»?
А ты бы мог парировать удар,
Сказав: «Мой сын прекрасней расцветет
И, оправдав отца, который стар,
Пригожеством своим оплатит счет.
Твоя застынет кровь, однако в нем
Она взиграет сладостным огнем.

Sonnet III

LOOK in thy glass, and tell the face thou viewest
Now is the time that face should form another;
Whose fresh repair if now thou not renewest,
Thou dost beguile the world, unbless some mother.
For where is she so fair whose unear'd womb
Disdains the tillage of thy husbandry?
Or who is he so fond will be the tomb
Of his self-love, to stop posterity?
Thou art thy mother's glass and she in thee
Calls back the lovely April of her prime;
So thou through windows of thine age shalt see,
Despite of wrinkles this thy golden time.
 But if thou live, remember'd not to be,
 Die single and thine image dies with thee.

Глянь в зеркало, и скажет лик твой зримый:
«Вселенское ты сохрани единство,
Возобнови себя, неповторимый,
Даруя девственности материнство».
Какому лону женскому не мил
Благословенный мужний твой посев,
И кто себя в себе похоронил,
Себялюбиво склеп запечатлев?
В тебе увидеть матери дано
Апрель, в котором вся ее весна;
Для старости своей готовь окно,
Чтобы твоя весна была видна.
 Себя не завещаешь в свой черед,
 И милый образ твой с тобой умрет.

Sonnet IV

UNTHRIFTY loveliness, why dost thou spend
Upon thy self thy beauty's legacy?
Nature's bequest gives nothing, but doth lend,
And being frank she lends to those are free:
Then, beauteous niggard, why dost thou abuse
The bounteous largess given thee to give?
Profitless usurer, why dost thou use
So great a sum of sums, yet canst not live?
For having traffic with thy self alone,
Thou of thy self thy sweet self dost deceive:
Then how when nature calls thee to be gone,
What acceptable audit canst thou leave?
Thy unused beauty must be tombed with thee,
Which, used, lives th' executor to be.

Ты получил в наследство красоту,
Зачем же вводишь сам себя в разор?
Природа говорит начистоту:
«Я для свободных честный кредитор».
Прекрасен ты, скупец, однако прост,
И твой урон поэтому велик,
Как если бы, давать решаясь в рост,
Беспечный разорился ростовщик.
Похитив свой же собственный залог,
Ты сам себя намерен обмануть,
Как думаешь ты подвести итог,
Когда отправишься в последний путь?
Оплатишь красотой твою счет,
И красота тебя переживет.

Sonnet V

THOSE hours, that with gentle work did frame
The lovely gaze where every eye doth dwell,
Will play the tyrants to the very same
And that unfair which fairly doth excel;
For never-resting time leads summer on
To hideous winter, and confounds him there;
Sap checked with frost, and lusty leaves quite gone,
Beauty o'er-snowed and bareness every where:
Then were not summer's distillation left,
A liquid prisoner pent in walls of glass,
Beauty's effect with beauty were bereft,
Nor it, nor no remembrance what it was:
But flowers distill'd, though they with winter meet,
Leese but their show; their substance still lives sweet.

Служить готовы рамою часы
Для образа, прельщающего взор,
Однако не щадят они красы
И ей выносят смертный приговор;
Так время лету кончиться велит
Угрюмой неприглядною зимой,
Как будто сок деревьев голых слит
С безжизненной, заснежённой тьмой.
И если бы эссенцией своей,
Томящейся среди стеклянных стен,
Не наделило лето зимних дней,
Остался бы нам разве только тлен;
Однако же эссенция в цветах
Бессмертная, всё остальное – прах.

Sonnet VI

THEN let not winter's ragged hand deface
In thee thy summer, ere thou be distilled:
Make sweet some vial; treasure thou some place
With beauty's treasure ere it be self-killed.
That use is not forbidden usury,
Which happies those that pay the willing loan;
That's for thy self to breed another thee,
Or ten times happier, be it ten for one;
Ten times thy self were happier than thou art,
If ten of thine ten times refigured thee:
Then what could death do if thou shouldst depart,
Leaving thee living in posterity?
Be not self-willed, for thou art much too fair
To be death's conquest and make worms thine heir.

Так пусть персты костлявые зимы
Не расхищают лета твоего;
Эссенцию свою ты дай взаймы,
Грех убивать свое же существо,
Пускай с десятикратною лихвой
Твоя должница долг тебе вернет.
Процент без колебаний ты присвой!
Ростовщика она не проклянет.
Своих подобий, скажем, десяти
Не пожалей для будущих времен;
Смерть не собьешь ли ты тогда с пути,
Десятикратным счастьем наделен?
 Не оставляй в наследство красоту
 Могильному червию или кроту.

Sonnet VII

LO! in the orient when the gracious light
Lifts up his burning head, each under eye
Doth homage to his new-appearing sight,
Serving with looks his sacred majesty;
And having climbed the steep-up heavenly hill,
Resembling strong youth in his middle age,
Yet mortal looks adore his beauty still,
Attending on his golden pilgrimage:
But when from highmost pitch, with weary car,
Like feeble age, he reeleth from the day,
The eyes, "fore duteous, now converted are
From his low tract, and look another way:
So thou, thyself outgoing in thy noon
Unlooked on diest unless thou get a son.

Свет поднимает жгучее чело
И движется с востока на простор,
Где сразу же сиянье привлекло
К себе благоговейный смертный взор.
А сколько восхищенных пылких душ
Взирает, не спуская глаз, потом,
Как шествует над миром юный муж
В своем паломничестве золотом.
А пополудни продолжает путь
Он, меркнувший, под гнетом седины,
И на былое некому взглянуть:
Не на него глаза устремлены.
Умрешь, свой бывший блеск в ночи губя,
Когда не будет сына у тебя.

Sonnet VIII

MUSIC to hear, why hear'st thou music sadly?
Sweets with sweets war not, joy delights in joy:
Why lov'st thou that which thou receiv'st not gladly,
Or else receiv'st with pleasure thine annoy?
If the true concord of well-tuned sounds,
By unions married, do offend thine ear,
They do but sweetly chide thee, who confounds
In singleness the parts that thou shouldst bear.
Mark how one string, sweet husband to another,
Strikes each in each by mutual ordering;
Resembling sire and child and happy mother,
Who, all in one, one pleasing note do sing:
Whose speechless song being many, seeming one,
Sings this to thee: "Thou single wilt prove none."

От музыки, ты музыка для слуха,
Услада супротив иных услад,
Испытываешь ты упадок духа.
Зачем же ты подобной скорби рад?
Не потому ли может огорчать
Тебя своим согласиём аккорд,
Что предпочел отдельно ты звучать,
Разладом своевольным этим горд?
К супругам-струнам струны притерпелись,
Гармонии живую дань платя,
Как будто бы между собою спелись
Родители и нежное дитя;
 Единое поет в них существо;
 А кто один, считай, что нет его.

Sonnet IX

IS IT for fear to wet a widow's eye,
That thou consum'st thy self in single life?
Ah! if thou issueless shalt hap to die,
The world will wail thee like a makeless wife;
The world will be thy widow and still weep
That thou no form of thee hast left behind,
When every private widow well may keep
By children's eyes, her husband's shape in mind:
Look what an unthrift in the world doth spend
Shifts but his place, for still the world enjoys it;
But beauty's waste hath in the world an end,
And kept unused the user so destroys it.
No love toward others in that bosom sits
That on himself such murd'rous shame commits.

44

НЕУЖТО ты вступать не хочешь в брак,
О будущей вдове своей скорбя?
Но целый мир оденется во мрак,
Утратив неожиданно тебя.
Твоя вдова Вселенная тогда
Заплачет, не найдя твоих примет
Ни в ком, а жизнь самой себе чужда,
Когда нигде твоих подобий нет.
В безумстве расточительных щедрот
Тягчайшая утрата в мире мнима;
За веком век идет круговорот,
И только красота невосполнима.
 От человеколюбия далек
 Тот, кто собой постыдно пренебрег.

Sonnet X

FOR shame deny that thou bear'st love to any,
Who for thy self art so unprovident.
Grant, if thou wilt, thou art beloved of many,
But that thou none lov'st is most evident:
For thou art so possessed with murderous hate,
That "gainst thy self thou stick'st not to conspire,
Seeking that beauteous roof to ruinate
Which to repair should be thy chief desire.
O! change thy thought, that I may change my mind:
Shall hate be fairer lodged than gentle love?
Be, as thy presence is, gracious and kind,
Or to thyself at least kind-hearted prove:
Make thee another self for love of me,
That beauty still may live in thine or thee.

Стыдись! Тебе неужто не обидно?
Признайся, ты же многими любим,
Но никого не любишь, очевидно,
Творя насилье над собой самим.
Убийственной ненавистью ты
Охвачен, заговорщик; ты готов
Дотла разрушить зданье красоты,
Хотя твой долг – хранить прекрасный кров.
Опомнись! Наконец, меня утешь!
Зачем вражде пленительный чертог?
Ты поднял сам против себя мятеж,
Не будь же к самому себе жесток.
 Не откажи в подобии своем
 Ты миру, где с тобою мы вдвоем.

Sonnet XI

AS FAST as thou shalt wane, so fast thou grow'st
In one of thine, from that which thou departest;
And that fresh blood which youngly thou bestow'st,
Thou mayst call thine when thou from youth convertest.
Herein lives wisdom, beauty, and increase;
Without this folly, age, and cold decay:
If all were minded so, the times should cease
And threescore year would make the world away.
Let those whom nature hath not made for store,
Harsh, featureless, and rude, barrenly perish:
Look whom she best endow'd, she gave the more;
Which bounteous gift thou shouldst in bounty cherish:
She carv'd thee for her seal, and meant thereby,
Thou shouldst print more, not let that copy die.

76

Начнешь ты увядать, и расцветешь
В своем любимом отпрыске ты снова,
Своею кровью кровь его сочтешь,
Которая взыграть уже готова,
Вот красота, вот мудрость, вот расцвет;
Иначе старческая дурь с тоской;
Достаточно шестидесяти лет,
Чтоб вымер поголовно род людской.
Пускай исчезнет после похорон
Какой-нибудь убогий и безликий,
А ты природой щедро одарен;
Грех расточить подобный дар великий.
 Пойми: печать природы ты теперь.
 Свою живую копию заверь.

Sonnet XII

WHEN I do count the clock that tells the time,
And see the brave day sunk in hideous night;
When I behold the violet past prime,
And sable curls, all silvered o'er with white;
When lofty trees I see barren of leaves,
Which erst from heat did canopy the herd,
And summer's green all girded up in sheaves,
Borne on the bier with white and bristly beard.
Then of thy beauty do I question make,
That thou among the wastes of time must go,
Since sweets and beauties do themselves forsake
And die as fast as they see others grow;
And nothing "gainst Time"s scythe can make defence
Save breed, to brave him when he takes thee hence.

Когда я слышу, как часы идут,
И в лоне дня ночь мрачная видна,
И смерти по весне фиалки ждут,
А в бывших черных прядях седина,
Когда на сквозняке лесной тропы,
Озябнув, листья жалобно дрожат,
Когда белобородые снопы
На всех телегах трупами лежат,
Тогда я задаю себе вопрос,
Как уберечься красоте твоей
Средь неизбежных гибельных угроз
В сумятице рождений и смертей.
Сerp времени острее что ни год.
Плодись – и сам себе создашь оплот.

Sonnet XIII

O! THAT you were your self; but, love, you are
No longer yours, than you your self here live:
Against this coming end you should prepare,
And your sweet semblance to some other give:
So should that beauty which you hold in lease
Find no determination; then you were
Yourself again, after yourself's decease,
When your sweet issue your sweet form should bear.
Who lets so fair a house fall to decay,
Which husbandry in honour might uphold,
Against the stormy gusts of winter's day
And barren rage of death's eternal cold?
O! none but unthrifts. Dear my love, you know,
You had a father: let your son say so.

Ты всё еще себе принадлежишь,
Любимый, потому что ты живой,
Однако смерти ты не избежишь...
Тем драгоценней был бы образ твой.
Ты взял невольно красоту взаймы,
Которая твою может стать,
Когда позволишь ты, добыча тьмы,
Твоею формой без тебя блистать.
Кто, кроме расточителя, свой дом
Подвергнет ярости смертельных зим,
Побрезговав супружеским трудом
И, следовательно, собой самим?
Пускай тебя помянет кто-нибудь,
Как ты отца не мог не помянуть.

Sonnet XIV

NOT from the stars do I my judgement pluck;
And yet methinks I have Astronomy,
But not to tell of good or evil luck,
Of plagues, of dearths, or seasons' quality;
Nor can I fortune to brief minutes tell,
Pointing to each his thunder, rain and wind,
Or say with princes if it shall go well
By oft predict that I in heaven find:
But from thine eyes my knowledge I derive,
And, constant stars, in them I read such art
As truth and beauty shall together thrive,
If from thyself, to store thou wouldst convert;
Or else of thee this I prognosticate:
Thy end is truth's and beauty's doom and date.

Пусть лишь отчасти мне знаком язык
Небесных звезд, я тоже астроном,
Хоть я судить по звездам не привык
О потрясениях на пути земном;
Не знаю, как предречь минутам срок
И дождь, благоприятный для полей;
Читать я не умею звездных строк,
Не смею обнадежить королей;
Но мне читать в твоих глазах дано,
В надежных звездах, даже в наши дни,
Что красота и правда заодно,
И лишь в твоих глазах живут они;
Глаза твои открыли мне секрет:
Нет красоты без них и правды нет.

Sonnet XV

WHEN I consider every thing that grows
Holds in perfection but a little moment,
That this huge stage presenteth nought but shows
Whereon the stars in secret influence comment;
When I perceive that men as plants increase,
Cheered and checked even by the self-same sky,
Vaunt in their youthful sap, at height decrease,
And wear their brave state out of memory;
Then the conceit of this inconstant stay
Sets you most rich in youth before my sight,
Where wasteful Time debateth with decay
To change your day of youth to sullied night,
 And all in war with Time for love of you,
 As he takes from you, I engraft you new.

Когда в произрастанье вижу тлен,
А совершенство хрупкое – на миг,
И жизнь – театр, где смену быстрых сцен
Лишь тайный звездный хор давно постиг;
Когда смотрю, как человек взращен
Всё тем же небом, и в расцвете лет
Бывает рост внезапно прекращен,
И в памяти затерян бывший след,
Когда непостоянство наших дней
Твоей беспечной красоте грозит
И преданной любви моей видней,
Как время эту роскошь исказит,
 За красоту не бойся ты твою,
 Ес тебе я заново привью.

Sonnet XVI

BUT wherefore do not you a mightier way
Make war upon this bloody tyrant, Time?
And fortify your self in your decay
With means more blessed than my barren rhyme?
Now stand you on the top of happy hours,
And many maiden gardens, yet unset,
With virtuous wish would bear you living flowers,
Much liker than your painted counterfeit:
So should the lines of life that life repair,
Which this, Time's pencil, or my pupil pen,
Neither in inward worth nor outward fair,
Can make you live your self in eyes of men.
To give away yourself, keeps yourself still,
And you must live, drawn by your own sweet skill.

Твой лютой недруг – Время! Тем сильней
Ты в схватке с ним; зачем тебе мой стих,
Когда ты сам в расцвете юных дней,
Во всеоружье прелестей своих?
Девичьи распускаются сады,
Где для тебя ни в чем отказу нет,
И могут появиться там плоды,
Которым уступил бы твой портрет.
Сумел жизнь тебя запечатлеть,
Затмив искусство, время низложив;
В глазах людей ты можешь уцелеть,
Без моего пера в грядущем жив;
 Отдав себя, переживешь ты тьму,
 Себе обязан этим самому.

Sonnet XVII

WHO will believe my verse in time to come,
If it were fill'd with your most high deserts?
Though yet heaven knows it is but as a tomb
Which hides your life, and shows not half your parts.
If I could write the beauty of your eyes,
And in fresh numbers number all your graces,
The age to come would say "This poet lies;
Such heavenly touches ne'er touch'd earthly faces.'
So should my papers, yellow'd with their age,
Be scorn'd, like old men of less truth than tongue,
And your true rights be term'd a poet's rage
And stretched metre of an antique song:
 But were some child of yours alive that time,
 You should live twice, in it, and in my rhyme.

И кто поверит моему стиху,
Твой бывший блеск пытаюсь угадать?
Допустим, я правдив, как на духу,
В гробу твоих достоинств не видать.
Описывать глаза твои решу,
Но даже если я при этом прав,
Мне могут возразить, что я грешу,
Небесное земному приписав.
Свидетельству поблекшего листка
Ученый не доверится юнец,
Признав, что эти бредни старика –
Древнейшей песни ветхий образец;
Тогда напомнить мог бы отпрыск твой:
Ты в нем, как и в стихе моем, живой.

Sonnet XVIII

SHALL I compare thee to a summer's day?
Thou art more lovely and more temperate:
Rough winds do shake the darling buds of May,
And summer's lease hath all too short a date:
Sometime too hot the eye of heaven shines,
And often is his gold complexion dimmed,
And every fair from fair sometime declines,
By chance, or nature's changing course untrimmed:
But thy eternal summer shall not fade,
Nor lose possession of that fair thou ow'st,
Nor shall death brag thou wander'st in his shade,
When in eternal lines to time thou grow'st,
 So long as men can breathe, or eyes can see,
 So long lives this, and this gives life to thee.

Не с летним ли тебя сравнить мне днем?
Но красота милее без причуд,
А в мае мы ветров холодных ждем,
И быстро дни погожие пройдут.
Что холодом сперва повреждено,
Потом бывает выжжено жарой,
И золоту поблекнуть суждено,
И нарушается природный строй.
Непреходящим летом блещешь ты,
Не ведая мучительных утрат,
Лелеет время дивные черты,
И не грозит прекрасному закат;
Пока дышать мы будем и смотреть,
Не можешь ты с прекрасным умереть.

Sonnet XIX

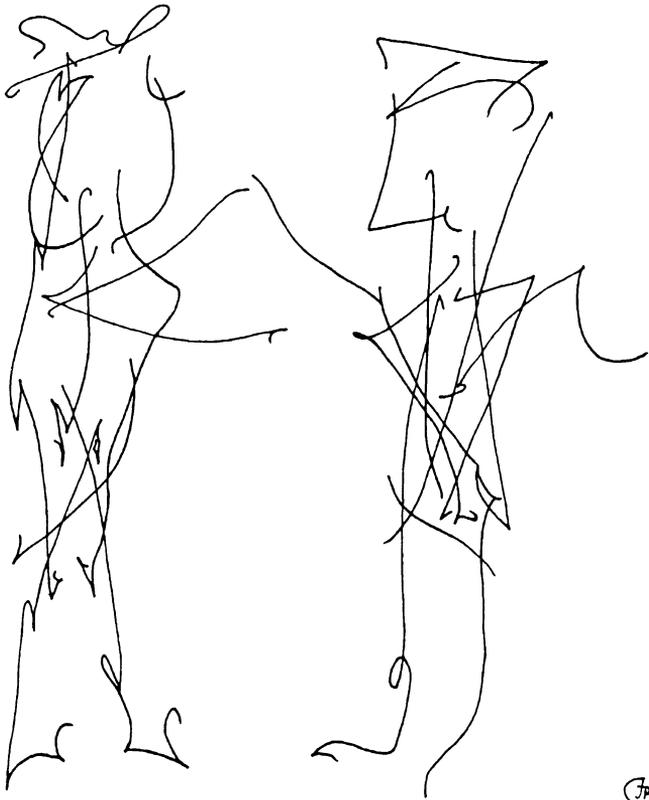
DEVOURING Time, blunt thou the lion's paws,
And make the earth devour her own sweet brood;
Pluck the keen teeth from the fierce tiger's jaws,
And burn the long-liv'd phoenix, in her blood;
Make glad and sorry seasons as thou fleet'st,
And do whate'er thou wilt, swift-footed Time,
To the wide world and all her fading sweets;
But I forbid thee one most heinous crime:
O! carve not with thy hours my love's fair brow,
Nor draw no lines there with thine antique pen;
Him in thy course untainted do allow
For beauty's pattern to succeeding men.
 Yet, do thy worst old Time: despite thy wrong,
 My love shall in my verse ever live young.

44

Ты, Время, лапы львов обезоружь,
На земнородных землю натрави,
Лесному тигру челюсти разрушь
И феникса сожги в его крови!
Мчись, чередуя радость и печаль
В неумолимом беге зим и лет;
Когда услад земных тебе не жаль,
Неистовствуй, но помни мой запрет:
Часам не позволяй полосовать
Ты моего любимого чела,
Не смей на нем узоров рисовать,
Пусть будет красота его цела.
 Как хочешь, впрочем, ты мне прекословь.
 Цела в моем стихе моя любовь.

Sonnet XX

A WOMAN'S face with nature's own hand painted,
Hast thou, the master mistress of my passion;
A woman's gentle heart, but not acquainted
With shifting change, as is false women's fashion:
An eye more bright than theirs, less false in rolling,
Gilding the object whereupon it gazeth;
A man in hue all hues in his controlling,
Which steals men's eyes and women's souls amazeth.
And for a woman wert thou first created;
Till Nature, as she wrought thee, fell a-doting,
And by addition me of thee defeated,
By adding one thing to my purpose nothing.
But since she prick'd thee out for women's pleasure,
Mine be thy love and thy love's use their treasure.

JB

Твой лик природой женственной отмечен;
Владыка, ты владычица желаний,
По-женски нежен ты, но безупречен:
Изменчивых не знаешь колебаний,
Яснее женских глаз твои зеницы,
Ты целый мир светиться заставляешь,
Нет мужеству блестящему границы:
Чаруя жен, мужей ты ослепляешь.
Тебя женой природа сотворила,
Однако же в тебя влюбилась, видно,
И кое-чем некстати одарила.
Вот от чего мне больно и обидно.
Ты женщин допускай к своим уладам,
А для меня пребудь заветным кладом.

Sonnet XXI

SO is it not with me as with that Muse,
Stirred by a painted beauty to his verse,
Who heaven itself for ornament doth use
And every fair with his fair doth rehearse,
Making a couplement of proud compare
With sun and moon, with earth and sea's rich gems,
With April's first-born flowers, and all things rare,
That heaven's air in this huge rondure hems.
O! let me, true in love, but truly write,
And then believe me, my love is as fair
As any mother's child, though not so bright
As those gold candles fixed in heaven's air:
Let them say more that like of hearsay well;
I will not praise that purpose not to sell.

Я не из тех, чья муза напоказ
Из вычур стих слагает налету
И знать не хочет неба без прикрас,
Красивостью пятная красоту;
Пышнейшие сравненья громоздят,
Как будто бы до неба два шага.
Вот-вот они с размаху пригвоздят
К цветам апрельским звезды-жемчуга;
Другие лгут, а я в любви правдив
И предпочту любовь мою сберечь,
Как мать уберегла ее, родив.
Что мне до золотых небесных свеч!
 В цене моя любовь иль не в цене,
 Осталась бы навек она при мне.

Sonnet XXII

MY glass shall not persuade me I am old,
So long as youth and thou are of one date;
But when in thee time's furrows I behold,
Then look I death my days should expiate.
For all that beauty that doth cover thee,
Is but the seemly raiment of my heart,
Which in thy breast doth live, as thine in me:
How can I then be elder than thou art?
O! therefore love, be of thyself so wary
As I, not for myself, but for thee will;
Bearing thy heart, which I will keep so chary
As tender nurse her babe from faring ill.
Presume not on thy heart when mine is slain,
Thou gav'st me thine not to give back again.

Мне в зеркало не страшно посмотреть.
Ты молод, значит, я в расцвете лет,
С морщинами твоими мне стареть;
В них смерть моя, от них спасенья нет.
Друг ненаглядный, сам ты посуди:
Ты отдал сердце мне – прекрасный дар!
Мое же сердце у тебя в груди.
И как могу я быть при этом стар?
Лелей же сердце нежное ты нежно,
Как я себя не уберег шутя,
Как няньке следует беречь прилежно
Болезненное робкое дитя.
Ты не забудь, что в чайные утрат
Мне сердце отдал ты не напрокат.

Sonnet XXIII

As an unperfect actor on the stage,
Who with his fear is put beside his part,
Or some fierce thing replete with too much rage,
Whose strength's abundance weakens his own heart:
So I, for fear of trust, forget to say
The perfect ceremony of love's rite,
And in mine own love's strength seem to decay,
O'ercharg'd with burthen of mine own love's might.
O! let my looks be then the eloquence
And dumb presagers of my speaking breast,
Who plead for love, and look for recompense,
More than that tongue that more hath more express'd.
O! learn to read what silent love hath writ:
To hear with eyes belongs to love's fine wit.

Как плохонький актеришка порой
Способен роль от страха забывать,
Как в ярости безудержной герой
От боли в сердце может изнывать,
Так правды я в отчаянье страшусь
И, нарушая строгий ритуал,
Тебе в любви признаться не решусь,
Каких бы слов красивых ни искал.
Надеюсь, ты моих читатель книг,
Где каждая тобой живет строка,
Чтоб, с книгой грудь мою открыв, ты вник
В то, что слететь не может с языка.
Учись читать в молчании мой дух.
Пойми: любовь глазам дарует слух.

Sonnet XXIV

MINE eye hath play'd the painter and hath steel'd,
Thy beauty's form in table of my heart;
My body is the frame wherein 'tis held,
And perspective it is best painter's art.
For through the painter must you see his skill,
To find where your true image pictur'd lies,
Which in my bosom's shop is hanging still,
That hath his windows glazed with thine eyes.
Now see what good turns eyes for eyes have done:
Mine eyes have drawn thy shape, and thine for me
Are windows to my breast, where-through the sun
Delights to peep, to gaze therein on thee;
Yet eyes this cunning want to grace their art,
They draw but what they see, know not the heart.

Мой глаз-художник написал портрет,
Чья рамка до могилы – грудь моя;
Хранит искусство лучший свой секрет,
Твой образ перспективою тая.
В художнике уменье разгляди,
Которым образ твой запечатлен,
Он у меня по-прежнему в груди,
Твоими же глазами застеклен.
Так нежно преданы глаза глазам.
Мои твою изображают суть;
В твоих свое же сердце вижу сам,
Как в окнах; солнцу в них бы заглянуть!
Так сердце от меня твое тая,
Глазами движет живопись моя.

Sonnet XXV

LET those who are in favour with their stars
Of public honour and proud titles boast,
Whilst I, whom fortune of such triumph bars
Unlook'd for joy in that I honour most.
Great princes' favourites their fair leaves spread
But as the marigold at the sun's eye,
And in themselves their pride lies buried,
For at a frown they in their glory die.
The painful warrior famed for fight,
After a thousand victories once foiled,
Is from the book of honour razed quite,
And all the rest forgot for which he toiled:
 Then happy I, that love and am beloved,
 Where I may not remove nor be removed.

Пускай своей звездой гордится тот,
Кто титулами блещет среди вельмож;
А я судьбой лишен таких высот,
И для меня другой удел хорош.
Уютно процветать временщикам,
Как бархатцам у солнца на глазах;
Но сдастся солнце хмурым облакам,
И от цветов останется лишь прах.
Воитель, побеждавший весь свой век,
Сраженье в жизни проиграв одно,
Забвенья рокового не избег:
Ему воспрянуть снова не дано.
Моей судьбе привык я доверять.
Кроме любви, мне нечего терять.

Sonnet XXVI

LORD of my love, to whom in vassalage
Thy merit hath my duty strongly knit,
To thee I send this written embassage,
To witness duty, not to show my wit:
Duty so great, which wit so poor as mine
May make seem bare, in wanting words to show it,
But that I hope some good conceit of thine
In thy soul's thought, all naked, will bestow it:
Till whatsoever star that guides my moving,
Points on me graciously with fair aspect,
And puts apparel on my tottered loving,
To show me worthy of thy sweet respect:
Then may I dare to boast how I do love thee;
Till then, not show my head where thou mayst prove me.

Любви моей державный сюзерен!
Позволь посредством этого письма
Запечатлеть мой добровольный плен:
Мой в этом долг, а не игра ума.
Мой дом велик, а я умом убог,
И шлю к тебе я помыслы нагие;
Воображеньем ты один бы мог
Их облачить в наряды дорогие.
Какая бы звезда ни провожала
Меня в сияющую высоту,
Победу лишь бы нежность одержала,
Мне в нищете даруя красоту.
Грех говорить мне о любви с тобою,
Пока тебя в себе я не открою.

Sonnet XXVII

WEARY with toil, I haste me to my bed,
The dear repose for limbs with travel tired;
But then begins a journey in my head
To work my mind, when body's work's expired:
For then my thoughts—from far where I abide—
Intend a zealous pilgrimage to thee,
And keep my drooping eyelids open wide,
Looking on darkness which the blind do see:
Save that my soul's imaginary sight
Presents thy shadow to my sightless view,
Which, like a jewel hung in ghastly night,
Makes black night beautiful, and her old face new.
Lo! thus, by day my limbs, by night my mind,
For thee, and for myself, no quiet find.

Усталым телом я хочу прилечь;
Пристанище мое – моя постель,
А мысли в голове взыскуют встреч
С тобой, моя единственная цель.
В твою обитель мысль моя спешит,
Ревнивая, не знающая сна;
Глаза таращу, тьма меня страшит:
Слепому день и ночь она видна.
В моем воображеньи твой портрет,
Лишь тень твоя, но мой незрячий взор
Старухе Ночи дарит самоцвет;
Омолодил ее такой убор.
Днем тело устает, а для души
Успокоенья нет в ночной тиши.

Sonnet XXVIII

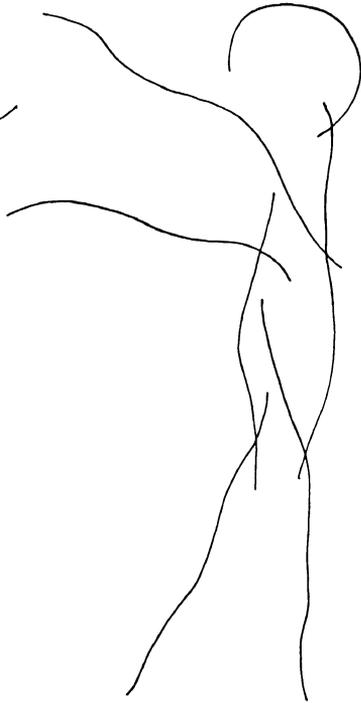
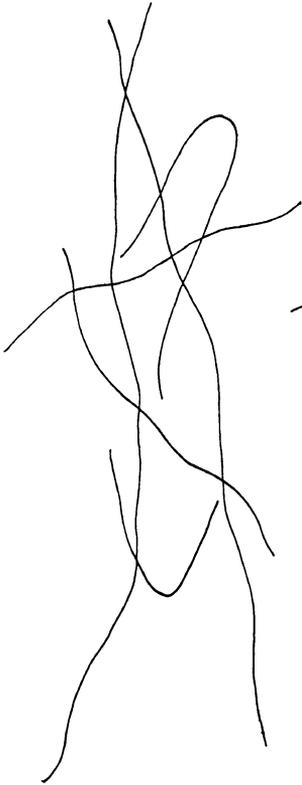
HOW can I then return in happy plight,
That am debarred the benefit of rest?
When day's oppression is not eas'd by night,
But day by night and night by day oppress'd,
And each, though enemies to either's reign,
Do in consent shake hands to torture me,
The one by toil, the other to complain
How far I toil, still farther off from thee.
I tell the day, to please him thou art bright,
And dost him grace when clouds do blot the heaven:
So flatter I the swart-complexion'd night,
When sparkling stars twire not thou gild'st the even.
But day doth daily draw my sorrows longer,
And night doth nightly make grief's length seem stronger.

Как мне к трудам в дневной вернуться свет,
Когда мне ночь покоя не даст?
Ночь мне вредит, и день приносит вред,
И день и ночь один и тот же гнет.
Между собой ведущие войну,
Они рукопожатьем сплочены.
Мешает ночь целительному сну;
День мне сулит мучительные сны.
А я пытаюсь дню польстить в ответ,
И, в облаках признав твое влиянье,
Я ночи говорю, что, если нет
Звезд в небе, у нее твое сиянье.
 Но что ни день, моя печаль длиннее,
 И что ни ночь, она еще сильнее.

Sonnet XXIX

WHEN in disgrace with fortune and men's eyes
I all alone beweep my outcast state,
And trouble deaf heaven with my bootless cries,
And look upon myself, and curse my fate,
Wishing me like to one more rich in hope,
Featured like him, like him with friends possessed,
Desiring this man's art, and that man's scope,
With what I most enjoy contented least;
Yet in these thoughts my self almost despising,
Haply I think on thee, and then my state,
Like to the lark at break of day arising
From sullen earth, sings hymns at heaven's gate;
For thy sweet love remembered such wealth brings
That then I scorn to change my state with kings.

44

Когда глумится надо мною рок
И я, изгой, настолько оскудел,
Что докричаться до небес не смог,
Лишь проклиная жалкий свой удел,
Которому готов я предпочесть
Роскошество талантов и заслуг,
Накликавших угодливую лесть,
Чтоб множились поклонники вокруг,
Желания такие презираю,
Оценивая собственный удел;
Как жаворонок, в небе набираю
Я высоту, в хвалебных песнях смел.
Пока, любим тобой, тебя люблю,
Завидовать мне стыдно королю.

Sonnet XXX

WHEN to the sessions of sweet silent thought
I summon up remembrance of things past,
I sigh the lack of many a thing I sought,
And with old woes new wail my dear time's waste:
Then can I drown an eye, unused to flow,
For precious friends hid in death's dateless night,
And weep afresh love's long since cancell'd woe,
And moan the expense of many a vanish'd sight:
Then can I grieve at grievances foregone,
And heavily from woe to woe tell o'er
The sad account of fore-bemoaned moan,
Which I new pay as if not paid before.
 But if the while I think on thee, dear friend,
 All losses are restor'd and sorrows end.

Когда воспоминания на суд
Зову как на поминки я, когда
Утраты снова приговора ждут,
А жалость, как и встарь, судьбе чужда,
Тогда в слезах нельзя не потонуть
Глазам, хоть слез не знал я до сих пор;
Друзей, давно умерших, не вернуть,
Лишь прежний возвращается укор.
За ним былые скорби по пятам,
Стыд с ними, как родимое пятно;
Приходится платить мне по счетам,
Которые оплачены давно.

Но что мне все утраты, если вдруг
Я ненароком вспомню: ты мой друг.

Sonnet XXXI

THY bosom is endeared with all hearts,
Which I by lacking have supposed dead;
And there reigns Love, and all Love's loving parts,
And all those friends which I thought buried.
How many a holy and obsequious tear
Hath dear religious love stol'n from mine eye,
As interest of the dead, which now appear
But things remov'd that hidden in thee lie!
Thou art the grave where buried love doth live,
Hung with the trophies of my lovers gone,
Who all their parts of me to thee did give,
That due of many now is thine alone:
 Their images I lov'd, I view in thee,
 And thou (all they) hast all the all of me.

В твоей груди биенье всех сердец,
Которые утраченными мнил
Я, приписав им горестный конец,
Уверившись, что я их схоронил.
А сколько слёз из-за моих потерь
Я пролил, мертвых всё еще любя;
Ко мне вернулись все они теперь:
Вселились мертвые мои в тебя.
Могила ты. В тебе я узнаю
Всех тех, кого терял до сей поры;
Вместил навеки ты любовь мою,
Кому, как не тебе, мои дары.
 Все те, кого любил я, – это ты;
 В твоих чертах я вижу их черты.

Sonnet XXXII

IF thou survive my well-contented day,
When that churl Death my bones with dust shall cover
And shalt by fortune once more re-survey
These poor rude lines of thy deceased lover,
Compare them with the bett'ring of the time,
And though they be outstripped by every pen,
Reserve them for my love, not for their rhyme,
Exceeded by the height of happier men.
O! then vouchsafe me but this loving thought:
"Had my friend's Muse grown with this growing age,
A dearer birth than this his love had brought,
To march in ranks of better equipage:
But since he died and poets better prove,
Theirs for their style I'll read, his for his love'.

Когда бы после похорон моих,
Поняв, на что обрек неутоленный
Мой пыл меня, перечитал ты стих,
Который написал в тебя влюбленный,
К стихам ты снисхожденье прояви;
Со временем искусней рифмовать
Научатся, зато моей любви
Посмертной не затмить и не прервать.
И ты подумай не без торжества:
«Покойник был не худший ученик.
Будь жив мой друг, он в тайны мастерства
Новейшего с другими бы проник.
Они приобрели хороший слог,
А он любовью время превозмог».

Sonnet XXXIII

FULL many a glorious morning have I seen
Flatter the mountain tops with sovereign eye,
Kissing with golden face the meadows green,
Gilding pale streams with heavenly alchemy;
Anon permit the basest clouds to ride
With ugly rack on his celestial face,
And from the forlorn world his visage hide,
Stealing unseen to west with this disgrace:
Even so my sun one early morn did shine,
With all triumphant splendour on my brow;
But out, alack, he was but one hour mine,
The region cloud hath mask'd him from me now.
Yet him for this my love no whit disdaineth;
Suns of the world may stain when heaven's sun staineth.

Я видел, как вершинам горным льстит
Своим сияньем утро каждый раз,
Лука целует, реки золотит
Алхимией своих небесных глаз;
Но в небесах дорога далека,
И, предвещая сумрачный закат,
Сиянье дня пятнают облака
Среди других губительных утрат.
Как на рассвете солнцу моему
Предвидеть, что оно обречено
И что до погружения во тьму
Постыдной будет мглой омрачено?
Грозит светилу в небесах дурное.
За что же солнце мне хулить земное?

Sonnet XXXIV

WHY didst thou promise such a beauteous day,
And make me travel forth without my cloak,
To let base clouds o'ertake me in my way,
Hiding thy bravery in their rotten smoke?
'Tis not enough that through the cloud thou break,
To dry the rain on my storm-beaten face,
For no man well of such a salve can speak,
That heals the wound, and cures not the disgrace:
Nor can thy shame give physic to my grief;
Though thou repent, yet I have still the loss:
The offender's sorrow lends but weak relief
To him that bears the strong offence's cross.
Ah! but those tears are pearl which thy love sheds,
And they are rich and ransom all ill deeds.

Зачем ты ясный день мне посулил
И без плаща меня отправил в путь,
Чтоб с неба дождь потом холодный лил
И мне дурную мглу пришлось вдохнуть?
Ты моего касаешься лица
Сиянием врачующим своим,
Но если исцеляются сердца,
По-прежнему позор неизлечим.
Пускай обидчик сам теперь скорбит,
Не легче оскорбленному нести
Тяжелый крест мучительных обид,
Хоть оскорбитель говорит: «Прости!»
Но так твоя слеза мне дорога,
Что всё искупят эти жемчуга.

Sonnet XXXV

NO more be grieved at that which thou hast done:
Roses have thorns, and silver fountains mud:
Clouds and eclipses stain both moon and sun,
And loathsome canker lives in sweetest bud.
All men make faults, and even I in this,
Authorizing thy trespass with compare,
Myself corrupting, salving thy amiss,
Excusing thy sins more than thy sins are;
For to thy sensual fault I bring in sense,
Thy adverse party is thy advocate,
And 'gainst myself a lawful plea commence:
Such civil war is in my love and hate,
 That I an accessory needs must be,
 To that sweet thief which sourly robs from me.

Былого попусту не бередают.
В проточном серебре тaitся грязь.
Затмeнья солнцу и луне вредят,
Червь пакостит, в бутон цветка внедрясь.
Ни в чём тебя не смею обвинить;
Сам за тебя готов я пострадать;
Себя предпочитаю очернить,
Лишь бы тебя, любимый, оправдать.
Не поддается чувственность вражде;
Противница моя – твоя вина,
И я же твой защитник на суде:
Любовь моя – гражданская война,
Обкраденный сладчайшим из воров,
Я сам ему потворствовать готов.

Sonnet XXXVI

LET me confess that we two must be twain,
Although our undivided loves are one:
So shall those blots that do with me remain,
Without thy help, by me be borne alone.
In our two loves there is but one respect,
Though in our lives a separable spite,
Which though it alter not love's sole effect,
Yet doth it steal sweet hours from love's delight.
I may not evermore acknowledge thee,
Lest my bewailed guilt should do thee shame,
Nor thou with public kindness honour me,
Unless thou take that honour from thy name:
But do not so, I love thee in such sort,
As thou being mine, mine is thy good report.

Дай мне признаться: ты не то, что я;
Пусть на двоих любовь у нас одна,
Но ты, своих достоинств не тая,
Избавишься от моего пятна.
На две любви у нас один предмет,
Но цели не достигнуть нам вдвоём,
И мы, хоть измененья в чувстве нет,
Часы у наслаждения крадём.
Я не могу тебя назвать моим,
Не опозорив друга навсегда,
Признаешься, что я тобой любим,
И не уберёжешься от стыда.
Остерегись! Пусть я с тобой не схож,
Ты мой в любви, и я, как ты, хорош.

Sonnet XXXVII

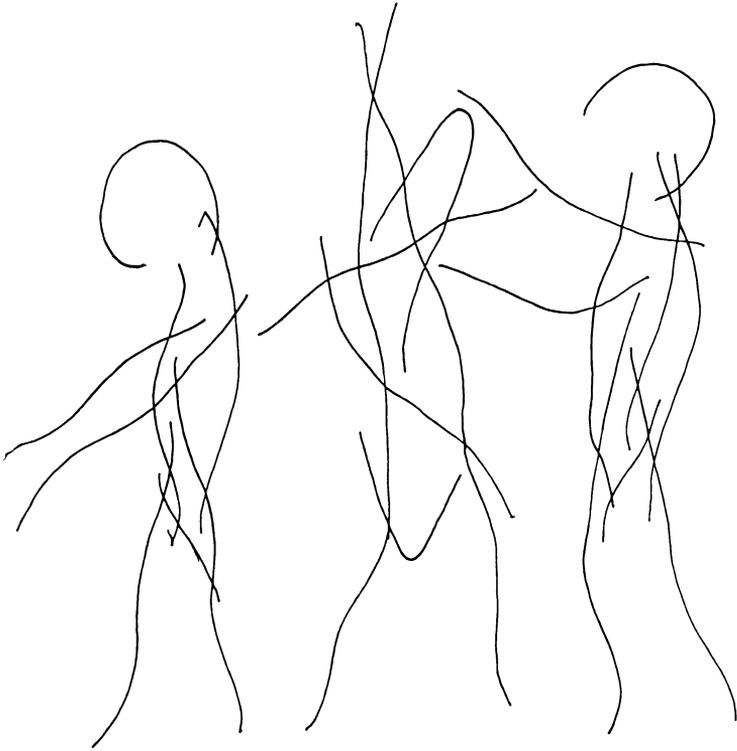
As a decrepit father takes delight
To see his active child do deeds of youth,
So I, made lame by Fortune's dearest spite,
Take all my comfort of thy worth and truth;
For whether beauty, birth, or wealth, or wit,
Or any of these all, or all, or more,
Entitled in thy parts, do crowned sit,
I make my love engrafted to this store:
So then I am not lame, poor, nor despis'd,
Whilst that this shadow doth such substance give
That I in thy abundance am suffic'd,
And by a part of all thy glory live.
Look what is best, that best I wish in thee:
This wish I have; then ten times happy me!

Как, старческим разбит параличом,
Отец за сына молодого рад,
Так я согрет сияющим лучом
Твоих достоинств среди моих утрат.
Как знатности, как тонкому уму
Изяществом себя не проявить!
И я к великолесью твоему
Мою любовь осмелился привить.
Пусть я не беден, пусть я не урод,
Ловлю я тень твоих обильных благ,
И для меня среди твоих щедрот
Твоей частица славы – добрый знак.
Всё, что твоё, моё не напоказ.
Ты счастлив, я счастливей в десять раз!

Sonnet XXXVIII

HOW can my muse want subject to invent,
While thou dost breathe, that pour'st into my verse
Thine own sweet argument, too excellent
For every vulgar paper to rehearse?
O! give thy self the thanks, if aught in me
Worthy perusal stand against thy sight;
For who's so dumb that cannot write to thee,
When thou thy self dost give invention light?
Be thou the tenth Muse, ten times more in worth
Than those old nine which rhymers invoke;
And he that calls on thee, let him bring forth
Eternal numbers to outlive long date.
If my slight muse do please these curious days,
The pain be mine, but thine shall be the praise.

~~Handwritten scribble~~

Зачем сюжеты мне изобретать,
Когда в моих поэмах ты душа?
Не каждому же о тебе читать,
Вульгарные бумаги вороша.
Не сам ли на себя, любимый мой,
Ты смотришь, взгляд бросая на меня,
Когда не прославляет лишь немой
Изящный ответ милого огня?
Десятая ты муза; в десять раз
Ты превосходней прежних девяти;
И может блеском стихотворных фраз
Хвалитель твой бессмертье обрести.
Моя же муза для тебя плоха,
Но ты величье моего стиха.

Sonnet XXXIX

O! HOW thy worth with manners may I sing,
When thou art all the better part of me?
What can mine own praise to mine own self bring?
And what is't but mine own when I praise thee?
Even for this, let us divided live,
And our dear love lose name of single one,
That by this separation I may give
That due to thee which thou deserv'st alone.
O absence! what a torment wouldst thou prove,
Were it not thy sour leisure gave sweet leave,
To entertain the time with thoughts of love,
Which time and thoughts so sweetly doth deceive,
And that thou teachest how to make one twain,
By praising him here who doth hence remain.

Как мог бы я тебя благословлять,
Когда бы ты совпал со мной вполне?
Решусь ли сам себя я прославлять,
Постигнув, что ты лучшее во мне?
Не потому ли мы обречены
На этом свете друг без друга жить
И на два существа рассечены,
Чтобы тобой мне больше дорожить?
Разлука бы измучила меня,
Когда б не услаждала горький срок
Любовь, мечтами нежными дразня
Всю протяженность мрачную дорог.
Нас надвое разлука рассекла,
Но здесь и там с тобой моя хвала.

Sonnet XL

TAKE all my loves, my love, yea take them all:
What hast thou then more than thou hadst before?
No love, my love, that thou mayst true love call;
All mine was thine, before thou hadst this more.
Then, if for my love, thou my love receivest,
I cannot blame thee, for my love thou usest;
But yet be blam'd, if thou thy self deceivest
By wilful taste of what thyself refuseth.
I do forgive thy robbery, gentle thief,
Although thou steal thee all my poverty:
And yet, love knows it is a greater grief
To bear love's wrong, than hate's known injury.
Lascivious grace, in whom all ill well shows,
Kill me with spites yet we must not be foes.

Я ВСЕ МОИ ЛЮБОВИ ОТДАЮ
Тебе, моя любовь, но всё равно
Заранее ты всю любовь мою
Обрёл непоправимо и давно.
Ты прав, любовью пользуясь моею,
Но если своенравно отвергашь
Ты дар, в котором отказать не смею,
На самого себя ты посягаешь,
Прощаю я тебя, прелестный тать,
Не пощадивший влюбчивой нужды,
Хотя страшнее от любви страдать,
Чем от привычной, вспылчивой вражды.
Пусть красота твоя убьёт меня,
Умру, тебя в убийстве не вина.

Sonnet XLI

THOSE pretty wrongs that liberty commits,
When I am sometime absent from thy heart,
Thy beauty, and thy years full well befits,
For still temptation follows where thou art.
Gentle thou art, and therefore to be won,
Beauteous thou art, therefore to be assail'd;
And when a woman woos, what woman's son
Will sourly leave her till he have prevail'd?
Ay me! but yet thou might'st my seat forbear,
And chide thy beauty and thy straying youth,
Who lead thee in their riot even there
Where thou art forced to break a twofold truth:—
Hers by thy beauty tempting her to thee,
Thine by thy beauty being false to me.

Из-за тебя случалось мне страдать,
Поскольку ты и молод, и красив,
А сердца твоего не покидать
Не мог я, огорчений не вкусив.
Ты, наделенный прелестью цветов,
Скажи, кто в цвете лет на высоте?
Сын женщины, ты разве не готов
Покорно сдаться женской красоте?
Я вижу, как ты юн и как ты свеж,
Твою ли я бранить решусь мечту?
Ты вовлечен в безудержный мятеж,
Нарушив дважды верность налету:
Неверен ей, в себя ее влюбив;
Себе неверен, друга оскорбив.

Sonnet XLII

THAT thou hast her it is not all my grief,
And yet it may be said I loved her dearly;
That she hath thee is of my wailing chief,
A loss in love that touches me more nearly.
Loving offenders thus I will excuse ye:
Thou dost love her, because thou know'st I love her;
And for my sake even so doth she abuse me,
Suffering my friend for my sake to approve her.
If I lose thee, my loss is my love's gain,
And losing her, my friend hath found that loss;
Both find each other, and I lose both twain,
And both for my sake lay on me this cross:
 But here's the joy; my friend and I are one;
 Sweet flattery! then she loves but me alone.

Она твоя, но это не беда;
Я сам ее люблю, нет, мы не в ссоре;
Но худшего не избежать вреда:
Она тобой владеет, вот в чём горе;
Неверные в любви, я вас прощаю;
Её, виновную в твоём недуге,
Я не клян, но и не защищаю;
Любовь мою вы любите друг в друге,
Утрачен мною, ты уходишь к ней,
Ей без тебя могу я доверять,
И каждая потеря тем ценней,
Что я боюсь обоих потерять.
 Но всё-таки с тобою мы одно,
 Так что любим я её всё равно.

Sonnet XLIII

WHEN most I wink, then do mine eyes best see,
For all the day they view things unrespected;
But when I sleep, in dreams they look on thee,
And darkly bright, are bright in dark directed.
Then thou, whose shadow shadows doth make bright,
How would thy shadow's form form happy show
To the clear day with thy much clearer light,
When to unseeing eyes thy shade shines so!
How would, I say, mine eyes be blessed made
By looking on thee in the living day,
When in dead night thy fair imperfect shade
Through heavy sleep on sightless eyes doth stay!
 All days are nights to see till I see thee,
 And nights bright days when dreams do show thee me.

Светлейший день я проморгать не прочь;
Всё, что я вижу, недостойно взгляда,
Во тьме тебя мне возвращает ночь;
Во сне сияешь ты, моя услада,
Ты тень, теням дарующая свет!
Какое ты сиянье мог бы дню
Придать, когда во мраке равных нет
Тому, что я под веками храню,
Как восхищали бы меня лучи,
Являя мне тебя средь бела дня,
Когда поддельный образ твой в ночи
Так чаровал и радовал меня.
Дни без тебя полночной тьмы черней;
Ты снишься мне, и ночи лучше дней.

Sonnet XLIV

If the dull substance of my flesh were thought,
Injurious distance should not stop my way;
For then despite of space I would be brought,
From limits far remote, where thou dost stay.
No matter then although my foot did stand
Upon the farthest earth remov'd from thee;
For nimble thought can jump both sea and land,
As soon as think the place where he would be.
But, ah! thought kills me that I am not thought,
To leap large lengths of miles when thou art gone.
But that so much of earth and water wrought,
I must attend time's leisure with my moan;
 Receiving nought by elements so slow
 But heavy tears, badges of either's woe.

Вмысль обратив громоздкий мой состав,
Дурную даль я превозмог бы в миг,
И, над пространством восторжествовав,
Где б ни был ты, тебя бы я настиг.
И пусть невероятно ты далек,
К тебе, минуя сушу и моря,
Мою бы мысль мой помысел увлек,
Мне близость вожденную даря.
Но я не мысль, и мысль меня убьет;
Ко мне моя в ней кроется вражда.
Я плоть, и я терплю тягчайший гнет,
Как бrenная земля и как вода;
 А я стихий медлительных чертог,
 Где слёзы – постоянный горький ток.

Sonnet XLV

THE other two, slight air, and purging fire
Are both with thee, wherever I abide;
The first my thought, the other my desire,
These present-absent with swift motion slide.
For when these quicker elements are gone
In tender embassy of love to thee,
My life, being made of four, with two alone
Sinks down to death, oppress'd with melancholy;
Until life's composition be recured
By those swift messengers return'd from thee,
Who even but now come back again, assured
Of thy fair health, recounting it to me:
This told, I joy; but then no longer glad,
I send them back again, and straight grow sad.

Огонь и воздух легче на подъём;
Влекут их отдаленные края.
В отсутствии-присутствии твоём
Желание моё и мысль моя.
В стихиях четырех заключена
Жизнь; две должны вблизи тебя блуждать,
А жизнь моя без них обречена
Смертельной меланхолией страдать.
В далекой побывали стороне
И радостно торопятся назад;
Жизнь доброй вестью возвращают мне:
Ты там здоров, и, значит, здесь я рад,
 Но вновь послов я посылаю вдаль,
 И останется мне одна печаль.

Sonnet XLVI

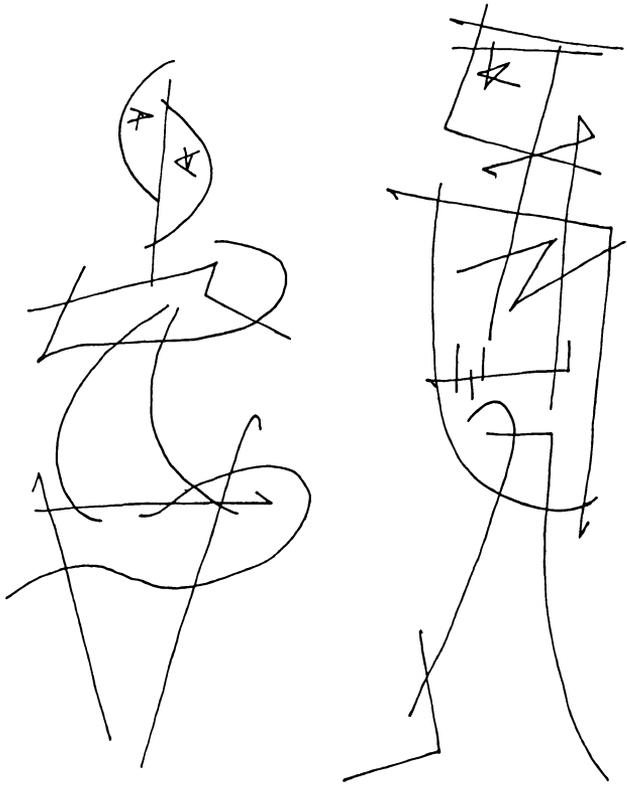
MINE eye and heart are at a mortal war,
How to divide the conquest of thy sight;
Mine eye my heart thy picture's sight would bar,
My heart mine eye the freedom of that right.
My heart doth plead that thou in him dost lie,
A closet never pierc'd with crystal eyes,
But the defendant doth that plea deny,
And says in him thy fair appearance lies.
To "cide this title is impannelled
A quest of thoughts, all tenants to the heart;
And by their verdict is determined
The clear eye's moiety, and the dear heart's part:
As thus: mine eye's due is thine outward part,
And my heart's right, thine inward love of heart.

Мой глаз и сердце, втянутые в спор,
Из-за тебя готовы враждовать.
Тебя добыл мой ненасытный взор,
И впору каждому своё урвать.
Настаивает сердце, что оно
Твой образ лучше сохранит от глаз;
Перечит глаз: лишь в нем затаено
Достоинство твое не напоказ.
Судебную коллегия пришлось
Формировать из мыслей, дорожа
Сердечной правдой, чтобы удалось
Осуществить подобье дележа.
Глаз внешностью твоею завладел.
Любовь – для сердца праведный удел.

Sonnet XLVII

BETWIXT mine eye and heart a league is took,
And each doth good turns now unto the other:
When that mine eye is famish'd for a look,
Or heart in love with sighs himself doth smother,
With my love's picture then my eye doth feast,
And to the painted banquet bids my heart;
Another time mine eye is my heart's guest,
And in his thoughts of love doth share a part:
So, either by thy picture or my love,
Thy self away, art present still with me;
For thou not farther than my thoughts canst move,
And I am still with them, and they with thee;
Or, if they sleep, thy picture in my sight
Awakes my heart, to heart's and eyes' delight.

A handwritten signature in black ink, consisting of a large, stylized initial 'A' followed by a smaller, more complex set of strokes that could be interpreted as 'L' or 'L.'.

В союзе глаз и сердце у меня.
Жизнь без тебя им кажется недугом;
Тебя в запасе бережно храня,
Они тобою делятся друг с другом.
Пирует глаз, когда ты перед ним,
И пышным пиром сердце веселит,
Но глаз бывает голодом томим,
И сердце голод этот утолит.
Мысль о тебе со мной или ты сам;
Куда бы ни вела твоя стезя,
С тобою мысль моя и здесь, и там,
А с мыслью разлучить меня нельзя.
И если глаз мой сном отягощён,
Твой образ глазу сердцем возвращён.

Sonnet XLVIII

HOW careful was I when I took my way,
Each trifle under truest bars to thrust,
That to my use it might unused stay
From hands of falsehood, in sure wards of trust!
But thou, to whom my jewels trifles are,
Most worthy comfort, now my greatest grief,
Thou best of dearest, and mine only care,
Art left the prey of every vulgar thief.
Thee have I not lock'd up in any chest,
Save where thou art not, though I feel thou art,
Within the gentle closure of my breast,
From whence at pleasure thou mayst come and part;
And even thence thou wilt be stol'n I fear,
For truth proves thievish for a prize so dear.

В путь отправляясь, в доме я запру
Все вещи, позабочусь я всерьёз,
Чтобы ущерба моему добру
Доброжелатель мнимый не нанёс.
В сравнении с тобой алмаз – пустяк;
Как быть, что делать, сам ты посуди,
Когда среди дорожных передряг
Тебя не досчитаюсь я в груди?
Нет ларчика другого, где бы ты
Таиться мог, хотя тебя там нет.
Что если в нежной скрыне лишь мечты,
А твой давно простыл прелестный след?
 Когда тебе так высока цена,
 Боюсь, что даже верность неверна.

Sonnet XLIX

AGAINST that time, if ever that time come,
When I shall see thee frown on my defects,
When as thy love hath cast his utmost sum,
Called to that audit by advis'd respects;
Against that time when thou shalt strangely pass,
And scarcely greet me with that sun, thine eye,
When love, converted from the thing it was,
Shall reasons find of settled gravity;
Against that time do I ensconce me here,
Within the knowledge of mine own desert,
And this my hand, against myself uprear,
To guard the lawful reasons on thy part:
To leave poor me thou hast the strength of laws,
Since why to love I can allege no cause.

44

В то время злое (вдруг оно придёт?),
Когда твоя любовь ко мне, мой друг,
Моим изъяснам потеряет счет,
Иссякнет, нет, минует, как недуг;
В то время, злое для меня, когда
Во взгляде нежном ты откажешь мне,
А безразличье хуже, чем вражда,
И солнце стынет в зимней вышине;
В то время спрячусь я в мою вину,
И помня и не помня о былом;
Я руку подниму и присягну,
Что я тобой наказан поделом.
Твой приговор, конечно, справедлив:
Ты прав, меня, беднягу, разлюбив.

Sonnet L

HOW heavy do I journey on the way,
When what I seek, my weary travel's end,
Doth teach that ease and that repose to say,
"Thus far the miles are measured from thy friend!"
The beast that bears me, tired with my woe,
Plods dully on, to bear that weight in me,
As if by some instinct the wretch did know
His rider lov'd not speed being made from thee.
The bloody spur cannot provoke him on,
That sometimes anger thrusts into his hide,
Which heavily he answers with a groan,
More sharp to me than spurring to his side;
For that same groan doth put this in my mind,
My grief lies onward, and my joy behind.

Тем более в пути мне тяжело,
Измученному душою одной,
Как много миль докучных пролегло
Между моим возлюбленным и мной.
Мой конь плетется с горем пополам,
Усталости не в силах превозмочь,
Как будто угадал он, что я сам
Не расставаться, друг, с тобой не прочь.
Пришпориваю до крови коня,
Чтоб, наконец, он бодро поскакал,
Но вопль его больнее для меня,
Чем для него безжалостный металл.
Мой стонет конь, и как забыть мне впредь:
Покинув радость, еду я скорбеть.

Sonnet LI

THUS can my love excuse the slow offence
Of my dull bearer when from thee I speed:
From where thou art why should I haste me thence?
Till I return, of posting is no need.
O! what excuse will my poor beast then find,
When swift extremity can seem but slow?
Then should I spur, though mounted on the wind,
In winged speed no motion shall I know,
Then can no horse with my desire keep pace.
Therefore desire, (of perfect'st love being made)
Shall neigh, no dull flesh, in his fiery race;
But love, for love, thus shall excuse my jade-
 Since from thee going, he went wilful-slow,
 Towards thee I'll run, and give him leave to go.

Я признаюсь, конь у меня дрянной,
Но и коню меня как будто жаль;
Лишь нехотя между тобой и мной
Приумножает он дурную даль.
Но конь какой настолько будет скор,
Чтобы к тебе нести меня стремглав?
Я налету не обойдусь без шпор,
Неудержимый ветер оседлав.
Попробуй мой порыв останови,
Желанье расстоянием дразня,
Когда в дороге ржание любви
Опережает жалкого коня.
 Конь плелся, помысел мой разгадав.
 Пусть медлит он; лечу к тебе стремглав.

Sonnet LII

SO am I as the rich, whose blessed key,
Can bring him to his sweet up-locked treasure,
The which he will not every hour survey,
For blunting the fine point of seldom pleasure.
Therefore are feasts so solemn and so rare,
Since, seldom coming in the long year set,
Like stones of worth they thinly placed are,
Or captain jewels in the carcanet.
So is the time that keeps you as my chest,
Or as the wardrobe which the robe doth hide,
To make some special instant special-blest,
By new unfolding his imprison'd pride.
Blessed are you whose worthiness gives scope,
Being had, to triumph; being lacked, to hope.

Хранящий драгоценность под замком,
Богач глазам своим не доверяет;
Любуясь ею изредка тайком,
Он этим наслажденье обостряет.
Мой пыл отваживается едва
Изведать мой чарующий секрет;
В течение года редки торжества;
Есть в ожерелье главный самоцвет.
Во времени ты заперт, как в ларце,
Ты в гардеробе лучший мой наряд;
Редчайший праздник ты в моем дворце;
Тобой гордится мой влюбленный взгляд.
Вот мой триумф – тобою обладать,
А без тебя тебя с надеждой ждать.

Sonnet LIII

WHAT is your substance, whereof are you made,
That millions of strange shadows on you tend?
Since every one hath, every one, one shade,
And you but one, can every shadow lend.
Describe Adonis, and the counterfeit
Is poorly imitated after you:
On Helen's cheek all art of beauty set,
And you in Grecian tires are painted new:
Speak of the spring, and foison of the year,
The one doth shadow of your beauty show,
The other as your bounty doth appear;
And you in every blessed shape we know.
In all external grace you have some part,
But you like none, none you, for constant heart.

Каков, скажи мне, плотский твой состав?

Одною тенью каждый наделен.
Присваиваешь тени, заблестав;
Их у тебя, должно быть, миллион.
Адонис был бы на тебя похож,
Будь он, как ты, пленительно красив;
Но как сама Елена, ты хорош,
В отличие от греков древних жив.
Весна – твоих носительница чар;
Меняет год обличия, как ты;
Приносит осень свой роскошный дар,
Подобие твоей же красоты.
Все прелести среди твоих личин,
Но постоянством славен ты один.

Sonnet LIV

O! HOW much more doth beauty beauteous seem
By that sweet ornament which truth doth give.
The rose looks fair, but fairer we it deem
For that sweet odour, which doth in it live.
The canker blooms have full as deep a dye
As the perfumed tincture of the roses,
Hang on such thorns, and play as wantonly
When summer's breath their masked buds discloses:
But, for their virtue only is their show,
They live unwoo'd, and unrespected fade;
Die to themselves. Sweet roses do not so;
Of their sweet deaths are sweetest odours made:
And so of you, beauteous and lovely youth,
When that shall vade, my verse distills your truth.

ПРЕКРАСНЕЙ красота, когда верна
Она себе, и внешний вид правдив;
Лучится суть ее, извне видна,
Благоуханьем облик подтвердив.
Прельщают с червоточиной цветы
Такой же точно роскошью раскраски;
Среди шипов подобьям красоты
Дарует лето праздничные маски.
Им суждено цвести ни для кого.
Кто пожелает будущей трухи?
Другие розы – наше торжество.
Из их смертей сладчайшие духи.
 Не бойся отцвести когда-нибудь,
 В моем стихе свою оставив суть.

Sonnet LV

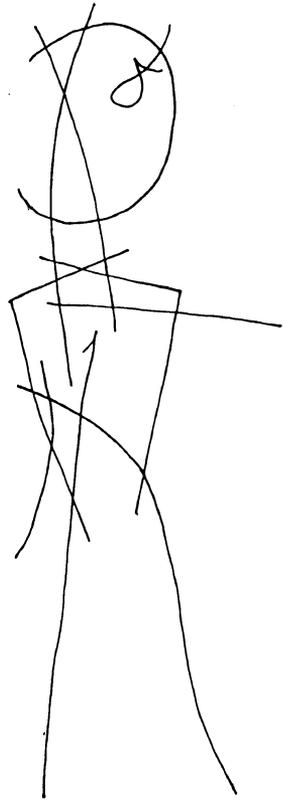
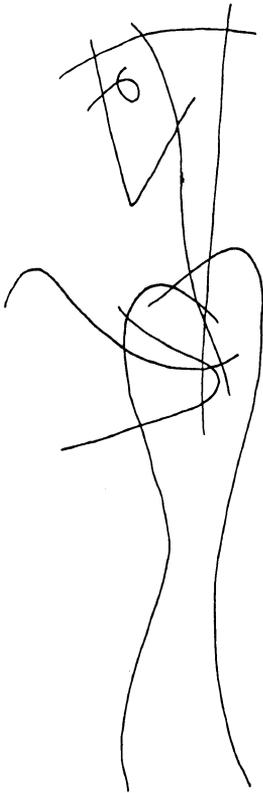
NOT marble, nor the gilded monuments
Of princes, shall outlive this powerful rhyme;
But you shall shine more bright in these contents
Than unswept stone, besmear'd with sluttish time.
When wasteful war shall statues overturn,
And broils root out the work of masonry,
Nor Mars his sword, nor war's quick fire shall burn
The living record of your memory.
"Gainst death, and all oblivious enmity
Shall you pace forth; your praise shall still find room
Even in the eyes of all posterity
That wear this world out to the ending doom.
So, till the judgment that yourself arise,
You live in this, and dwell in lovers' eyes.

Забвенью обрекая царский прах,
Неряха-время мраморы чернит,
Но просияешь ты в моих стихах,
Тебе оно вреда не причинит.
Война и смута статуи крушат,
Взрывая с корнем каменный чертог.
Других меч Марса и огонь страшат,
А ты угрозы эти превозмог.
Не бойся! Невозможен твой закат,
И для потомства ясные черты
Останутся; воспетый мною клад,
До светопреставленья будешь ты.
До воскресенья мертвых ты в моих
Глазах влюбленных, верных, как мой стих.

Sonnet LVI

SWEET love, renew thy force: be it not said
Thy edge should blunter be than appetite,
Which but to-day by feeding is allay'd.
To-morrow sharpened in his former might:
So, love, be thou, although to-day thou fill
Thy hungry eyes, even till they wink with fulness,
To-morrow see again, and do not kill
The spirit of love, with a perpetual dulness.
Let this sad interim like the ocean be
Which parts the shore, where two contracted new
Come daily to the banks, that when they see
Return of love, more blest may be the view:
As call it winter, which being full of care,
Makes summer's welcome, thrice more wished, more rare.

Handwritten signature or mark

Ты вечно обновляешься, любовь.
Едва ты свой насытишь аппетит,
Уже готов он обостриться вновь.
Желанью воздержание претит.
Неужто ты, любовь, не такова?
Восторгом не успеешь ты упиться,
И вновь глаза несыты, как сперва:
Никак любовь не может притупиться.
Свою грустной далью океан
Дарует пыл сердечный двум влюбленным,
И каждому из них свой берег дан,
Чтоб друг томился с другом отдаленным.
Зимой зовется скорбная пора,
Но тем желанней летняя жара.

Sonnet LVII

BEING your slave what should I do but tend
Upon the hours, and times of your desire?
I have no precious time at all to spend;
Nor services to do, till you require.
Nor dare I chide the world without end hour,
Whilst I, my sovereign, watch the clock for you,
Nor think the bitterness of absence sour,
When you have bid your servant once adieu;
Nor dare I question with my jealous thought
Where you may be, or your affairs suppose,
But, like a sad slave, stay and think of nought
Save, where you are, how happy you make those.
So true a fool is love, that in your will,
Though you do anything, he thinks no ill.

Что делать мне, рабу, как не ловить
Твои желанья в чередѣ часов?
Их не ускорить, не остановить,
Пока на твой не отзовусь я зов.
Не клясть же мне тот бесконечный час,
Когда покорно на часах стою,
Пока не отошлешь меня ты с глаз.
Так волю выполняю я твою.
Печальный раб не смеет вопрошать
Ревнивой мыслью, где ты, господин,
Кого готов собою утешать
Наедине, когда ты не один.
Какой бы на себя ни взял ты грех,
Для дурочки любви ты лучше всех.

Sonnet LVIII

THAT god forbid, that made me first your slave,
I should in thought control your times of pleasure,
Or at your hand the account of hours to crave,
Being your vassal, bound to stay your leisure!
O! let me suffer, being at your beck,
The imprison'd absence of your liberty;
And patience, tame to sufferance, bide each check,
Without accusing you of injury.
Be where you list, your charter is so strong
That you yourself may privilege your time
To what you will; to you it doth belong
Yourself to pardon of self-doing crime.
I am to wait, though waiting so be hell,
Not blame your pleasure be it ill or well.

Меня, всего лишь твоего раба,
Да сохранит Господь от наблюдений
Над господином, хоть влечет судьба
Тебя стихией грешных наслаждений.
К страданью мне давно не привыкать;
Моя свобода у твоей в плену.
Как хочешь, можешь мною помыкать;
Я всё равно тебя не прокляну.
Ты признаёшь лишь собственную власть,
Себе присваиваешь каждый миг,
И если в грех ты соизволишь впасть,
Ты сам себе судья и духовник.
А я по милости твоей в аду
Блаженства всё ещё напрасно жду.

Sonnet LIX

IF there be nothing new, but that which is
Hath been before, how are our brains beguil'd,
Which labouring for invention bear amiss
The second burthen of a former child.
Oh that record could with a backward look,
Even of five hundred courses of the sun,
Show me your image in some antique book,
Since mind at first in character was done,
That I might see what the old world could say
To this composed wonder of your frame;
Whether we are mended, or where better they,
Or whether revolution be the same.
 Oh sure I am the wits of former days,
 To subjects worse have given admiring praise.

4#

Что если новое – всего лишь бред
Обманутого мозга, и дитя
Должно родиться прежнее на свет,
Ухудшенному веку дань платя?
Что если образ твой лет за пятьсот
До нас найду я в книге, чья цена
Тем выше среди пленительных красот
С тех пор, как существуют письма;
Тогда бы мог сказать я, наконец,
Мир лучше, хуже или же таков,
Как был, и ты бессмертный образец
Прекрасного в течение веков,
Но менее прекрасному хвала
Изысканнее в древности была.

Sonnet LX

LIKE as the waves make towards the pebbled shore,
So do our minutes hasten to their end;
Each changing place with that which goes before,
In sequent toil all forwards do contend.
Nativity, once in the main of light,
Crawls to maturity, wherewith being crowned,
Crooked eclipses 'gainst his glory fight,
And Time that gave doth now his gift confound.
Time doth transfix the flourish set on youth
And delves the parallels in beauty's brow,
Feeds on the rarities of nature's truth,
And nothing stands but for his scythe to mow:
And yet to times in hope, my verse shall stand
Praising thy worth, despite his cruel hand.

Как бьются волны в каменистый брег,
Чтобы разбиться каждой в свой черед,
Так за минутою минута в бег
Пускается и, пробежав, умрет.
Рожденье – свет в течении времен,
Который движет нами до поры;
Затмениями он будет искривлен,
И время сокрушит свои дары.
Оно пронзает прелесть юных форм,
Усердствует, морщины углубив;
Природа для него – всего лишь корм,
И вечный серп его трудолюбив.
 Но ты не бойся; мною ты воспет
 Для нынешних и для грядущих лет.

Sonnet LXI

Is it thy will, thy image should keep open
My heavy eyelids to the weary night?
Dost thou desire my slumbers should be broken,
While shadows like to thee do mock my sight?
Is it thy spirit that thou send'st from thee
So far from home into my deeds to pry,
To find out shames and idle hours in me,
The scope and tenor of thy jealousy?
O, no! thy love, though much, is not so great:
It is my love that keeps mine eye awake:
Mine own true love that doth my rest defeat,
To play the watchman ever for thy sake:
For thee watch I, whilst thou dost wake elsewhere,
From me far off, with others all too near.

Твоя ли воля мне мешает веки
Смежить, когда во тьме ночной видней
Твой образ, ты подобье дивной всхи
Среди твоих насмешливых теней?
Не твой ли дух преследует меня,
Ревнивый соглядатай в тишине,
Меня в постыдной праздности вина,
Мой тайный стыд напоминая мне?
Пусть любишь ты, но любишь ты не так,
Чтоб, тенью мнимой друга дорожа,
Со мной вперяться в неприглядный мрак,
Как делают ночные сторожа.
Я грежу вдалеке, вообрази!
Но если ты не спишь, не я вблизи...

Sonnet LXII

SIN of self-love possesseth all mine eye
And all my soul, and all my every part;
And for this sin there is no remedy,
It is so grounded inward in my heart.
Methinks no face so gracious is as mine,
No shape so true, no truth of such account;
And for myself mine own worth do define,
As I all other in all worths surmount.
But when my glass shows me myself indeed
Beated and chopp'd with tanned antiquity,
Mine own self-love quite contrary I read;
Self so self-loving were iniquity.
'Tis thee, myself, that for myself I praise,
Painting my age with beauty of thy days.

Мой грех – любовь ко мне же самому.
Глаза и сердце заморожены.
Какое я лекарство ни приму,
Любовью члены все заражены.
Мне кажется, лицом я краше всех,
И внешний вид мой до того правдив,
Что должен я всегда иметь успех,
Соперников ничтожных победив.
Но в зеркале я вижу, как я стар,
И зримые следы душевных ран
Перечат обаянью ложных чар,
Чтобы разоблачить самообман.
 Так я присвоил прелесть юных лет,
 В тебе, мой друг, увидев мой портрет.

Sonnet LXIII

AGAINST my love shall be as I am now,
With Time's injurious hand crush'd and o'erworn;
When hours have drain'd his blood and fill'd his brow
With lines and wrinkles; when his youthful morn
Hath travell'd on to age's steepy night;
And all those beauties whereof now he's king
Are vanishing, or vanished out of sight,
Stealing away the treasure of his spring;
For such a time do I now fortify
Against confounding age's cruel knife,
That he shall never cut from memory
My sweet love's beauty, though my lover's life:
His beauty shall in these black lines be seen,
And they shall live, and he in them still green.

Когда удары время нанесет,
Как мне когда-то, другу моему,
Постигшему, что время кровь сосёт,
И канет утро юное во тьму,
Куда влечет обрывистая ночь,
И прелести, которых он король,
Исчезнут, как весна уходит прочь,
Оставив по себе тупую боль,
Тогда потом напрасно будет век
Грозить ему; я веку дам отпор,
Чтобы неумолимый не отсек
От памяти то, что чарует взор.
Пусть красоту грозит разрушить рок,
Друг вечно зелен между черных строк.

Sonnet LXIV

WHEN I have seen by Time's fell hand defac'd
The rich proud cost of outworn buried age;
When sometime lofty towers I see down-raz'd,
And brass eternal slave to mortal rage;
When I have seen the hungry ocean gain
Advantage on the kingdom of the shore,
And the firm soil win of the watery main,
Increasing store with loss, and loss with store;
When I have seen such interchange of state,
Or state itself confounded to decay:
Ruin hath taught me thus to ruminat
That Time will come and take my love away:
 This thought is as a death which cannot choose
 But weep to have that which it fears to lose.

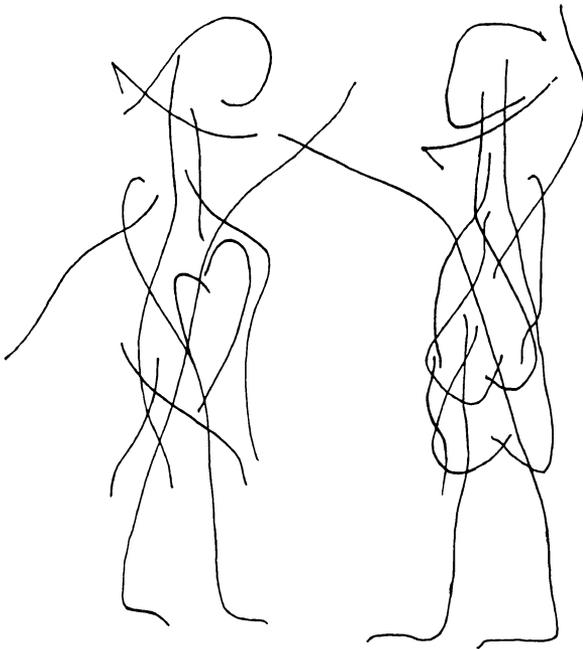

Узрев, как время грозною рукой
Громит гробницу века, чтобы впредь
Обрушивался каменный покой,
Под щебнем хороня рабыню-медь;
Узрев, как наступает океан,
К земле своей возлюбленной ревнив,
И не щадит при этом целых стран,
Убыток с прибылью соединив,
Узрев паденье царств и натиск бед,
Которых никому не избежать,
Я думаю, что время мне во вред
И мне любви моей не удержать.

А эта мысль, как смерть, всегда в слезах:
Любя, боюсь я, что люблю я прах.

Sonnet LXV

SINCE brass, nor stone, nor earth, nor boundless sea,
But sad mortality o'ersways their power,
How with this rage shall beauty hold a plea,
Whose action is no stronger than a flower?
O! how shall summer's honey breath hold out,
Against the wrackful siege of battering days,
When rocks impregnable are not so stout,
Nor gates of steel so strong but Time decays?
O fearful meditation! where, alack,
Shall Time's best jewel from Time's chest lie hid?
Or what strong hand can hold his swift foot back?
Or who his spoil of beauty can forbid?
O! none, unless this miracle have might,
That in black ink my love may still shine bright.

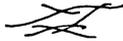

Медь, мрамор, море и земная твердь
Исчезнут, как на небе облака.
Всех побеждает яростная смерть.
Неужто красота сильнее цветка?
Как устоит медовый аромат,
Когда начнет осенний веять мрак?
Так время не щадит железных врат,
И рухнут скалы от его атак.
У времени такая ловкость рук,
Что уследить за ним не может глаз;
И мне подумать грустно, что в сундук
Запрёт оно прекраснейший алмаз.
 Но чудом после мнимых похорон
 В чернилах черных заблестит он.

Sonnet LXVI

T IRED with all these, for restful death I cry,
As to behold desert a beggar born,
And needy nothing trimm'd in jollity,
And purest faith unhappily forsworn,
And gilded honour shamefully misplac'd,
And maiden virtue rudely strumpeted,
And right perfection wrongfully disgrac'd,
And strength by limping sway disabled
And art made tongue-tied by authority,
And folly, doctor-like, controlling skill,
And simple truth miscall'd simplicity,
And captive good attending captain ill:
Tir'd with all these, from these would I be gone,
Save that, to die, I leave my love alone.

Кричу я смерти: Где ты? Я устал
Смотреть, как бьется доблесть в нищете,
Как низость удостоена похвал,
Как веру обрекают клевете,
Как знатность подлостью посрамлена,
Как девственностью властвует разврат,
Как добродетель гнусно растлена,
Как силу душил хилый супостат,
Как рот искусству затыкает власть,
Как бред ученый разуму вредит,
Как правду кривда попирает всласть,
Как злоба добротой руководит.
Кричу я, но ответа не дано,
И бросить здесь любовь мою грешно.

Sonnet LXVII

AH! wherefore with infection should he live,
And with his presence grace impiety,
That sin by him advantage should achieve,
And lace itself with his society?
Why should false painting imitate his cheek,
And steal dead seeming of his living hue?
Why should poor beauty indirectly seek
Roses of shadow, since his rose is true?
Why should he live, now Nature bankrupt is,
Beggard of blood to blush through lively veins?
For she hath no exchequer now but his,
And proud of many, lives upon his gains.
O! him she stores, to show what wealth she had
In days long since, before these last so bad.

ЗАТЕМ ли так прельстительно растлен
Он, чтобы украшать собой разврат,
Чтобы с грехом в союзе брать нас в плен,
Хоть сам при этом каждый виноват?
Зачем искусство ложное крадёт
Его живой и свежий цвет лица?
Тень розы неужели превзойдёт
Живую розу, радуя сердца?
Не для того ли клянчит кровь из жил
Растратчица-Природа у него,
Чтоб казначеем впредь он ей служил
И восполнял собою мотовство.
Блистала, дескать, в прошлом и она,
Хотя теперь плохие времена.

Sonnet LXVIII

THUS is his cheek the map of days outworn,
When beauty lived and died as flowers do now,
Before these bastard signs of fair were born,
Or durst inhabit on a living brow;
Before the golden tresses of the dead,
The right of sepulchres, were shorn away,
To live a second life on second head;
Ere beauty's dead fleece made another gay:
In him those holy antique hours are seen,
Without all ornament, itself and true,
Making no summer of another's green,
Robbing no old to dress his beauty new;
And him as for a map doth Nature store,
To show false Art what beauty was of yore.

Его черты – чертёж минувших дней,
Когда беспечно красота цвела
И не глумились хищники над ней,
Срезая локон с мёртвого чела,
Чтобы чело другое украшать
Кудрями золотыми мертвеца
И вожделье прежнее внушать,
Прельщая легковерные сердца.
В нём видятся былые времена,
Когда не требовалась красоте
Из гроба извлечённая весна,
Как в наши дни, при нашей нищете.
Свои хранит Природа чертежи,
Отстаивая правду против лжи.

Sonnet LXIX

THOSE parts of thee that the world's eye doth view
Want nothing that the thought of hearts can mend;
All tongues, the voice of souls, give thee that due,
Uttering bare truth, even so as foes commend.
Thy outward thus with outward praise is crown'd;
But those same tongues, that give thee so thine own,
In other accents do this praise confound
By seeing farther than the eye hath shown.
They look into the beauty of thy mind,
And that in guess they measure by thy deeds;
Then, churls, their thoughts, although their eyes were kind,
To thy fair flower add the rank smell of weeds:
But why thy odour matcheth not thy show,
The soil is this, that thou dost common grow.

44

Кто скажет, что собою ты хорош,
Тот красоте лишь должное воздаст.
Никто не возразит, что это ложь.
Язык душе поддакивать горазд.
Для внешности лишь внешняя хвала.
Немеют, запинаясь, языки,
До коих суть из недр твоих дошла
Прекрасной видимости вопреки.
Пытливые твой ощутили дух,
Где доброе таится в куцах смут
И плевелы в предчувствии разрух,
Пахучие, безудержно цветут.
Чем с виду красота твоя милей,
Тем запах подлой почвы тяжелей.

Sonnet LXX

THAT thou art blamed shall not be thy defect,
For slander's mark was ever yet the fair;
The ornament of beauty is suspect,
A crow that flies in heaven's sweetest air.
So thou be good, slander doth but approve
Thy worth the greater being wooed of time;
For canker vice the sweetest buds doth love,
And thou present'st a pure unstained prime.
Thou hast passed by the ambush of young days
Either not assailed, or victor being charged;
Yet this thy praise cannot be so thy praise,
To tie up envy, evermore enlarged,
 If some suspect of ill masked not thy show.
 Then thou alone kingdoms of hearts shouldst owe.

Ты низкой черни, впрочем, не чета,
За что тебя чернят со всех сторон;
Всегда на подозренье красота,
Чистейшая лазурь не без ворон.
Прекрасному привержен клеветник.
Сомнительны достоинства цветка,
Пока в него зловредный не проник
Червь, чтобы пировать исподтишка.
Соблазн весны тебя не миновал,
Но западня сё тебе претит.
При этом изобилие похвал
От зависти тебя не защитит.
Когда б не подозренья без причин,
Во всех сердцах царил бы ты один.

Sonnet LXXI

NO longer mourn for me when I am dead
Than you shall hear the surly sullen bell
Give warning to the world that I am fled
From this vile world with vilest worms to dwell:
Nay, if you read this line, remember not
The hand that writ it, for I love you so,
That I in your sweet thoughts would be forgot,
If thinking on me then should make you woe.
O! if, I say, you look upon this verse,
When I perhaps compounded am with clay,
Do not so much as my poor name rehearse;
But let your love even with my life decay:
Lest the wise world should look into your moan,
And mock you with me after I am gone.

Печаль заблаговременно уйми,
Когда заверит колокольный звон,
Что, мерзкими отвергнутый людьми,
К червям бежал я после похорон.
Не вспоминай, читая этот стих,
Руки моей; пора тебе понять:
Я так тебя люблю, что никаких
Скорбей тебе не стал бы причинять.
Себя ты находи в моих строках,
Но пусть меня твой голос не зовет;
Когда смешают с глиною мой прах,
Пусть смерть моя любовь твою прервет.
Иначе мир вниманье обратит,
Что помнишь ты меня, а это – стыд.

Sonnet LXXII

O! LEST the world should task you to recite
What merit lived in me, that you should love
After my death,—dear love, forget me quite,
For you in me can nothing worthy prove.
Unless you would devise some virtuous lie,
To do more for me than mine own desert,
And hang more praise upon deceased I
Than niggard truth would willingly impart:
O! lest your true love may seem false in this
That you for love speak well of me untrue,
My name be buried where my body is,
And live no more to shame nor me nor you.
For I am shamed by that which I bring forth,
And so should you, to love things nothing worth.

Забудь меня, как только я умру;
Не надо жизнь мою приукрашать,
Когда, затеяв низкую игру,
Тебя начнут о мертвом вопрошать.
И если скажешь ты, что я хорош,
Ты против скряги-правды погресишь;
Сказав благонамеренную ложь,
К себе ты недоверие внушишь.
Как будто верная любовь тогда
Для нас обоих – только западня;
Ни для тебя, ни для себя стыда
Я не хочу; пусть не было меня.
Умершего любимым не зови!
Достойно ли ничтожество любви?

Sonnet LXXIII

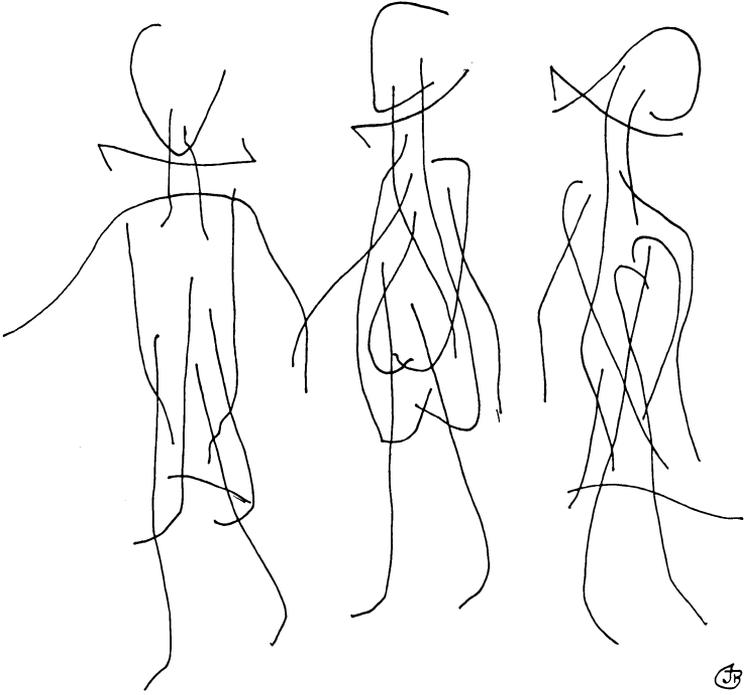
THAT time of year thou mayst in me behold
When yellow leaves, or none, or few, do hang
Upon those boughs which shake against the cold,
Bare ruined choirs, where late the sweet birds sang.
In me thou see'st the twilight of such day
As after sunset fadeth in the west;
Which by and by black night doth take away,
Death's second self, that seals up all in rest.
In me thou see'st the glowing of such fire,
That on the ashes of his youth doth lie,
As the death-bed, whereon it must expire,
Consum'd with that which it was nourish'd by.
This thou perceiv'st, which makes thy love more strong,
To love that well, which thou must leave ere long.

Ты видишь: мрачная во мне пора,
Когда в нолунагих ветвях дубрав
Неистовые мечутся ветра,
Пернатых певчих с хоров разогнав.
Во мне закат, как будто свет со мной,
Но в сумерках лучом едва сквозит,
И, притворившись темнотой ночной,
Своей печатью смерть всему грозит.
Ты видишь: мой огонь почти погас,
И я застыть готов, испепелен,
Как будто яркий жар в последний час
Своею бывшей пищей истреблен.
Но согласись: тебе дороже тот,
С кем навсегда простишься ты вот-вот.

Sonnet LXXIV

BUT be contented when that fell arrest
Without all bail shall carry me away,
My life hath in this line some interest,
Which for memorial still with thee shall stay.
When thou reviewest this, thou dost review
The very part was consecrate to thee:
The earth can have but earth, which is his due;
My spirit is thine, the better part of me:
So then thou hast but lost the dregs of life,
The prey of worms, my body being dead;
The coward conquest of a wretch's knife,
Too base of thee to be remembered.
The worth of that is that which it contains,
And that is this, and this with thee remains.

~~XXXXXXXXXX~~

Когда навек я буду заточён
Уже без права выйти под залог
И ты при этом будешь огорчён,
Ты жизнь мою найдёшь среди этих строк,
Их просмотрев, усмотришь часть мою,
Всё то, к чему ты не был в жизни глух;
Земной мой прах я праху отдаю,
Тебе – часть лучшую мою, мой дух.
Осадком жизни я не дорожу,
И телу моему не уцелеть.
Обречено, червивое, ножу,
О мерзости моей зачем жалеть?
Ты помни только: лучшее во мне
По-прежнему с тобой наедине.

Sonnet LXXV

SO are you to my thoughts as food to life,
Or as sweet-season'd showers are to the ground;
And for the peace of you I hold such strife
As 'twixt a miser and his wealth is found.
Now proud as an enjoyer, and anon
Doubting the filching age will steal his treasure:
Now counting best to be with you alone,
Then better'd that the world may see my pleasure:
Sometime all full with feasting on your sight,
And by and by clean starved for a look;
Possessing or pursuing no delight
Save what is had, or must from you be took.
Thus do I pine and surfeit day by day,
Or gluttoning on all, or all away.

Лишь по тебе я голодом томим;
Так жаждет борозда дождя весной;
И существом захвачен я твоим,
Как жадный богатея своей казной.
То прячу я от вороватых глаз
Твоё чарующее совершенство;
То выставляю дерзко напоказ
Моё невыносимое блаженство.
Пресыщен я, но голод не затих,
И вот уже я вновь ловлю твой взгляд;
Знать не хочу я радостей других,
Кроме тебя, не ведаю услад.
Терпеть мне в этой жизни суждено
Излишество с лишением заодно.

Sonnet LXXVI

WHY is my verse so barren of new pride,
So far from variation or quick change?
Why with the time do I not glance aside
To new-found methods, and to compounds strange?
Why write I still all one, ever the same,
And keep invention in a noted weed,
That every word doth almost tell my name,
Showing their birth, and where they did proceed?
O! know sweet love I always write of you,
And you and love are still my argument;
So all my best is dressing old words new,
Spending again what is already spent:
For as the sun is daily new and old,
So is my love still telling what is told.

Неужто стих мой столь смиренно тощ,
Что шлифовать его – напрасный труд,
И неспособен я присвоить мощь
Изысканных новаторских причуд?
Но так оно и есть по существу.
Я новизною мнимой поражён.
И каждым словом я тебя зову,
Не зная слов опричь твоих имён.
Любовь, ты не бываешь не права.
Что время! Мне смешон его задор.
В наряде новом старые слова.
Я трачу то, что тратил до сих пор.
 И солнце в небе, как моё перо,
 Одновременно ново и старо.

Sonnet LXXVII

THY glass will show thee how thy beauties wear,
Thy dial how thy precious minutes waste;
The vacant leaves thy mind's imprint will bear,
And of this book, this learning mayst thou taste.
The wrinkles which thy glass will truly show
Of mouthed graves will give thee memory;
Thou by thy dial's shady stealth mayst know
Time's thievish progress to eternity.
Look what thy memory cannot contain,
Commit to these waste blanks, and thou shalt find
Those children nursed, deliver'd from thy brain,
To take a new acquaintance of thy mind.
 These offices, so oft as thou wilt look,
 Shall profit thee and much enrich thy book.

У видишь в зеркале: твой блекнет лик.
Часы показывают: жизнь бежит.
Но целы всё ещё страницы книг
И мысль, которой разум дорожит,
Твои морщины в зеркале видней,
Могильные союзницы тоски,
И оттого часы идут верней,
Что к вечности крадутся воровски.
Что не удержишь в памяти, ты вверь
Листам бумаги, чья надёжна гладь,
И мозг тогда не понесёт потерь,
Своих детей он будет лучше знать.
Они тебе былое возвратят,
Чем будущий твой труд обогатят.

Sonnet LXXVIII

SO oft have I invoked thee for my Muse,
And found such fair assistance in my verse
As every alien pen hath got my use
And under thee their poesy disperse.
Thine eyes, that taught the dumb on high to sing
And heavy ignorance aloft to fly,
Have added feathers to the learned's wing
And given grace a double majesty.
Yet be most proud of that which I compile,
Whose influence is thine, and born of thee:
In others' works thou dost but mend the style,
And arts with thy sweet graces graced be;
But thou art all my art, and dost advance
As high as learning my rude ignorance.

Кого, как не тебя, мне музой звать?
По-прежнему тобой живёт мой стих.
Меж тем тебя дерзнувших воспевать
По моему примеру – сколько их?
Твои глаза немого учат петь,
Невежество искусством окрылив,
Чтоб крепи крылья в новых перьях впредь,
Великолепье грацией продлив.
Но можешь ты гордиться только мной,
Лишь для меня первоисточник – ты.
Правь смело стиль тому, кто не родной,
Подбавь ему заёмной красоты.
Ты всё моё искусство, при моём
Невежестве зенит и окоём.

Sonnet LXXIX

WHILST I alone did call upon thy aid,
My verse alone had all thy gentle grace;
But now my gracious numbers are decay'd,
And my sick Muse doth give an other place.
I grant, sweet love, thy lovely argument
Deserves the travail of a worthier pen;
Yet what of thee thy poet doth invent
He robs thee of, and pays it thee again.
He lends thee virtue, and he stole that word
From thy behaviour; beauty doth he give,
And found it in thy cheek: he can afford
No praise to thee, but what in thee doth live.
Then thank him not for that which he doth say,
Since what he owes thee, thou thyself dost pay.

44

Один я воспевал тебя сперва,
Но мой злосчастный стих теперь зачах,
Моя больная муза чуть жива,
И превзошёл меня другой в хвалах,
Пускай достойна лучшего пера
Моя любовь, чей мне отраден гнёт,
Хвала чужая потому щедра,
Что у тебя достоинство крадёт.
Любой хвалитель будет знаменит,
Красноречив и безупречно прав,
Восславив красоту твоих ланит
И добродетели твои назвав.
Тебе я не напомнить не могу,
Что твой хвалитель у тебя в долгу.

Sonnet LXXX

O! HOW I faint when I of you do write,
Knowing a better spirit doth use your name,
And in the praise thereof spends all his might,
To make me tongue-tied speaking of your fame.
But since your worth, wide as the ocean is,
The humble as the proudest sail doth bear,
My saucy bark, inferior far to his,
On your broad main doth wilfully appear.
Your shallowest help will hold me up afloat,
Whilst he upon your soundless deep doth ride;
Or, being wrack'd, I am a worthless boat,
He of tall building, and of goodly pride:
Then if he thrive and I be cast away,
The worst was this, my love was my decay.

Начав писать, я духом пасть готов;
Тебя воспел владыка из владык,
Непревзойдён в могуществе стихов,
Так что немеет у меня язык.
Но в океане совершенств твоих
Дерзаем плавать оба: он и я,
Большой корабль среди бурных волн морских
И маленькая, жалкая ладья.
Моя ладья потонет на мели,
Поверх глубин плывёт он в дальний порт;
Моей мольбе о помощи внемли,
Как тот корабль ни славен и ни горд;
Он будет плыть, а я пойду ко дну,
В чём следует винить любовь одну.

Sonnet LXXXI

O R I shall live your epitaph to make,
Or you survive when I in earth am rotten,
From hence your memory death cannot take,
Although in me each part will be forgotten.
Your name from hence immortal life shall have,
Though I, once gone, to all the world must die:
The earth can yield me but a common grave,
When you entomb'd in men's eyes shall lie.
Your monument shall be my gentle verse,
Which eyes not yet created shall o'er-read;
And tongues to be, your being shall rehearse,
When all the breathers of this world are dead;
You still shall live, such virtue hath my pen,
Where breath most breathes, even in the mouths of men.

Быть может, я переживу тебя
И друга помяну ещё стихами,
Но вряд ли вспомнят и меня, скорбя,
Когда сгнию с моими я грехами.
Вовск людьми не будешь ты забыт,
Моё же сгинет имя, как мой прах;
В земле со всеми буду я зарыт,
Нетленен будешь ты в людских глазах.
Мой нежный стих тебя запечатлел
Для глаз, не существующих пока;
И навсегда останешься ты цел,
Как дышащая лишь тобой строка.
 Перо моё для будущих эпох
 В уста тебя вселяет, вечный вздох.

Sonnet LXXXII

I GRANT thou wert not married to my Muse
And therefore mayst without attain't o'erlook
The dedicated words which writers use
Of their fair subject, blessing every book.
Thou art as fair in knowledge as in hue,
Finding thy worth a limit past my praise:
And therefore art enforced to seek anew
Some fresher stamp of the time-bettering days.
And do so, love; yet when they have devis'd,
What strained touches rhetoric can lend,
Thou truly fair, wert truly sympathiz'd
In true plain words, by thy true-telling friend;
And their gross painting might be better us'd
Where cheeks need blood; in thee it is abus'd.

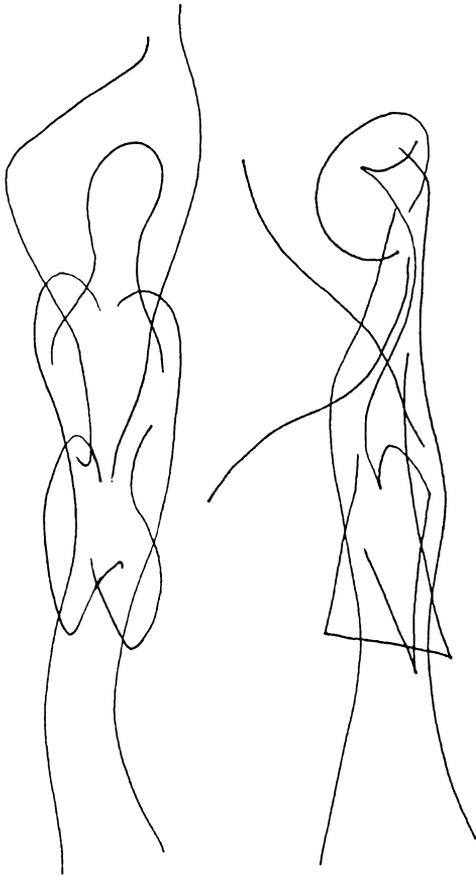

Итак, моей ты музе не супруг,
И посвященья можешь ты читать,
В которых изощряется вокруг
Писателей назойливая рать.
Разумен ты и так хорош собой,
Что щегольнуть хвалою трудно мне,
И славят все тебя наперебой,
Превосходя друг друга в новизне.
Пуская тебя стараются они
Натужною риторикой привлечь,
Но тем дороже, милый мой, цени
Бесхитростную дружескую речь.

Румяна для других, бескровных щёк,
Зачем они тому, кто не поблѣк?

Sonnet LXXXIII

I NEVER saw that you did painting need,
And therefore to your fair no painting set;
I found, or thought I found, you did exceed
The barren tender of a poet's debt:
And therefore have I slept in your report.
That you yourself, being extant, well might show
How far a modern quill doth come too short,
Speaking of worth, what worth in you doth grow.
This silence for my sin you did impute,
Which shall be most my glory being dumb;
For I impair not beauty being mute,
When others would give life, and bring a tomb.
 There lives more life in one of your fair eyes
 Than both your poets can in praise devise.

Handwritten signature or mark.

Я думал, что хорош ты без прикрас,
Изыскам стихотворцев не чета,
Привык я верить, что без громких фраз
Твоя восторжествует красота.
Сказал ты, что я сплю, когда пора
Тебе во славу отчеканить стих,
Но не для современного пера
Рост совершенств невиданных твоих.
По крайней мере, я не запятнал
Тебя словами, коим грош цена,
И в немоте моей навек узнал,
Что красота твоя и так видна.

А жизнь в одном из двух твоих очей
Твоих затмит обоих рифмачей.

Sonnet LXXXIV

WHO is it that says most, which can say more,
Than this rich praise, that you alone, are you,
In whose confine immured is the store
Which should example where your equal grew?
Lean penury within that pen doth dwell
That to his subject lends not some small glory;
But he that writes of you, if he can tell
That you are you, so dignifies his story.
Let him but copy what in you is writ,
Not making worse what nature made so clear,
And such a counterpart shall fame his wit,
Making his style admired every where.
 You to your beauteous blessings add a curse,
 Being fond on praise, which makes your praises worse.

Тебя в тебе прославить – вот хвала.
Обследовав различные края,
Никто бы не нашёл нигде угла,
Где копия таилась бы твоя,
И опереться не на что перу,
Тебя воспеть намеренному срочно.
В пустую не ввязаться бы игру!
Тебя достойно только то, что точно.
Твоим чертам наносит явный вред
Тот, кто в хвалах безудержно речист;
Прославит портретиста твой портрет,
В котором стиль самой природы чист.
 Без преувеличений ты хорош.
 Малейшая тебя испортит ложь.

Sonnet LXXXV

MY tongue-tied Muse in manners holds her still,
While comments of your praise richly compiled,
Reserve thy character with golden quill,
And precious phrase by all the Muses filed.
I think good thoughts, whilst others write good words,
And like unlettered clerk still cry "Amen"
To every hymn that able spirit affords,
In polished form of well-refined pen.
Hearing you praised, I say "'tis so, 'tis true,'
And to the most of praise add something more;
But that is in my thought, whose love to you,
Though words come hindmost, holds his rank before.
Then others, for the breath of words respect,
Me for my dumb thoughts, speaking in effect.

Моя лишилась муза языка
Среди других великолепных муз,
Чья песнь хвалебная тебе сладка,
А перьями златыми движет вкус.
Я в мыслях одарён, в словах бездарь;
Поддакиваю гимнам я чужим,
Не зная букв, как старый пономарь,
«Аминь», – твержу, тобою одержим,
Я признаю, достоин ты похвал,
Лишь вторю я хвалителям твоим;
Допустим, я в словесности отстал,
Но кто ещё, как мною ты, любим.
Люби, слова красивые ценя,
С моей немой любовью и меня.

Sonnet LXXXVI

WAS it the proud full sail of his great verse,
Bound for the prize of all too precious you,
That did my ripe thoughts in my brain inhearse,
Making their tomb the womb wherein they grew?
Was it his spirit, by spirits taught to write
Above a mortal pitch, that struck me dead?
No, neither he, nor his compeers by night
Giving him aid, my verse astonished.
He, nor that affable familiar ghost
Which nightly gulls him with intelligence,
As victors of my silence cannot boast;
I was not sick of any fear from thence:
But when your countenance filled up his line,
Then lacked I matter; that enfeebled mine.

Неужто смолк я, потому что тот,
Чей парус над волнами горделив,
Тебя прославил и достиг высот,
Мой стих новорождённый умертвив?
Неужто насмерть он меня сразил,
Сей духами наученный поэт?
Он с гениями мне в ночи грозил,
Но моего стиха не свёл на нет,
И хоть ему союзный дух ночной
Подсказывает рифмы под шумок,
Не одержал он верха надо мной
И мне молчанья навязать не мог.
 Но ты решил к нему вселиться в стих,
 Оставив пустоту в стихах моих.

Sonnet LXXXVII

FAREWELL! thou art too dear for my possessing,
And like enough thou know'st thy estimate,
The charter of thy worth gives thee releasing;
My bonds in thee are all determinate.
For how do I hold thee but by thy granting?
And for that riches where is my deserving?
The cause of this fair gift in me is wanting,
And so my patent back again is swerving.
Thy self thou gavest, thy own worth then not knowing,
Or me to whom thou gav'st it else mistaking;
So thy great gift, upon misprision growing,
Comes home again, on better judgement making.
 Thus have I had thee, as a dream doth flatter,
 In sleep a king, but waking no such matter.

Р асстанемся, прощай, ты драгоценность!
Открылась вдруг тебе твоя цена,
Так что естественна твоя надменность;
Тобой владел я – вот моя вина.
Так не пора ли мне помыслить здраво:
Ты дар, всегда суливший мне утрату.
Какое на тебя имел я право?
Не подлежишь ли ты давно возврату?
Тебя прельстив сомнительной мечтою,
Я приобрёл твоё расположение;
Уверившись, что я тебя не стою,
Вернись теперь в своё распоряженье.
Мне грезилось, что наш союз возможен,
Во сне король, я наяву ничтожен.

Sonnet LXXXVIII

WHEN thou shalt be dispos'd to set me light,
And place my merit in the eye of scorn,
Upon thy side, against myself I'll fight,
And prove thee virtuous, though thou art forsworn.
With mine own weakness being best acquainted,
Upon thy part I can set down a story
Of faults concealed, wherein I am attainted;
That thou in losing me shalt win much glory:
And I by this will be a gainer too;
For bending all my loving thoughts on thee,
The injuries that to myself I do,
Doing thee vantage, double-vantage me.
Such is my love, to thee I so belong,
That for thy right, myself will bear all wrong.

Когда меня желаешь очернить
Ты перед легковерною молвой,
Готов я самого себя винить,
Закрыв глаза на грех постыдный твой.
Я вслух признаюсь, в чём я втайне грешен,
Подбавив соблазнительной отравы
К навету твоему, который взвешен
На бдительных весах твоей же славы.
Но буду я доволен всё равно;
Чем выгодней тебе, тем лучше мне;
С тобою преуспею заодно,
Твоя удача – мой успех вдвойне.
Я так тебя люблю, что, проиграв,
Признать готов, что это я не прав.

Sonnet LXXXIX

SAY that thou didst forsake me for some fault,
And I will comment upon that offence:
Speak of my lameness, and I straight will halt,
Against thy reasons making no defence.
Thou canst not, love, disgrace me half so ill,
To set a form upon desired change,
As I'll myself disgrace; knowing thy will,
I will acquaintance strangle, and look strange;
Be absent from thy walks; and in my tongue
Thy sweet beloved name no more shall dwell,
Lest I, too much profane, should do it wrong,
And haply of our old acquaintance tell.
For thee, against myself I'll vow debate,
For I must ne'er love him whom thou dost hate.

47

Покинь меня, придумав мне вину,
Найди во мне изъян или порок;
Скажи, что хром я, и хромать начну,
Как будто от рожденья колченог.
Любовь моя, вступать не станем в спор.
Пусть на меня обрушится хула!
Готов я на себя навлечь позор,
Мол, близость позой для меня была.
Ты повелишь – и откажусь от встреч,
И за своим я буду языком
Следить, чтобы непрошенная речь
Не выдала, что я с тобой знаком.
Я накажу себя за каждый шаг.
Кого ты ненавидишь, тот мой враг.

Sonnet XC

THEN hate me when thou wilt; if ever, now;
Now, while the world is bent my deeds to cross,
Join with the spite of fortune, make me bow,
And do not drop in for an after-loss:
Ah! do not, when my heart hath "scaped this sorrow,
Come in the rearward of a conquered woe;
Give not a windy night a rainy morrow,
To linger out a purposed overthrow.
If thou wilt leave me, do not leave me last,
When other petty griefs have done their spite,
But in the onset come: so shall I taste
At first the very worst of fortune's might;
 And other strains of woe, which now seem woe,
 Compared with loss of thee, will not seem so.

НЕ откажи хоть в ненависти мне,
Когда грозит мне отовсюду вред;
Срази меня ударом на войне,
А не последней каплей в море бед.
И пусть переживу я ночь несчастья,
Когда рассвет забрезжит на ветру,
Избавь меня хотя бы от ненастья,
Чей мозглый морок – морось поутру.
Порвать со мною хочешь, так порви
Немедленно, и как ни тяжело,
Удостоверюсь без твоей любви,
Что наихудшее произошло.
Опомнившись в отчаянье таком,
Сочту всё остальное пустяком.

Sonnet XCI

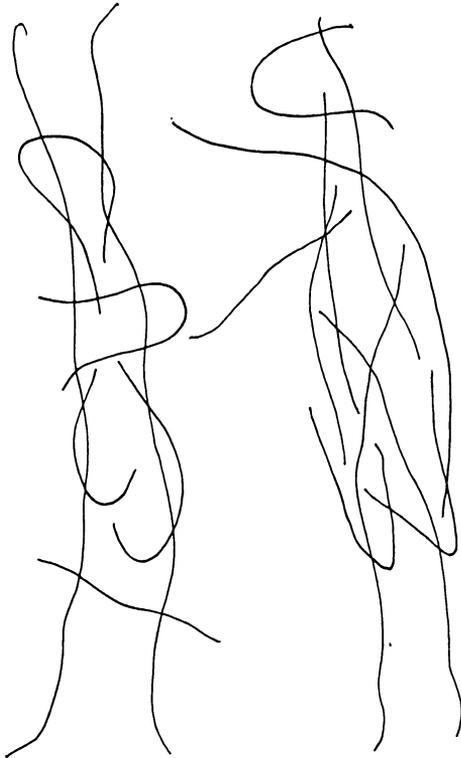
SOME glory in their birth, some in their skill,
Some in their wealth, some in their body's force,
Some in their garments though new-fangled ill;
Some in their hawks and hounds, some in their horse;
And every humour hath his adjunct pleasure,
Wherein it finds a joy above the rest:
But these particulars are not my measure,
All these I better in one general best.
Thy love is better than high birth to me,
Richer than wealth, prouder than garments' cost,
Of more delight than hawks and horses be;
And having thee, of all men's pride I boast:
 Wretched in this alone, that thou mayst take
 All this away, and me most wretched make.

Кому знатнейший род, кому талант,
Кому дарует почести судьба.
Камзолом и плащом гордится франт,
Охотнику дороже ястреба.
У каждого из всех своя утеха,
Нет радости ему ни в чём ином,
И не хочу другого я успеха,
Когда всё счастье для меня в одном.
С твоей любовью знатных я знатней.
Богатым далеко до бедняка.
Без ястребов и без лихих коней
Охочусь я с тобой наверняка.
Одна беда страшней день ото дня:
Ты от меня уйдёшь, и нет меня.

Sonnet XCII

BUT do thy worst to steal thyself away,
For term of life thou art assured mine;
And life no longer than thy love will stay,
For it depends upon that love of thine.
Then need I not to fear the worst of wrongs,
When in the least of them my life hath end.
I see a better state to me belongs
Than that which on thy humour doth depend:
Thou canst not vex me with inconstant mind,
Since that my life on thy revolt doth lie.
O what a happy title do I find,
Happy to have thy love, happy to die!
But what's so blessed-fair that fears no blot?
Thou mayst be false, and yet I know it not.

Но жизнь моя не тем ли хороша,
Что без тебя мне, бедному, конец,
И если, супротив меня греша,
Себя ты украдёшь, то я мертвец,
Каких ещё тогда бояться зол,
Когда сражён я буду меньшим злом?
И не страшит меня твой произвол:
Мне даже лучше будет, чем в былом.
И невозможно жизнь мою разбить,
Я преуспею так и этак впредь.
Как счастлив я теперь тебя любить,
Так без тебя я счастлив умереть.
И в счастье, впрочем, видится пятно.
А вдруг тобой обманут я давно?

Sonnet XCIII

SO shall I live, supposing thou art true,
Like a deceived husband; so love's face
May still seem love to me, though altered new;
Thy looks with me, thy heart in other place:
For there can live no hatred in thine eye,
Therefore in that I cannot know thy change.
In many's looks, the false heart's history
Is writ in moods, and frowns, and wrinkles strange.
But heaven in thy creation did decree
That in thy face sweet love should ever dwell;
Whate'er thy thoughts, or thy heart's workings be,
Thy looks should nothing thence, but sweetness tell.
 How like Eve's apple doth thy beauty grow,
 If thy sweet virtue answer not thy show!

Пусть я, как муж обманутый, твержу,
Что не обманут я тобой пока,
К другому ты уходишь рубежу,
Твой взор со мной, но он издалека,
Устроен так твой ненаглядный глаз,
Что в нём твоей измены не видать;
Лишь по теням с прожилками проказ
Твою неверность можно угадать.
Так небом сотворён твой милый лик,
Что даже не затмился до сих пор,
Пусть в сердце чёрный замысел возник,
Сладчайшей нежности твой полон взор.
Ты с виду словно яблоко в раю,
Так что я зла в тебе не узнаю.

Sonnet XCIV

THEY that have power to hurt, and will do none,
That do not do the thing they most do show,
Who, moving others, are themselves as stone,
Unmoved, cold, and to temptation slow;
They rightly do inherit heaven's graces,
And husband nature's riches from expense;
They are the lords and owners of their faces,
Others, but stewards of their excellence.
The summer's flower is to the summer sweet,
Though to itself, it only live and die,
But if that flower with base infection meet,
The basest weed outbraves his dignity:
 For sweetest things turn sourest by their deeds;
 Lilies that fester, smell far worse than weeds.

Кто ранить не хотел, хоть ранить мог,
Кто чувство, сам не чувствуя, внушал,
Кто волновал, не ведая тревог,
Не зная искушений, искушал,
Тот щедро взыскан милостью небесной;
Природы обольстительный супруг
Владет внешностью своей прелестной,
И у него другие вместо слуг.
Цветку до восхищённых дела нет;
Как, сладостный, расцвёл, так и засох,
Но, может быть, заразный в нём секрет,
И предпочтительней чертополох.
 Растенья ядовитые с душком.
 Бурьяна хуже лилия с грешком.

Sonnet XCV

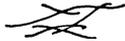
HOW sweet and lovely dost thou make the shame
Which, like a canker in the fragrant rose,
Doth spot the beauty of thy budding name!
O! in what sweets dost thou thy sins enclose.
That tongue that tells the story of thy days,
Making lascivious comments on thy sport,
Cannot dispraise, but in a kind of praise;
Naming thy name blesses an ill report.
O! what a mansion have those vices got
Which for their habitation chose out thee,
Where beauty's veil doth cover every blot
And all things turns to fair that eyes can see!
Take heed, dear heart, of this large privilege;
The hardest knife ill-used doth lose his edge.

Как роза с червоточиной, любим,
Постыдному ты сладость придаёшь,
И самый грех под именем твоим
В твоём обличье кажется хорош.
Язык смакует среди приманок всех
Вкус вызванных тобой сердечных смут,
И торжествует грех среди утех,
Когда его тобою назовут.
Себе пороки выбрали чертог
Твоих очаровательных примет,
Где каждый прикрывается порок
Завесою, которой краше нет.
В излишествах собой не дорожа,
Сломаешься, как лезвие ножа.

Sonnet XCVI

SOME say thy fault is youth, some wantonness;
Some say thy grace is youth and gentle sport;
Both grace and faults are lov'd of more and less:
Thou mak'st faults graces that to thee resort.
As on the finger of a throned queen
The basest jewel will be well esteem'd,
So are those errors that in thee are seen
To truths translated, and for true things deem'd.
How many lambs might the stern wolf betray,
If like a lamb he could his looks translate!
How many gazers mightst thou lead away,
If thou wouldst use the strength of all thy state!
But do not so; I love thee in such sort,
As, thou being mine, mine is thy good report.

Пусть говорят, что юность и разврат
В тебе совпали, что твоя вина
В преступном сочетании услад,
Когда в растленье благодать видна
И наихудший может заблестать
Алмаз на королевинном персте,
Как будто кривда правдой может стать
Благодаря всесильной красоте.
Волк, агнцем обернувшийся, пожрёт
Бесчисленное множество овец.
Смотри, не потерять бы жертвам счёт,
Ты, совершенств опасных образец.
Остерегись! Пусть я с тобой не схож,
Ты мой в любви, и я, как ты, хорош.

Sonnet XCVII

HOW like a winter hath my absence been
From thee, the pleasure of the fleeting year!
What freezings have I felt, what dark days seen!
What old December's bareness everywhere!
And yet this time removed was summer's time:
The teeming autumn, big with rich increase,
Bearing the wanton burden of the prime,
Like widow'd wombs after their lords' decease:
Yet this abundant issue seemed to me
But hope of orphans, and unfathered fruit;
For summer and his pleasures wait on thee,
And, thou away, the very birds are mute:
Or, if they sing, 'tis with so dull a cheer,
That leaves look pale, dreading the winter's near.

Любое время года для меня –
Зима, когда ты от меня вдали.
Декабрь угрюмый, душу леденя,
Внушил мне: холода навек пришли.
Шло лето, предвещая торжества,
Но в сладостном предчувствии плодов
Печальные стояли деревья,
Беременных напоминая вдов,
И даже в изобилии щедрот,
О лете летом всё ещё скорбя,
Я видел упование сирот;
Казалось, птицы немые без тебя.
 А в щебете прерывистом тоска.
 Бледнеют листья, и зима близка.

Sonnet XCVIII

FROM you have I been absent in the spring,
When proud-pied April, dress'd in all his trim,
Hath put a spirit of youth in every thing,
That heavy Saturn laughed and leapt with him.
Yet nor the lays of birds, nor the sweet smell
Of different flowers in odour and in hue,
Could make me any summer's story tell,
Or from their proud lap pluck them where they grew:
Nor did I wonder at the lily's white,
Nor praise the deep vermilion in the rose;
They were but sweet, but figures of delight,
Drawn after you, you pattern of all those.
Yet seemed it winter still, and you away,
As with your shadow I with these did play.

Я без тебя переживал весну,
Когда, роскошно пёстр, апрель воскрес
И, смехом нарушая тишину,
В ночи плясал Сатурн-тяжеловес,
Но пенье птиц и запахи цветов
Историй не могли мне даровать,
И, одинокий, не был я готов
Цветы благоуханные срывать.
Ни лилий белых я не оценил,
Ни роз, чей соблазнительен багрец,
Настолько образ твой меня пленил,
Для них для всех прелестный образец.
 Что мне весна! Зима в её чертах.
 Лишь тень твоя мне виделась в цветах.

Sonnet XCIX

THE forward violet thus did I chide:
Sweet thief, whence didst thou steal thy sweet that smells,
If not from my love's breath? The purple pride
Which on thy soft cheek for complexion dwells
In my love's veins thou hast too grossly dy'd.
The lily I condemned for thy hand,
And buds of marjoram had stol'n thy hair;
The roses fearfully on thorns did stand,
One blushing shame, another white despair;
A third, nor red nor white, had stol'n of both,
And to his robbery had annex'd thy breath;
But, for his theft, in pride of all his growth
A vengeful canker eat him up to death.
More flowers I noted, yet I none could see,
But sweet, or colour it had stol'n from thee.

47

Мошеница-фиалка, – говорю, –
Похитила тончайший аромат
Из уст, любовь моя, твоих; зарю
Присвоил бы бледнеющий закат.
Жил ни за что тебе не отворю,
Но чья же кровь по лепесткам текла,
Как не твоя, хотя не видно ран?
Не лилия, рука твоя бела,
Волос твоих подобье – майоран.
Румяна роза или же бледна,
У той и у другой твой цвет лица.
Но розам кража всё-таки вредна:
Зараза тайно точит им сердца.
Среди цветов я твой ревнивый страж.
Я ничего не вижу, кроме краж.

Sonnet C

WHERE art thou Muse that thou forget'st so long,
To speak of that which gives thee all thy might?
Spend'st thou thy fury on some worthless song,
Darkening thy power to lend base subjects light?
Return forgetful Muse, and straight redeem,
In gentle numbers time so idly spent;
Sing to the ear that doth thy lays esteem
And gives thy pen both skill and argument.
Rise, resty Muse, my love's sweet face survey,
If Time have any wrinkle graven there;
If any, be a satire to decay,
And make time's spoils despised every where.
Give my love fame faster than Time wastes life,
So thou prevent'st his scythe and crooked knife.

Опомнись, Муза! Что же ты молчишь?
Забыла, кто тебе дарует свет?
Своё ты вдохновенье омрачишь,
Предпочитая низменный предмет.
Забывчивая Муза! Поспеши!
Коснуться новой рифмою пора
Взыскательного уха и души,
Откуда слава твоего пера.
Встань, Муза, посвети любви свой лад,
Узрев морщины на её челе;
Ты заклеими сатирию распад,
Оспаривая время на земле.
Пусть у него коса и нож кривой,
За красоту стих ополчится твой.

Sonnet CI

O TRUANT Muse what shall be thy amends
For thy neglect of truth in beauty dyed?
Both truth and beauty on my love depends;
So dost thou too, and therein dignified.
Make answer Muse: wilt thou not haply say,
"Truth needs no colour, with his colour fixed;
Beauty no pencil, beauty's truth to lay;
But best is best, if never intermixed"?
Because he needs no praise, wilt thou be dumb?
Excuse not silence so, for't lies in thee
To make him much outlive a gilded tomb
And to be praised of ages yet to be.
Then do thy office, Muse; I teach thee how
To make him seem, long hence, as he shows now.

③

76

ЛЕНТЯЙКА-МУЗА! Чем ты занята?
Молчание досадное прерви!
Ты видишь: вместе с правдой красота,
Как ты, зависят от моей любви.
Быть может, Муза, скажешь ты в ответ,
Что не бывает правды расписной
И что у красоты природный цвет,
Не требующий краски заказной?
Конечно, он хорош и без похвал,
Но, Муза, ты молчание нарушь,
Чтоб над веками восторжествовал
Он, пережив златой гробницы глушь.
Ты, Муза, сделать можешь так, поверь,
Чтобы сиял он вечно, как теперь.

Sonnet CII

MY love is strengthened, though more weak in seeming;
I love not less, though less the show appear;
That love is merchandized, whose rich esteeming,
The owner's tongue doth publish every where.
Our love was new, and then but in the spring,
When I was wont to greet it with my lays;
As Philomel in summer's front doth sing,
And stops his pipe in growth of riper days:
Not that the summer is less pleasant now
Than when her mournful hymns did hush the night,
But that wild music burthens every bough,
And sweets grown common lose their dear delight.
Therefore like her, I sometime hold my tongue:
Because I would not dull you with my song.

Сильней моя любовь, но неприлично
Мне щеголять влияньем скрытых чар,
Как будто выставить готов публично
Я на продажу редкостный товар.
Когда любовь моя была нова,
Звучал во мне безудержный мотив,
Как Филомела щёлкает сперва,
Свою цевницу позже затаив.
Не то чтобы весна была милей,
Чем поздним летом щедрые сады;
Ветвям от песен диких тяжелей,
Но быстро приедаются плоды.

К любовным песням слишком ты привык.
Не лучше ли мне придержать язык?

Sonnet CIII

ALACK! what poverty my Muse brings forth,
That having such a scope to show her pride,
The argument all bare is of more worth
Than when it hath my added praise beside!
O! blame me not, if I no more can write!
Look in your glass, and there appears a face
That over-goes my blunt invention quite,
Dulling my lines, and doing me disgrace.
Were it not sinful then, striving to mend,
To mar the subject that before was well?
For to no other pass my verses tend
Than of your graces and your gifts to tell;
And more, much more, than in my verse can sit,
Your own glass shows you when you look in it.

Увы! Как Муза у меня бедна,
Но, думается, нет её вины
В том, что хвала нисколько не нужна,
Когда прелестной теме нет цены.
Ты видишь, не пишу я ничего,
Но на себя ты в зеркало взгляни;
Я только жертва блеска твоего,
И посрамлён мой стих в твоей тени.
Не грех ли похвалою запятнать
То, что прекрасно без похвал моих?
Как быть? Я не хочу другого знать.
Других красот чуждается мой стих.
И в том ли стих мой бедный виноват,
Что в зеркале ты краше во сто крат?

Sonnet CIV

TO me, fair friend, you never can be old,
For as you were when first your eye I ey'd,
Such seems your beauty still. Three winters cold,
Have from the forests shook three summers' pride,
Three beauteous springs to yellow autumn turn'd,
In process of the seasons have I seen,
Three April perfumes in three hot Junes burn'd,
Since first I saw you fresh, which yet are green.
Ah! yet doth beauty like a dial-hand,
Steal from his figure, and no pace perceiv'd;
So your sweet hue, which methinks still doth stand,
Hath motion, and mine eye may be deceiv'd:
For fear of which, hear this thou age unbred:
Ere you were born was beauty's summer dead.

Мой друг, ты не стареешь для меня,
Хоть миновали целых три зимы
С того обворожительного дня,
Когда навеки повстречались мы.
Но трижды лето минуло с тех пор;
В лесах осенний пламенел мятеж.
И убедился мой влюблённый взор:
Кто зелен был, тот и сегодня свеж.
Пусть солнечные не спешат часы,
Идут они, проходят всё равно,
И убыль упоительной красоты,
Быть может, мне заметить не дано.
Пусть было лето красоты мертво,
Но только до рожденья твоего.

Sonnet CV

LET not my love be called idolatry,
Nor my beloved as an idol show,
Since all alike my songs and praises be
To one, of one, still such, and ever so.
Kind is my love to-day, to-morrow kind,
Still constant in a wondrous excellence;
Therefore my verse to constancy confined,
One thing expressing, leaves out difference.
Fair, kind, and true, is all my argument,
Fair, kind, and true, varying to other words;
And in this change is my invention spent,
Three themes in one, which wondrous scope affords.
Fair, kind, and true, have often lived alone,
Which three till now, never kept seat in one.

Не идолопоклонник я, о нет!
Звать идолом любовь мою грешно.
Один и тот же я пою предмет,
И драгоценно для меня одно.
Ты добр сегодня, как ты был вчера,
Как будешь завтра, и в стихе моём
Лишь постоянство твоего добра,
Присущее мне лишь с тобой вдвоём.
«Красив, и добр, и верен», – весь мой сказ.
«Красив, и добр, и верен», – ты прости.
Составить не могу изящней фраз.
Не знаю, что ещё изобрестьи.
Красив, и добр, и верен ты один,
В единственном лице мой господин.

Sonnet CVI

WHEN in the chronicle of wasted time
I see descriptions of the fairest wights,
And beauty making beautiful old rhyme,
In praise of ladies dead and lovely knights,
Then, in the blazon of sweet beauty's best,
Of hand, of foot, of lip, of eye, of brow,
I see their antique pen would have express'd
Even such a beauty as you master now.
So all their praises are but prophecies
Of this our time, all you prefiguring;
And for they looked but with divining eyes,
They had not skill enough your worth to sing:
For we, which now behold these present days,
Have eyes to wonder, but lack tongues to praise.

Когда я в хрониках прошедших лет
Читаю, глядя вслед былым годам,
В каких изящных рифмах был воспет
Сонм рыцарей и ненаглядных дам,
Лишь твой прообраз в них я узнаю,
Уста твои, глаза, чело и бровь;
Пером старинным красоту твою
Поэты рисовали вновь и вновь.
Пророческий тогда был взор и стих.
Они тебя провидели вдали,
Но прелестей невиданных твоих
Воспеть как подобает не могли.
Ты на глазах у нас, у горемык,
Но где же взять нам для хвалы язык?

Sonnet CVII

NOT mine own fears, nor the prophetic soul
Of the wide world dreaming on things to come,
Can yet the lease of my true love control,
Supposed as forfeit to a confined doom.
The mortal moon hath her eclipse endured,
And the sad augurs mock their own presage;
Incertainties now crown themselves assured,
And peace proclaims olives of endless age.
Now with the drops of this most balmy time,
My love looks fresh, and Death to me subscribes,
Since, spite of him, I'll live in this poor rhyme,
While he insults o'er dull and speechless tribes:
And thou in this shalt find thy monument,
When tyrants' crests and tombs of brass are spent.

Ни мировая чуткая душа,
Ни мысль моя среди моих тревог
Не защитят, предчувствием страха,
Любовь мою, судьбы моей залог.
Затмение претерпеть луне дано,
Смешат авгуры предсказания смут,
Неясное теперь прояснено.
Оливы мира без конца растут.
Для ран любовных время – эликсир,
И, кажется, мне смерть подчинена;
И я в моих стихах бессмертно сир,
Безграмотные вымрут племена.
 Моим стихам неведом этот риск.
 Другой тебе не нужен обелиск.

Sonnet CVIII

WHAT'S in the brain, that ink may character,
Which hath not figured to thee my true spirit?
What's new to speak, what now to register,
That may express my love, or thy dear merit?
Nothing, sweet boy; but yet, like prayers divine,
I must each day say o'er the very same;
Counting no old thing old, thou mine, I thine,
Even as when first I hallowed thy fair name.
So that eternal love in love's fresh case,
Weighs not the dust and injury of age,
Nor gives to necessary wrinkles place,
But makes antiquity for aye his page;
 Finding the first conceit of love there bred,
 Where time and outward form would show it dead.

Твой признак не таится ли в мозгу
Моём, пока чернилам неизвестный,
И я дополнить разве не могу
Твоих достоинств перечень прелестный?
Всё сказано, мой милый мальчик, да,
Благословенным именем твоим.
Я твой, ты мой, надеюсь, навсегда,
С тех пор как мы друг другом дорожим.
Любовь не устрашится годовщин.
Пусть возраст начеку, ревнивый страж;
Пленительной любви не до морщин,
И время для неё – всего лишь паж.
 Пускай любовь порой мертва на вид,
 Её и смерть сама не умертвит.

Sonnet CIX

O! NEVER say that I was false of heart,
Though absence seem'd my flame to qualify,
As easy might I from my self depart
As from my soul which in thy breast doth lie:
That is my home of love: if I have ranged,
Like him that travels, I return again:
Just to the time, not with the time exchanged,
So that myself bring water for my stain.
Never believe though in my nature reigned,
All frailties that besiege all kinds of blood,
That it could so preposterously be stained,
To leave for nothing all thy sum of good;
For nothing this wide universe I call,
Save thou, my rose, in it thou art my all.

Опалой моему огню грозя,
Меня ты за измену не суди.
Мне бросить самого себя нельзя,
Когда моя душа в твоей груди.
Вот милый дом любви моей, куда
Вернусь я, будучи в пути давно.
Всегда со мною чистая вода,
Чтоб смыть с меня позорное пятно.
Пускай в моей крови грехи кипят,
Пусть в каждой капле множится порок,
Они меня едва ли ослепят
Настолько, чтоб я лучшим пренебрёт.
Весь мир – ничто. Морочит он, дразня.
Ты роза. Всё ты в мире для меня.

Sonnet CX

ALAS! 'tis true, I have gone here and there,
And made my self a motley to the view,
Gored mine own thoughts, sold cheap what is most dear,
Made old offences of affections new;
Most true it is, that I have looked on truth
Askance and strangely; but, by all above,
These blenches gave my heart another youth,
And worse essays proved thee my best of love.
Now all is done, have what shall have no end:
Mine appetite I never more will grind
On newer proof, to try an older friend,
A god in love, to whom I am confined.
Then give me welcome, next my heaven the best,
Even to thy pure and most most loving breast.

Не скрою: выходил я на базар,
Где шутовским нарядом щеголял
И, превращая мысль мою в товар,
Былое новой страстью оскорблял.
Не скрою: я смотрел на правду вкось,
В дурных соблазнах молодость губя,
Но выбелить мне сердце довелось:
Обрёл я в худшем лучшее – тебя.
Не нужно больше гибельных потуг,
Желание моё утолено;
Раз навсегда испытан верный друг,
Бог любящий, и с ним я заодно.
Приветь меня, ты скорбь мою развей,
И я на небе, на груди твоей.

Sonnet CXI

O! for my sake do you with Fortune chide,
The guilty goddess of my harmful deeds,
That did not better for my life provide
Than public means which public manners breeds.
Thence comes it that my name receives a brand,
And almost thence my nature is subdued
To what it works in, like the dyer's hand:
Pity me, then, and wish I were renewed;
Whilst, like a willing patient, I will drink
Potions of eisel 'gainst my strong infection;
No bitterness that I will bitter think,
Nor double penance, to correct correction.
Pity me then, dear friend, and I assure ye,
Even that your pity is enough to cure me.

Не горше ли тебе день ото дня
Фортуны клясть, чей произвол слепой
Обрек злосчастной участи меня:
Заискивать пред суетной толпой?
Я площадным запятнан ремеслом.
Красильщик не отмост рук никак.
Сторонятся меня – и поделом.
Исправь меня, когда ты мне не враг.
Готов по указанью твоему
Я пить лекарство от заразы злейшей.
Горчайшее за сладкое приму,
Покаявшись в погрешности малейшей.
Ты пожалей меня в моём разоре –
И жалостью моё излечишь горе.

Sonnet CXII

YOUR love and pity doth the impression fill,
Which vulgar scandal stamped upon my brow;
For what care I who calls me well or ill,
So you o'er-green my bad, my good allow?
You are my all-the-world, and I must strive
To know my shames and praises from your tongue;
None else to me, nor I to none alive,
That my steeled sense or changes right or wrong.
In so profound abysm I throw all care
Of others' voices, that my adder's sense
To critic and to flatterer stopped are.
Mark how with my neglect I do dispense:
 You are so strongly in my purpose bred,
 That all the world besides methinks y'are dead.

Твоя ли нежность, как твоя любовь,
Постыдный на челе моём рубец
Врачует, возлагая мне на бровь
Затмивший зелень зеленыю венец?
Ты для меня весь мир. В устах твоих
Позор мой и восторг; ты близь, ты даль;
Не хочет знать поэтому других
Моя душа, закованная в сталь.
Я в бездну бросил всё, в конце концов;
Я перестал угадывать гадюк
В обличье критиканов и льстецов;
Мне остаёшься только ты, мой друг.
 Так, торжествуя лишь в тебе одном,
 Лишь смерть я вижу в мире остальном.

Sonnet CXIII

SINCE I left you, mine eye is in my mind;
And that which governs me to go about
Doth part his function and is partly blind,
Seems seeing, but effectually is out;
For it no form delivers to the heart
Of bird, of flower, or shape which it doth latch:
Of his quick objects hath the mind no part,
Nor his own vision holds what it doth catch;
For if it see the rud'st or gentlest sight,
The most sweet favour or deformed'st creature,
The mountain or the sea, the day or night,
The crow, or dove, it shapes them to your feature.
Incapable of more, replete with you,
My most true mind thus maketh mine eye untrue.

Т
ЕБЯ не видя, глаз вселился мой
В мой дух, а это не сулит удач;
Свет путаю с обманчивою тьмой.
Я зрячий лишь на вид, а сам не зряч.
И в сердце внешним формам нет пути,
Ни молнии, ни птице, ни цветку;
Туда же, где виденье взаперти,
Предметов быстрых я не завлеку.
Мне видится твоя в прекрасном тень;
С ней образы меняются местами;
Ворона и голубка, ночь и день,
Твоими всё становится чертами.
Я мира без тебя не восприму;
Мой верный глаз неверен потому.

Sonnet CXIV

OR whether doth my mind, being crowned with you,
Drink up the monarch's plague, this flattery?
Or whether shall I say, mine eye saith true,
And that your love taught it this alchemy,
To make of monsters and things indigest
Such cherubins as your sweet self resemble,
Creating every bad a perfect best,
As fast as objects to his beams assemble?
O! 'tis the first, 'tis flattery in my seeing,
And my great mind most kingly drinks it up:
Mine eye well knows what with his gust is "greeing,
And to his palate doth prepare the cup:
If it be poisoned, 'tis the lesser sin
That mine eye loves it and doth first begin.

Что если я монарх, и потому,
Что коронован я тобой, мне льстят,
И выдаёт за свет ночную тьму
Алхимия твоя, являя ряд
Своих исчадий, чудищ и чудес
И херувимов, чей прообраз ты,
Превознося дурное до небес,
Едва придав ему твои черты.
Так духу льстит угодливое зренье,
Сомнительных ревнительница уз,
И в чаше предлагает уверенье
В том, что целебно сладкое на вкус.
Отрава – меньший грех на этот раз,
Чем совращенье упоённых глаз.

Sonnet CXV

THOSE lines that I before have writ do lie,
Even those that said I could not love you dearer:
Yet then my judgment knew no reason why
My most full flame should afterwards burn clearer.
But reckoning Time, whose million'd accidents
Creep in "twixt vows, and change decrees of kings,
Tan sacred beauty, blunt the sharp'st intents,
Divert strong minds to the course of altering things;
Alas! why, fearing of Time's tyranny,
Might I not then say, "Now I love you best,"
When I was certain o'er uncertainty,
Crowning the present, doubting of the rest?
Love is a babe, then might I not say so,
To give full growth to that which still doth grow?

Писал я, за стихом слагая стих,
Что пламенеть мне ярче невозможно,
Как будто я любил от сих до сих,
Но признаюсь: то, что писал я, ложно.
Поскольку прихоть времени в тщету
Ввергает повеленья королей,
Мысль притушляя, сушит красоту,
И сильный ум прельщён игрой ролей.
Как мог я новых от любви щедрот
Ждать, если рушит время времена
И ненадёжным обнадёжен тот,
Кому лишь безнадёжность суждена?
Одно из двух: любовь уже прошла
Или она пока ещё мала.

Sonnet CXVI

LET me not to the marriage of true minds
Admit impediments. Love is not love
Which alters when it alteration finds,
Or bends with the remover to remove:
O, no! it is an ever-fixed mark,
That looks on tempests and is never shaken;
It is the star to every wandering bark,
Whose worth's unknown, although his height be taken.
Love's not Time's fool, though rosy lips and cheeks
Within his bending sickle's compass come;
Love alters not with his brief hours and weeks,
But bears it out even to the edge of doom.
If this be error and upon me proved,
I never writ, nor no man ever loved.

Пусть два духа верных вступят в брак,
Любовь любовью не была бы, нет,
Менясь, как меняться может знак
Среди других изменчивых примет.
Но если я сказал, что я люблю,
За годом год любовь – одна и та же
Звезда, сияющая кораблю,
Непостижимо верная на страже.
Любовью Время пробует играть,
Тускнеет с каждым часом цвет ланит;
Сердцу Времени готов нас покарать,
А любящий любовь свою хранит.
 А если всё, что написал я, бред,
 То никакой любви на свете нет.

Sonnet CXVII

ACCUSE me thus: that I have scanted all,
Wherein I should your great deserts repay,
Forgot upon your dearest love to call,
Whereto all bonds do tie me day by day;
That I have frequent been with unknown minds,
And given to time your own dear-purchased right;
That I have hoisted sail to all the winds
Which should transport me farthest from your sight.
Book both my wilfulness and errors down,
And on just proof surmise accumulate;
Bring me within the level of your frown,
But shoot not at me in your waken'd hate;
 Since my appeal says I did strive to prove
 The constancy and virtue of your love.

Вполне уместен горький твой укор,
Когда и вправду виноват я в том,
Что не ценил достоинств до сих пор
Твоих я в самомнении пустом.
Безвестные умы меня влекли,
И я тобой готов был пренебречь,
Подъемя паруса, чтобы вдали
Искать заманчивых, опасных встреч.
Зачти в негодовании твоём
Все выходки мне, все грехи подряд,
Но только не гони за окоём,
В котором твой мне виден гневный взгляд,
И если причинил тебе я боль,
Мне испытать любовь твою позволь.

Sonnet CXVIII

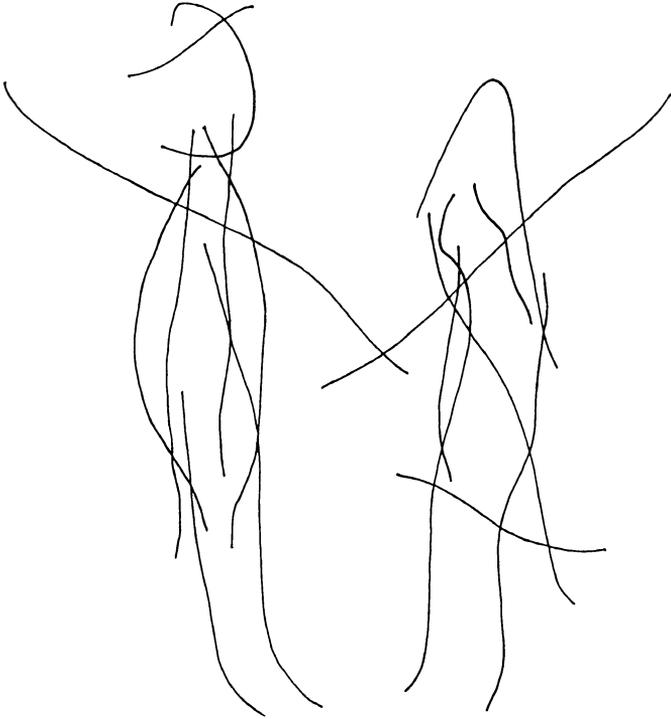
LIKE as, to make our appetite more keen,
With eager compounds we our palate urge;
As, to prevent our maladies unseen,
We sicken to shun sickness when we purge;
Even so, being full of your ne'er-cloying sweetness,
To bitter sauces did I frame my feeding;
And, sick of welfare, found a kind of meetness
To be diseased, ere that there was true needing.
Thus policy in love, to anticipate
The ills that were not, grew to faults assur'd,
And brought to medicine a healthful state
Which, rank of goodness, would by ill be cur'd;
But thence I learn and find the lesson true,
Drugs poison him that so fell sick of you.

Как пища нам привычная претит
И пряности для вкуса нам нужны,
Как после свой чрезмерный аппетит
Мы врачевать слабительным должны,
Так, не пресыщен сладостью твоею,
К любви готовлю горькую приправу,
Нарочно в добром здравии болею,
Уверившись, что я лечусь на славу.
Ведёт любовь политику свою,
И я себя больным, пока здоров,
Порою дальновидно признаю,
Чтоб не лишиться всех её даров.
Урок вернейший в этом, говорят:
Когда любовь – болезнь, лекарство – яд.

Sonnet CXIX

WHAT potions have I drunk of Siren tears,
Distilled from limbecks foul as hell within,
Applying fears to hopes, and hopes to fears,
Still losing when I saw myself to win!
What wretched errors hath my heart committed,
Whilst it hath thought itself so blessed never!
How have mine eyes out of their spheres been fitted,
In the distraction of this madding fever!
O benefit of ill! now I find true
That better is by evil still made better;
And ruined love, when it is built anew,
Grows fairer than at first, more strong, far greater.
 So I return rebuked to my content,
 And gain by ill thrice more than I have spent.

4

В слезах сирен таился эликсир,
Произведённый взгонкою в аду,
Чтобы я пил его, справляя пир,
Где, выиграв, я проигрыша жду.
Себя счастливым я неосторожно
Считал в душе, таким подвержен чарам,
Что быть глазам в глазницах невозможно:
Выпрыгивают, мучимые жаром.
О зло! С тобой источник благ един,
Горчайшее способствует надежде;
Так, заново восстала из руин
Любовь моя прекраснее, чем прежде.
 В моей болезни горестный упрёк
 Тройное счастье на меня навлёк.

Sonnet CXX

THAT you were once unkind befriends me now,
And for that sorrow, which I then did feel,
Needs must I under my transgression bow,
Unless my nerves were brass or hammer'd steel.
For if you were by my unkindness shaken,
As I by yours, you've passed a hell of time;
And I, a tyrant, have no leisure taken
To weigh how once I suffered in your crime.
O! that our night of woe might have remembered
My deepest sense, how hard true sorrow hits,
And soon to you, as you to me, then tendered
The humble salve, which wounded bosoms fits!
But that your trespass now becomes a fee;
Mine ransoms yours, and yours must ransom me.

З апятнанный проступками шальными,
Введённый в заблуждение судьбой,
Не хвастаюсь я нервами стальными
Под бременем вины перед тобой.
Пусть нанести посмел тебе я рану,
Напомнить и в аду тебе позволь,
Как тяжело терять покой тирану,
Как больно причиняющему боль.
Ночь нашего взаимного страдания
Попробуй вспомни, но смотри не сглазь
Врачующего самообладанья,
Для наших ран готовящего мазь.
 Друг друга мы заставили страдать.
 Для нас обоих в этом благодать.

Sonnet CXXI

'T IS better to be vile than vile esteemed,
When not to be receives reproach of being;
And the just pleasure lost, which is so deemed
Not by our feeling, but by others' seeing:
For why should others' false adulterate eyes
Give salutation to my sportive blood?
Or on my frailties why are frailer spies,
Which in their wills count bad what I think good?
No, I am that I am, and they that level
At my abuses reckon up their own:
I may be straight though they themselves be bevel;
By their rank thoughts, my deeds must not be shown:
Unless this general evil they maintain,
All men are bad and in their badness reign.

Слух о пороке хуже, чем порок.
Не лучше ли не быть, чем лишь казаться?
В чужих глазах и радость – лишь предлог,
Я предпочту по-своему терзаться.
Но почему чужой дерзает глаз
Судить, что хорошо во мне, что дурно?
Мой соглядатай сам не без проказ,
А кровь моя играет слишком бурно.
Но я емь только я, никто иной,
А сколько их, клеймить меня охочих
И попрекать своею кривизной,
Хоть я прямой в отличие от прочих.
 Всёобщее в них торжествует зло.
 Ко власти на земле оно пришло.

Sonnet CXXII

THY gift, thy tables, are within my brain
Full charactered with lasting memory;
Which shall above that idle rank remain,
Beyond all date, even to eternity:
Or, at the least, so long as brain and heart
Have faculty by nature to subsist:
Till each to razed oblivion yield his part
Of thee, thy record never can be missed.
That poor retention could not so much hold,
Nor need I tallies thy dear love to score:
Therefore to give them from me was I bold,
To trust those tables that receive thee more:
To keep an adjunct to remember thee
Were to import forgetfulness in me.

Твой дар, твои скрижали – у меня
В мозгу воспоминания, чей срок
Продлится, незабвенное храня,
И увенчает вечностью итог.
Пока природе противостоят
Мой мозг и сердце, образ твой тая,
Ты вне всесокрушающих утрат,
И память не изгладится твоя.
Нет, метки не нужны любви моей,
Бег времени без них не удержишь,
Но, думаю, любовь моя целей,
Когда скрижальям вверюсь я твоим.
 Подспорье нашей памяти во вред,
 Забвение за ним приходит вслед.

Sonnet CXXIII

NO, Time, thou shalt not boast that I do change:
Thy pyramids built up with newer might
To me are nothing novel, nothing strange;
They are but dressings of a former sight.
Our dates are brief, and therefore we admire
What thou dost foist upon us that is old;
And rather make them born to our desire
Than think that we before have heard them told.
Thy registers and thee I both defy,
Not wondering at the present nor the past,
For thy records and what we see doth lie,
Made more or less by thy continual haste.
 This I do vow and this shall ever be;
 I will be true despite thy scythe and thee.

И^зменчивостью, время, не кори
Меня ты, страж великих пирамид,
Где древние спят мёртвым сном цари:
Былая новизна меняет вид.
При жизни краткой восхищают нас
Подделки времени под старину,
Которые рождаются что ни час,
Чтоб надоест, едва на них взгляну.
О Время! Мы твои анналы чтим,
Где с будущим былое заодно.
Бросаю вызов хроникам твоим,
Чьи даты опровергнуты давно.
 Как ни грозишь ты нынешнему дню,
 Не изменюсь я и не изменю.

Sonnet CXXIV

IF my dear love were but the child of state,
It might for Fortune's bastard be unfathered,
As subject to Time's love or to Time's hate,
Weeds among weeds, or flowers with flowers gathered.
No, it was builded far from accident;
It suffers not in smiling pomp, nor falls
Under the blow of thrall'd discontent,
Whereto th' inviting time our fashion calls:
It fears not policy, that heretic,
Which works on leases of short-number'd hours,
But all alone stands hugely politic,
That it nor grows with heat, nor drowns with showers.
To this I witness call the fools of time,
Which die for goodness, who have lived for crime.

Законное дитя или бастард –
Любовь моя, когда на этом свете
Её зачали Время и Азарт:
Сорняк она или цветок в букете?
Любви создать не может случай, нет.
Смеющаяся роскошь не страшна
Моей любви, которой не во вред
Играющие миром времена.
Политика, известный еретик,
Предоставляет временный кредит.
Любовь моя, однако, вне интриг:
Ни жар, ни холод ей не повредит.
А у кого преступная игра,
Тот предаётся злу, страшась добра.

Sonnet CXXV

WERE'T aught to me I bore the canopy,
With my extern the outward honouring,
Or laid great bases for eternity,
Which proves more short than waste or ruining?
Have I not seen dwellers on form and favour
Lose all and more by paying too much rent
For compound sweet, forgoing simple savour,
Pitiful thrivers, in their gazing spent?
No; let me be obsequious in thy heart,
And take thou my oblation, poor but free,
Which is not mixed with seconds, knows no art,
But mutual render, only me for thee.
Hence, thou suborned informer! a true soul
When most impeached stands least in thy control.

По-моему, не нужен балдахин
Величью на изменчивой земле,
Где вечность – лишь скопление руин,
Виднеющихся в прахе и в золе.
Не я ли видел мнимые победы,
Из-за которых нёс потери трус,
Как на пирах теряют привереды
Из-за приправ к здоровым яствам вкус?
Изволь меня ты сердцем причастить!
Даров святых, но бедных, не таю,
Чтобы тебя искусством не прельстить,
А жертву принести тебе мою.
Напрасно мнит лукавый клеветник,
Что взглядом в душу верную проник.

Sonnet CXXVI

O THOU, my lovely boy, who in thy power
Dost hold Time's fickle glass, his sickle, hour;
Who hast by waning grown, and therein showest
Thy lovers withering, as thy sweet self growest.
If Nature, sovereign mistress over wrack,
As thou goest onwards still will pluck thee back,
She keeps thee to this purpose, that her skill
May time disgrace and wretched minutes kill.
Yet fear her, O thou minion of her pleasure!
She may detain, but not still keep, her treasure:
Her audit (though delayed) answered must be,
And her quietus is to render thee.

Ты, милый мальчик, нам сулишь ущерб,
К часам песочным приравняв свой серп,
Ты вырастаешь, нашу жизнь губя,
И блёкнут все, влюблённые в тебя.
Природа, госпожа процветших чад,
Отбрасывает и тебя назад,
Тебе вверя беспощадный труд,
Чтобы ты был убийцею минут.
Тебя, хотя ты слыл её любимцем,
Она сочтёт когда-нибудь мздоимцем.
Счета проверит, подведёт итог,
И для тебя наступит эпилог.

Sonnet CXXVII

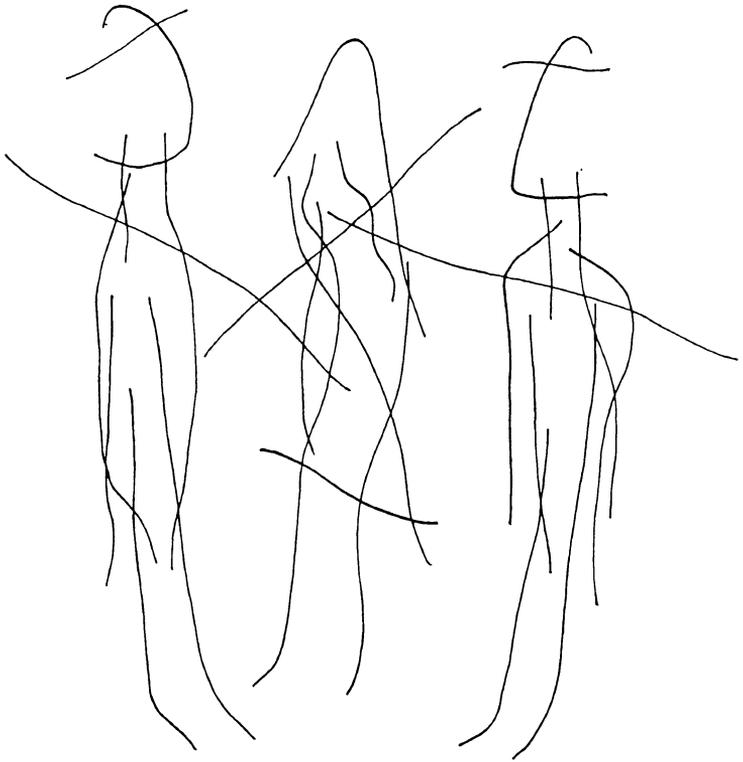
IN the old age black was not counted fair,
Or if it were, it bore not beauty's name;
But now is black beauty's successive heir,
And beauty slandered with a bastard shame:
For since each hand hath put on Nature's power,
Fairing the foul with Art's false borrowed face,
Sweet beauty hath no name, no holy bower,
But is profaned, if not lives in disgrace.
Therefore my mistress' eyes are raven black,
Her eyes so suited, and they mourners seem
At such who, not born fair, no beauty lack,
Sland'ring creation with a false esteem:
Yet so they mourn becoming of their woe,
That every tongue says beauty should look so.

СВЕТ не казался чёрным в старину,
Была доселе красота светла,
А нынче за какую же вину
Чернит её наследницу хула?
Умелая рука с природой в споре
Лицом поддельным дразнит наяву,
А красота в своём немом позоре
Не ведаст, где преклонить главу.
Так вороновым сумрачным крылом
Окрашены и брови, и волосы,
Омрачены печалью о былом
Глаза моей возлюбленной красы.
И злых никто не слышит языков,
Все говорят: цвет красоты таков.

Sonnet CXXVIII

HOW oft when thou, my music, music play'st,
Upon that blessed wood whose motion sounds
With thy sweet fingers when thou gently sway'st
The wiry concord that mine ear confounds,
Do I envy those jacks that nimble leap,
To kiss the tender inward of thy hand,
Whilst my poor lips which should that harvest reap,
At the wood's boldness by thee blushing stand!
To be so tickled, they would change their state
And situation with those dancing chips,
O'er whom thy fingers walk with gentle gait,
Making dead wood more bless'd than living lips.
 Since saucy jacks so happy are in this,
 Give them thy fingers, me thy lips to kiss.

~~Handwritten scribble~~

Когда летящим наперегонки,
О музыка моя, перстам твоим
Так нежно вторят гаммы-позвонки,
Звук в дереве, которым слух томим,
Завидую счастливым позвонкам;
Для них твоя желанная рука,
Для дерева, способного к прыжкам,
От губ моих запретно далека.
Мои бы губы вместо этих щеп
Танцующих вкусили торжество.
Суди сама: не глух я и не слеп,
Живёхонек, а дерево мертво.
 Что деревяшки! Хватит с них нерста,
 А мне твои бы целовать уста!

Sonnet CXXIX

THE expense of spirit in a waste of shame
Is lust in action: and till action, lust
Is perjured, murderous, bloody, full of blame,
Savage, extreme, rude, cruel, not to trust;
Enjoyed no sooner but despised straight;
Past reason hunted; and no sooner had,
Past reason hated, as a swallowed bait,
On purpose laid to make the taker mad.
Mad in pursuit and in possession so;
Had, having, and in quest to have extreme;
A bliss in proof, and proved, a very woe;
Before, a joy proposed; behind a dream.
All this the world well knows; yet none knows well
To shun the heaven that leads men to this hell.

44

Дух, расточаемый ценой стыда, –
Вот страсть в разгаре, и дотоле страсть –
Предательство, мучительство, вражда,
Смятенье, буйство, пагубная власть.
Еще не радость, но уже позор;
Охотиться заставит, а сама
Отравит правоте наперекор
Наживкою, сводящею с ума.
С ума сведет в погоне, проведет,
Нарушив обладанием запрет;
Лишь тень блаженства там, где тьма тенет,
Сокровищем прикинувшийся бред.
Всё это знают все, но кто не рад
Подобным небесам, ведущим в ад!

Sonnet CXXX

MY mistress' eyes are nothing like the sun:
Coral is far more red, than her lips red:
If snow be white, why then her breasts are dun;
If hairs be wires, black wires grow on her head.
I have seen roses damasked, red and white,
But no such roses see I in her cheeks;
And in some perfumes is there more delight
Than in the breath that from my mistress reeks.
I love to hear her speak, yet well I know
That music hath a far more pleasing sound:
I grant I never saw a goddess go,
My mistress, when she walks, treads on the ground:
And yet by heaven, I think my love as rare,
As any she belied with false compare.

Не солнце, нет, моей любимой взор,
Кораллы краше губ, не верь молве;
Грудь у нее тусклее снежных гор,
Чернеют завитки на голове.
Хоть розами весенний сад богат,
Ее ланитам роскошь роз чужда;
У ней в устах не только аромат,
Примешан тлен к дыханию всегда.
Отрадой нежный голос мне звучал,
Однако благовзвучнее струна;
Я признаюсь: богинь я не встречал,
А милой почва твердая нужна.
Напыщенностью лживой бредит свет,
А для моей любви сравнений нет.

Sonnet CXXXI

THOU art as tyrannous, so as thou art,
As those whose beauties proudly make them cruel;
For well thou know'st to my dear dotting heart
Thou art the fairest and most precious jewel.
Yet, in good faith, some say that thee behold,
Thy face hath not the power to make love groan;
To say they err I dare not be so bold,
Although I swear it to myself alone.
And to be sure that is not false I swear,
A thousand groans, but thinking on thy face,
One on another's neck, do witness bear
Thy black is fairest in my judgment's place.
In nothing art thou black save in thy deeds,
And thence this slander, as I think, proceeds.

Тиранствуешь, покорного дразня
То шуткою жестокой, то приказом
Лишь потому, что только у меня
Ты блещешь в сердце редкостным алмазом.
Но, говорят, не столь ты хороша,
Чтобы влюблённый мучился, скорбя
И сердце день за днём себе круша,
Как я теперь томлюсь из-за тебя.
Так, мучаясь по собственной вине,
Опровергать я не дерзну молву,
Но в чёрном красота сияет мне,
И потому я светом тьму зову.
 Но у твоих деяний чёрный цвет,
 И в этом подтверждение клевет.

Sonnet CXXXII

THINE eyes I love, and they, as pitying me,
Knowing thy heart torments me with disdain,
Have put on black and loving mourners be,
Looking with pretty ruth upon my pain.
And truly not the morning sun of heaven
Better becomes the grey cheeks of the east,
Nor that full star that ushers in the even,
Doth half that glory to the sober west,
As those two mourning eyes become thy face:
O! let it then as well beseem thy heart
To mourn for me since mourning doth thee grace,
And suit thy pity like in every part.
Then will I swear beauty herself is black,
And all they foul that thy complexion lack.

Как дорог мне в глазах твоих намёк
На жалость; не в твоём ли сердце гнев
Чернейшей тьмой глаза твои облёк,
За скорбь мою меня же пожалев?
Не так идёт лицу востока в сером
Луч солнца, золотящий склоны гор,
Не так идёт звезда небесным сферам,
Чей луч приветный на закате скор,
Как скорбь моя бы сердцу твоему
Пошла, как мрак твоим глазам идёт,
Когда бы сострадательную тьму
Ты мне предназначала в мой черёд.
И подтвердить я мог бы неспроста:
Клянусь, что только в чёрном красота!

Sonnet CXXXIII

BESHREW that heart that makes my heart to groan
For that deep wound it gives my friend and me!
Is't not enough to torture me alone,
But slave to slavery my sweet'st friend must be?
Me from myself thy cruel eye hath taken,
And my next self thou harder hast engrossed:
Of him, myself, and thee I am forsaken;
A torment thrice three-fold thus to be crossed.
Prison my heart in thy steel bosom's ward,
But then my friend's heart let my poor heart bail:
Whoe'er keeps me, let my heart be his guard;
Thou canst not then use rigour in my jail:
 And yet thou wilt; for I, being pent in thee,
 Perforce am thine, and all that is in me.

Проклятье сердцу, ранившему нас
Обоих, так что мучит нас недуг,
И не один скорблю я что ни час,
Со мною в рабстве мой сладчайший друг;
На волю рваться – тщетная потуга.
Твоим жестоким взором сокрушён,
Тебя и самого себя и друга,
Казнённый трижды, я тобой лишён.
Я заключён в твоей стальной груди.
Мой друг со мной, пусть сердцем я убог,
Ты хоть его от мук освободи,
А сердце ты оставь моё в залог.
 Но ты моя тюрьма, стена к стене;
 Я твой, он твой, как всё, что есть во мне.

Sonnet CXXXIV

SO now I have confessed that he is thine,
And I my self am mortgaged to thy will,
Myself I'll forfeit, so that other mine
Thou wilt restore to be my comfort still:
But thou wilt not, nor he will not be free,
For thou art covetous, and he is kind;
He learned but surety-like to write for me,
Under that bond that him as fast doth bind.
The statute of thy beauty thou wilt take,
Thou usurer, that put'st forth all to use,
And sue a friend came debtor for my sake;
So him I lose through my unkind abuse.
Him have I lost; thou hast both him and me:
He pays the whole, and yet am I not free.

Его твоим признать мне суждено,
И предаюсь я сам тебе в заклад,
Поскольку в жизни он и я – одно:
Освободить его я был бы рад.
Присвоила его твоя алчба,
И он тебе принадлежать не прочь
Хоть в качестве последнего раба
Не для того ли, чтобы мне помочь?
Но красота – твой губительный статут.
Не даришь ничего, даёшь ты в рост;
Кто на тебя подать намерен в суд,
Тот проиграет, безнадёжно прост.
Итак, мой друг тобою одержим,
И оба мы тебе принадлежим.

Sonnet CXXXV

W H O E V E R hath her wish, thou hast thy Will,
And Will to boot, and Will in over-plus;
More than enough am I that vexed thee still,
To thy sweet will making addition thus.
Wilt thou, whose will is large and spacious,
Not once vouchsafe to hide my will in thine?
Shall will in others seem right gracious,
And in my will no fair acceptance shine?
The sea, all water, yet receives rain still,
And in abundance addeth to his store;
So thou, being rich in Will, add to thy Will
One will of mine, to make thy large will more.
Let no unkind, no fair beseechers kill;
Think all but one, and me in that one Will.

Средь разных волей твоих зовусь я «Виль».
Свою как хочешь волю позабавь,
Но невзначай меня не пересиль,
Нет, к воле ты своей меня прибавь!
Неужто воля так твоя тесна,
Что Виллю в эту волю ходу нет?
Неужто так она заселена,
Что нежный твой не для меня привет?
Вбирает море гладью зыбких миль
До капли влагу брызжущих дождей.
А для тебя неужто лишний Виль,
И брезгуешь ты волею моей?
Ты пощади мой алчущий фитиль.
Среди других пускай мерцает Виль.

Sonnet CXXXVI

IF thy soul check thee that I come so near,
Swear to thy blind soul that I was thy Will,
And will, thy soul knows, is admitted there;
Thus far for love, my love-suit, sweet, fulfil.
Will, will fulfil the treasure of thy love,
Ay, fill it full with wills, and my will one.
In things of great receipt with ease we prove
Among a number one is reckoned none:
Then in the number let me pass untold,
Though in thy store's account I one must be;
For nothing hold me, so it please thee hold
That nothing me, a something sweet to thee:
 Make but my name thy love, and love that still,
 And then thou lovest me for my name is "Will."

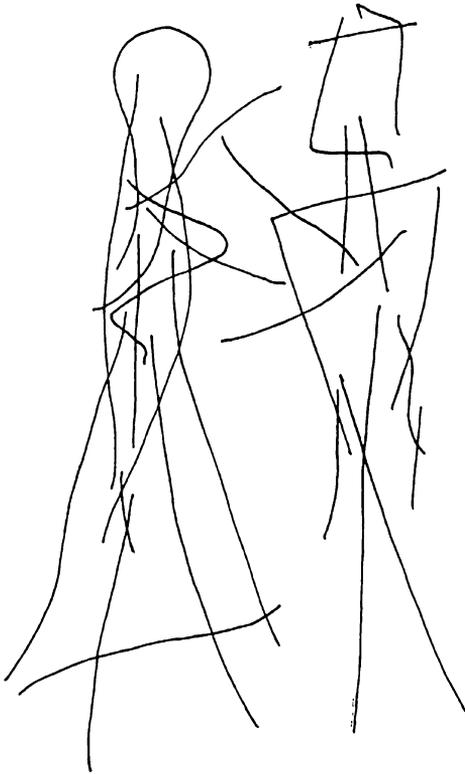

Когда меня ты хочешь отогнать,
Как прочую светящуюся пыль,
Слепой твоей душе пора бы знать:
Твоею волей мог бы стать я, Виль.
Но воля не едина у тебя.
В извилинах твоих оставив след,
Я, Виль, не увильну, в глазах рябя:
А вдруг без Виля вовсе воли нет?
Незванный и неназванный примкну
К твоим желаньям, чтобы приняла
Ты волю на себя ещё одну,
Как будто бы она тебе мила.

Быть может, вспомнишь ты потом, как быль:
Любила ты меня за имя «Виль».

Sonnet CXXXVII

THOU blind fool, Love, what dost thou to mine eyes,
That they behold, and see not what they see?
They know what beauty is, see where it lies,
Yet what the best is take the worst to be.
If eyes, corrupt by over-partial looks,
Be anchored in the bay where all men ride,
Why of eyes' falsehood hast thou forged hooks,
Whereto the judgment of my heart is tied?
Why should my heart think that a several plot,
Which my heart knows the wide world's common place?
Or mine eyes, seeing this, say this is not,
To put fair truth upon so foul a face?
In things right true my heart and eyes have erred,
And to this false plague are they now transferred.

Ap

Любовь, слепая дура! Ты для глаз
Не порча ли? Зачем тебя я чту?
В твоём я наваждении погряз,
Хотя, бывало, видел красоту.
А если порченный мой глаз – крючок,
Чтобы меня же, грешного, судить,
Не я ли жадно клюнул, дурачок,
Всем сердцем, разучившимся судить?
Поверить заговорщикам-глазам,
Как будто бы хорошее в плохом,
Прельщаться сердцу разве же не срам
Чертами, искажёнными грехом?
 Так заблужденье мучает меня,
 Болезнью заразительной казня.

Sonnet CXXXVIII

WHEN my love swears that she is made of truth,
I do believe her though I know she lies,
That she might think me some untutored youth,
Unlearned in the world's false subtleties.
Thus vainly thinking that she thinks me young,
Although she knows my days are past the best,
Simply I credit her false-speaking tongue:
On both sides thus is simple truth suppressed:
But wherefore says she not she is unjust?
And wherefore say not I that I am old?
O! love's best habit is in seeming trust,
And age in love, loves not to have years told:
Therefore I lie with her, and she with me,
And in our faults by lies we flattered be.

Любовь моя клянётся, что она
Правдивая, вся до корней волос.
Я верю ей, хоть ложь её видна.
Так мог бы верить лишь молокосос.
Заворожённый лживым языком,
Я, весь во власти прихотливых чар,
Себя упорно убеждаю в том,
Что мне она не лжёт и я не стар,
Что ж правду мне она не говорит,
Когда кружит мне голову мечта?
Всегда любовь правдива лишь на вид,
Влюблённый рад забыть свои лета.
С ней лгу я сам, как лжёт она со мной,
И оба польщены такой ценой.

Sonnet CXXXIX

O! CALL not me to justify the wrong
That thy unkindness lays upon my heart;
Wound me not with thine eye, but with thy tongue:
Use power with power, and slay me not by art,
Tell me thou lov'st elsewhere; but in my sight,
Dear heart, forbear to glance thine eye aside:
What need'st thou wound with cunning, when thy might
Is more than my o'erpressed defence can bide?
Let me excuse thee: ah! my love well knows
Her pretty looks have been mine enemies;
And therefore from my face she turns my foes,
That they elsewhere might dart their injuries:
Yet do not so; but since I am near slain,
Kill me outright with looks, and rid my pain.

Не говори, что должен оправдать
Я причинённое тобою зло.
От слов твоих мне лучше пострадать,
От глаз твоих мне слишком тяжело.
Мне изменяй не на глазах моих!
Я, дорогая, разве не постиг,
Как ты хитра, когда, любя других,
Со мною ты покончить можешь в миг?
Ты знаешь хорошо, любовь моя,
Что смертью мне глаза твои грозят,
И, от меня врагов моих тая,
К другим стремишь свой смертоносный взгляд.
Но взглядом лучше ты меня убей,
Избавь от жизни, как и от скорбей.

Sonnet CXL

BE wise as thou art cruel; do not press
My tongue-tied patience with too much disdain;
Lest sorrow lend me words, and words express
The manner of my pity-wanting pain.
If I might teach thee wit, better it were,
Though not to love, yet, love to tell me so;
As testy sick men, when their deaths be near,
No news but health from their physicians know;
For, if I should despair, I should grow mad.
And in my madness might speak ill of thee:
Now this ill-wresting world is grown so bad,
Mad slanderers by mad ears believed be.
That I may not be so, nor thou belied,
Bear thine eyes straight, though thy proud heart go wide.

ЖЕСТОКА ты, но также будь мудра!
Я всё-таки, хоть связан мой язык,
Когда бывает слишком боль остра,
Красноречивейший из горемык.
Мне говори: «люблю», пусть не любя,
И я поверить этому готов;
Так при смерти пришедшему в себя
Больному говорят, что он здоров.
Иначе я в отчаянье приду,
Приправлю правдой горький вкус клевет,
Дерзну тебя оговорить в бреду,
И может мне дурной поверить свет.
От этого меня ты удержи
Не сердцем – взглядом, полным нежной лжи.

Sonnet CXLI

IN faith I do not love thee with mine eyes,
For they in thee a thousand errors note;
But 'tis my heart that loves what they despise,
Who, in despite of view, is pleased to dote.
Nor are mine ears with thy tongue's tune delighted:
Nor tender feeling, to base touches prone,
Nor taste, nor smell, desire to be invited
To any sensual feast with thee alone:
But my five wits nor my five senses can
Dissuade one foolish heart from serving thee,
Who leaves unswayed the likeness of a man,
Thy proud heart's slave and vassal wretch to be:
Only my plague thus far I count my gain,
That she that makes me sin awards me pain.

Тебя не любит мой ревнивый взгляд,
Мои глаза твой чёрный видят грех;
Для сердца же любой порок твой свят,
Для сердца моего ты лучше всех.
Ни слуха не прельстишь, ни осязанья;
Ни ноздри, ни разборчивый мой рот
Иметь уже не могут притязанья
На чувственнейший пир твоих щедрот.
Пять чувств моих и пять душевных сил
Удерживают сердце, но оно,
Кто бы из них его ни пристыдил,
Одно тобою рабски пленено.
 Но неизменно тем я восхищён,
 Что лишь тобой покаран и прельщён.

Sonnet CXLII

LOVE is my sin, and thy dear virtue hate.
Hate of my sin, grounded on sinful loving:
O! but with mine compare thou thine own state,
And thou shalt find it merits not reproving;
Or, if it do, not from those lips of thine,
That have profaned their scarlet ornaments
And sealed false bonds of love as oft as mine,
Robbed others' beds' revenues of their rents.
Be it lawful I love thee, as thou lov'st those
Whom thine eyes woo as mine importune thee:
Root pity in thy heart, that, when it grows,
Thy pity may deserve to pitied be.
If thou dost seek to have what thou dost hide,
By self-example mayst thou be denied!

В любви к тебе легко меня винить,
Сей ненавистный грех мой безусловен,
Но ты себя изволь со мной сравнить –
И убедишься, кто из нас виновен.
Осудят как прекрасные уста
Твои меня, когда, маня мечты,
Любовным лихоимством занята,
Как я, чужие ложа грабишь ты?
Бросаю на тебя влюблённый взор,
Как ты влюблённо смотришь на других.
Неужто не находишь до сих пор
Ты жалости для горестей моих?
В безжалостной ты вспомнишь западне,
Как ты была безжалостна ко мне.

Sonnet CXLIII

LO, as a careful housewife runs to catch
One of her feather'd creatures broke away,
Sets down her babe, and makes all swift dispatch
In pursuit of the thing she would have stay;
Whilst her neglected child holds her in chase,
Cries to catch her whose busy care is bent
To follow that which flies before her face,
Not prizing her poor infant's discontent;
So runn'st thou after that which flies from thee,
Whilst I thy babe chase thee afar behind;
But if thou catch thy hope, turn back to me,
And play the mother's part, kiss me, be kind;
So will I pray that thou mayst have thy "Will,"
If thou turn back and my loud crying still.

БРОСАЕТСЯ хозяйюшка ловить
Стремящегося с птичьего двора
Сбежать, чтобы его остановить:
На вертел, может быть, ему пора.
Кричит её младенец без конца
Покинутый, пока в погоне мать;
Пернатого не зная беглеца,
Дитя не может матери не звать.
Ты за надеждой гонишься своей,
Ты гонишься, а пойманное где ж?
Поймать неуловимое сумей,
Но и меня, дитя твоё, утешь.
Зову тебя, печали не тая:
Я Виль, я воля – чья, как не твоя!

Sonnet CXLIV

TWO loves I have of comfort and despair,
Which like two spirits do suggest me still:
The better angel is a man right fair,
The worser spirit a woman coloured ill.
To win me soon to hell, my female evil,
Tempteth my better angel from my side,
And would corrupt my saint to be a devil,
Wooing his purity with her foul pride.
And whether that my angel be turned fiend,
Suspect I may, yet not directly tell;
But being both from me, both to each friend,
I guess one angel in another's hell:
Yet this shall I ne'er know, but live in doubt,
Till my bad angel fire my good one out.

Т ак я живу во власти духов двух:
Хранителю перечит недруг мой;
Мужчиной предстаёт мне светлый дух,
А женщина грозит мне вечной тьмой.
Она меня давно в Гесенну прочит,
Святого похищает у меня
И, силясь в беса превратить, морочит,
Тщеславьем чистоту его дразня.
Я подозреньем тягостным томим:
Что если ангел в беса превращён?
Уж слишком он сближается с другим,
Как будто преисподнею прельщён,
Но всё ещё мне кажется: вот-вот
Злой ангел с добрым гением порвёт.

Sonnet CXLV

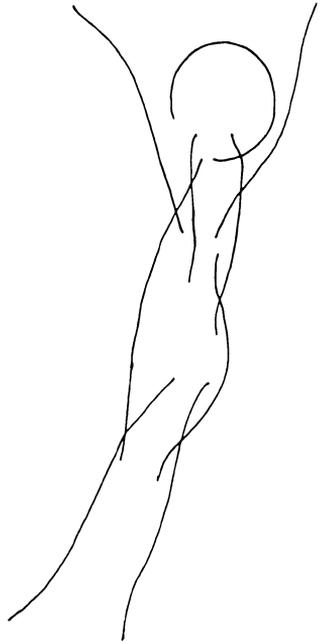
THOSE lips that Love's own hand did make,
Breathed forth the sound that said "I hate",
To me that languished for her sake:
But when she saw my woeful state,
Straight in her heart did mercy come,
Chiding that tongue that ever sweet
Was used in giving gentle doom;
And taught it thus anew to greet;
"I hate" she altered with an end,
That followed it as gentle day,
Doth follow night, who like a fiend
From heaven to hell is flown away.
"I hate", from hate away she threw,
And saved my life, saying "not you".

Из уст, которые рука
Любви однажды создала,
Сорвавшееся с языка:
«Я ненавижу!» Мне со зла
Сказала так она, но злость
Сменилась жалостью в тот миг,
Как исчезает страшный гость,
Что лишь отчасти я постиг.
«Я ненавижу», – так мне вслух
Сказала ты, но нет, не так.
Готов исчезнуть адский дух,
Ночь возвращается во мрак.
«Я ненавижу!» – я, скорбя,
Поник и слышу: «Не тебя!»

Sonnet CXLVI

POOR soul, the centre of my sinful earth,
 (???) these rebel powers that thee array,
Why dost thou pine within and suffer dearth,
Painting thy outward walls so costly gay?
Why so large cost, having so short a lease,
Dost thou upon thy fading mansion spend?
Shall worms, inheritors of this excess,
Eat up thy charge? Is this thy body's end?
Then soul, live thou upon thy servant's loss,
And let that pine to aggravate thy store;
Buy terms divine in selling hours of dross;
Within be fed, without be rich no more:
 So shall thou feed on Death, that feeds on men,
 And Death once dead, there's no more dying then.

Handwritten signature or mark

Душа, ты жалкий центр земли, где грех
Бунтует, на тебя накликав тлен.
Зачем же ты, стараясь изо всех
Сил, украшаешь внешность бранных стен?
Зачем ты жизнью жертвуешь своей,
Чтобы украсить плотский свой чертог
И накормить безжалостных червей,
Которых избежать никто не мог?
Живи же ты сама, душа, за счет
Лукавого и хищного слуги;
Смелее расточай напрасный гнет,
Смертельной роскошью пренебреги.
Съешь то, что смерть готова съесть сейчас;
Смерть уморив, спасешь себя и нас.

Sonnet CXLVII

MY love is as a fever longing still,
For that which longer nurseth the disease;
Feeding on that which doth preserve the ill,
The uncertain sickly appetite to please.
My reason, the physician to my love,
Angry that his prescriptions are not kept,
Hath left me, and I desperate now approve
Desire is death, which physic did except.
Past cure I am, now Reason is past care,
And frantic-mad with evermore unrest;
My thoughts and my discourse as madmen's are,
At random from the truth vainly expressed;
For I have sworn thee fair, and thought thee bright,
Who art as black as hell, as dark as night.

Любовь моя мучительно течёт;
Тем сладостней на раны сыпать соль,
А боль мою тем более влечёт
То, что, как прежде, причиняет боль.
Рассудок врачевал мою любовь,
Меня покинув по моей вине,
А ныне смерть, как ей ни прекословь,
Своё лекарство предлагает мне.
Зачем же мне лечение, если влечь
Смерть продолжает, вызывая бред,
И наугад моя блуждает речь,
Утратившая правду мне во вред.
Я клялся, например, что ты светла,
А ты черна, как ночь, и адски зла.

Sonnet CXLVIII

O ME! what eyes hath Love put in my head,
Which have no correspondence with true sight;
Or, if they have, where is my judgment fled,
That censures falsely what they see aright?
If that be fair whereon my false eyes dote,
What means the world to say it is not so?
If it be not, then love doth well denote
Love's eye is not so true as all men's: no,
How can it? O! how can Love's eye be true,
That is so vexed with watching and with tears?
No marvel then, though I mistake my view;
The sun itself sees not, till heaven clears.
O cunning Love! with tears thou keep'st me blind,
Lest eyes well-seeing thy foul faults should find.

НЕУЖТО зренье изменяет мне,
Любовью очевидное поправ,
И потому рассудок в стороне,
Что перед наваждением не прав?
Допустим, верный глаз не может лгать,
И ты светла, так почему же свет
Глаза мои готов опровергать
Своим неумолимым резким «нет»?
Что делать! От любви в глазах темно.
Заволокла зрачки мои тоска.
Глазам сквозь слёзы видеть не дано.
Не виден солнцу мир сквозь облака.
Любовь слепит коварно током слёз,
Но тем прелестней грязь греховных грёз.

Sonnet CXLIX

CANST thou, O cruel! say I love thee not,
When I against myself with thee partake?
Do I not think on thee, when I forgot
Am of my self, all tyrant, for thy sake?
Who hateth thee that I do call my friend,
On whom frown'st thou that I do fawn upon,
Nay, if thou lour'st on me, do I not spend
Revenge upon myself with present moan?
What merit do I in my self respect,
That is so proud thy service to despise.
When all my best doth worship thy defect,
Commanded by the motion of thine eyes?
But, love, hate on, for now I know thy mind,
Those that can see thou lov'st, and I am blind.

44

Ты говоришь, тебя я не люблю,
Но как признать подобную вину,
Когда я поражение терплю,
С тобой ведя против себя войну?
Мил, скажешь, мне был ненавистник твой,
И я подмигивал твоим врагам?
Зачем карась ты меня с лихвой,
Как будто не казню себя я сам?
Но как бы я тебе перечить мог?
Гордиться мне достоинством каким,
Когда я обожаю твой порок
И повинуюсь лишь глазам твоим?
Конечно, я в любви моей нелеп.
Ты любишь тех, кто видит, я же слеп.

Sonnet CL

O! FROM what power hast thou this powerful might,
With insufficiency my heart to sway?
To make me give the lie to my true sight,
And swear that brightness doth not grace the day?
Whence hast thou this becoming of things ill,
That in the very refuse of thy deeds
There is such strength and warrantise of skill,
That, in my mind, thy worst all best exceeds?
Who taught thee how to make me love thee more,
The more I hear and see just cause of hate?
O! though I love what others do abhor,
With others thou shouldst not abhor my state:
 If thy unworthiness raised love in me,
 More worthy I to be beloved of thee.

Как ты преодолеваешь свой изъян?
Какою силой движешь мной, скажи,
Так что клянусь, тобою обуян:
Дню вреден свет, погряз мой взор во лжи?
Откуда у тебя подобный дар?
И почему давно ничем иным
Я не прельщаюсь, кроме этих чар,
Затмивших наилучшее дурным?
Не объяснишь ли ты мне, почему
Люблю я то, что ненавидят все?
Доверься, наконец, ты моему
Пристрастию к твоей дурной красе.
 Так я люблю тебя одну из всех.
 Люби меня за то, что это грех.

Sonnet CLI

LOVE is too young to know what conscience is,
Yet who knows not conscience is born of love?
Then, gentle cheater, urge not my amiss,
Lest guilty of my faults thy sweet self prove:
For, thou betraying me, I do betray
My nobler part to my gross body's treason;
My soul doth tell my body that he may
Triumph in love; flesh stays no farther reason,
But rising at thy name doth point out thee,
As his triumphant prize. Proud of this pride,
He is contented thy poor drudge to be,
To stand in thy affairs, fall by thy side.
No want of conscience hold it that I call
Her love, for whose dear love I rise and fall.

С толь молода любовь, что совесть ей
Неведома, хоть сю рождена.
Прелестница! Меня ты пожалей!
В ком, если не в тебе, моя вина?
Ты предала меня, и я предам
Себя моей же низменной природе;
Моя душа завидует скотам,
Плоть восстаёт в неистовой свободе.
Когда тебя по имени зовут,
Плоть указывает на тебя уже,
Как преданный холоп твой, тут как тут,
Встаёт и падает при госпоже.

Так что же это – совесть или страсть:
Любви моей в угоду встать и пасть?

Sonnet CLII

IN loving thee thou know'st I am forsworn,
But thou art twice forsworn, to me love swearing;
In act thy bed-vow broke, and new faith torn,
In vowing new hate after new love bearing:
But why of two oaths' breach do I accuse thee,
When I break twenty? I am perjured most;
For all my vows are oaths but to misuse thee,
And all my honest faith in thee is lost:
For I have sworn deep oaths of thy deep kindness,
Oaths of thy love, thy truth, thy constancy;
And, to enlighten thee, gave eyes to blindness,
Or made them swear against the thing they see;
For I have sworn thee fair; more perjured eye,
To swear against the truth so foul a lie!

Я клялся ложно, пылок и ревнив.
Не дважды ли ты неверна обетам?
Прельщаешь ложью, ложе осквернив,
И ненавидишь ты меня при этом.
Но если ты клялась два раза ложно,
Не двадцать ли поклялся ложно раз
Я в том, во что поверить невозможно,
В том, что ты мне верна не напоказ?
Я клялся, что немыслимо добра ты,
Что сомневаться мне в тебе грешно;
Мои глаза, я клялся, виноваты
В том, что так ясно видеть им дано.
 Что ты чиста, поклялся я, любя,
 И ложью запятнал я сам себя.

Sonnet CLIII

CUPID laid by his brand and fell asleep:
A maid of Dian's this advantage found,
And his love-kindling fire did quickly steep
In a cold valley-fountain of that ground;
Which borrowed from this holy fire of Love,
A dateless lively heat, still to endure,
And grew a seething bath, which yet men prove
Against strange maladies a sovereign cure.
But at my mistress' eye Love's brand new-fired,
The boy for trial needs would touch my breast;
I, sick withal, the help of bath desired,
And thither hied, a sad distempered guest,
 But found no cure, the bath for my help lies
 Where Cupid got new fire; my mistress' eyes.

Бог Купидон заснул и факел свой
Забыл в траве. Одна из нежных дев
В отместку погрузила огневой
Сей светоч в воду, жара не стерпев.
И у любви заимствованный жар
Источником увековечен был,
И приобрёл источник дивный дар:
Целить больных, врачуя вредный пыл.
Проснулся бог и раздобыл огня
В пленительных глазах моей любви,
И запалил он сердце у меня.
Какая хворь с тех пор в моей крови!
Источник от неё меня не спас,
Поможет мне лишь пламень тех же глаз.

Sonnet CLIV

THE little Love-god lying once asleep,
Laid by his side his heart-inflaming brand,
Whilst many nymphs that vowed chaste life to keep
Came tripping by; but in her maiden hand
The fairest votary took up that fire
Which many legions of true hearts had warmed;
And so the General of hot desire
Was, sleeping, by a virgin hand disarmed.
This brand she quenched in a cool well by,
Which from Love's fire took heat perpetual,
Growing a bath and healthful remedy,
For men diseased; but I, my mistress' thrall,
Came there for cure and this by that I prove,
Love's fire heats water, water cools not love.

Спал бог любви, свой факел уронив,
Который у несчастных не в чести;
Сбежались дочери лесов и нив,
Поклявшись девственность блюсти,
И самая прекрасная из них
Тот окунула пламенник в родник;
Так девственной рукой в лесах глухих
Разоружён был дерзкий озорник.
Горяч источник от любви с тех пор;
Туда приходит скорбный пилигрим,
И может исцелиться тот, кто хвор,
Лишь я, твой бедный раб, неизлечим.
Вода способна пламень победить,
Однако ей любви не остудить.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Владимир Микушевич. Роман Шекспира</i>	5
"From fairest creatures we desire increase..."	
1. «Ты посмотри, как множатся в цвету...»	51
"When forty winters shall besiege thy brow..."	
2. «Когда войска зимы сороковой...»	53
"Look in thy glass, and tell the face thou viewest..."	
3. «Глянь в зеркало, и скажет лик твой зримый...»	55
"Unthrifty loveliness, why dost thou spend..."	
4. «Ты получил в наследство красоту...»	57
"Those hours, that with gentle work did frame..."	
5. «Служить готовы рамою часы...»	59
"Then let not winter's ragged hand deface..."	
6. «Так пусть персты костлявые зимы...»	61
"Lo! in the orient when the gracious light..."	
7. «Свет поднимает жгучее чело...»	63
"Music to hear, why hear'st thou music sadly?..."	
8. «От музыки, ты музыка для слуха...»	65
"Is it for fear to wet a widow's eye..."	
9. «Неужто ты вступать не хочешь в брак...»	67
"For shame deny that thou bear'st love to any..."	
10. «Стыдись! Тебе неужто не обидно?...»	69

- “As fast as thou shalt wane, so fast thou grow’st...”
11. «Начнешь ты увядать, и расцветешь...» 73
- “When I do count the clock that tells the time...”
12. «Когда я слышу, как часы идут...» 75
- “O! that you were your self; but, love, you are...”
13. «Ты всё еще себе принадлежишь...» 77
- “Not from the stars do I my judgement pluck...”
14. «Пусть лишь отчасти мне знаком язык...» 79
- “When I consider every thing that grows...”
15. «Когда в произрастанье вижу тлен...» 81
- “But wherefore do not you a mightier way...”
16. «Твой лютый недруг – Время! Тем сильней...» 83
- “Who will believe my verse in time to come...”
17. «И кто поверит моему стиху...» 85
- “Shall I compare thee to a summer’s day?...”
18. «Не с летним ли тебя сравнить мне днем?...» 87
- “Devouring Time, blunt thou the lion’s paws...”
19. «Ты, Время, лапы львов обезоружь...» 89
- “A woman’s face with nature’s own hand painted...”
20. «Твой лик природой женственной отмечен...» 93
- “So is it not with me as with that Muse...”
21. «Я не из тех, чья муза напоказ...» 95
- “My glass shall not persuade me I am old...”
22. «Мне в зеркало не страшно посмотреть...» 97
- “As an unperfect actor on the stage...”
23. «Как плохонький актрешка порой...» 99
- “Mine eye hath play’d the painter and hath steel’d...”
24. «Мой глаз-художник написал портрет...» 101
- “Let those who are in favour with their stars...”
25. «Пускай своей звездой гордится тот...» 103
- “Lord of my love, to whom in vassalage...”
26. «Любви моей державный сюзерен!...» 105

	"Weary with toil, I haste me to my bed..."	
27.	«Усталым телом я хочу прилечь...»	107
	"How can I then return in happy plight..."	
28.	«Как мне к трудам в дневной вернуться свет...»	109
	"When in disgrace with fortune and men's eyes..."	
29.	«Когда глумится надо мною рок...»	113
	"When to the sessions of sweet silent thought..."	
30.	«Когда воспоминания на суд...»	115
	"Thy bosom is endeared with all hearts..."	
31.	«В твоей груди биенье всех сердец...»	117
	"If thou survive my well-contented day..."	
32.	«Когда бы после похорон моих...»	119
	"Full many a glorious morning have I seen..."	
33.	«Я видел, как вершинам горным льстит...»	121
	"Why didst thou promise such a beauteous day..."	
34.	«Зачем ты ясный день мне посулил...»	123
	"No more be grieved at that which thou hast done..."	
35.	«Былого попусту не бередают...»	125
	"Let me confess that we two must be twain..."	
36.	«Дай мне признаться: ты не то, что я...»	127
	"As a decrepit father takes delight..."	
37.	«Как, старческим разбит параличом...»	129
	"How can my muse want subject to invent..."	
38.	«Зачем сюжеты мне изобретать...»	133
	"O! how thy worth with manners may I sing..."	
39.	«Как мог бы я тебя благословлять...»	135
	"Take all my loves, my love, yea take them all..."	
40.	«Я все мои любви отдаю...»	137
	"Those pretty wrongs that liberty commits..."	
41.	«Из-за тебя случилось мне страдать...»	139
	"That thou hast her it is not all my grief..."	
42.	«Она твоя, но это не беда...»	141

- "When most I wink, then do mine eyes best see..."
43. «Светлейший день я проморгать не прочь...» 143
- "If the dull substance of my flesh were thought..."
44. «В мысль обратив громоздкий мой состав...» 145
- "The other two, slight air, and purging fire..."
45. «Огонь и воздух легче на подъём...» 147
- "Mine eye and heart are at a mortal war..."
46. «Мой глаз и сердце, втянутые в спор...» 149
- "Betwixt mine eye and heart a league is took..."
47. «В союзе глаз и сердце у меня...» 153
- "How careful was I when I took my way..."
48. «В путь отправляясь, в доме я запру...» 155
- "Against that time, if ever that time come..."
49. «В то время злое (вдруг оно придёт?)...» 157
- "How heavy do I journey on the way..."
50. «Тем более в пути мне тяжело...» 159
- "Thus can my love excuse the slow offence..."
51. «Я признаюсь, конь у меня дрянной...» 161
- "So am I as the rich, whose blessed key..."
52. «Хранящий драгоценность под замком...» 163
- "What is your substance, whereof are you made..."
53. «Каков, скажи мне, плотский твой состав?...» 165
- "O! how much more doth beauty beauteous seem..."
54. «Прекрасней красота, когда верна...» 167
- "Not marble, nor the gilded monuments..."
55. «Забвенью обрекая царский прах...» 169
- "Sweet love, renew thy force; be it not said..."
56. «Ты вечно обновляешься, любовь...» 173
- "Being your slave what should I do but tend..."
57. «Что делать мне, рабу, как не ловить...» 175
- "That god forbid, that made me first your slave..."
58. «Меня, всего лишь твоего раба...» 177

- “If there be nothing new, but that which is...”
59. «Что если новое – всего лишь бред...» 179
- “Like as the waves make towards the pebbled shore...”
60. «Как бьются волны в каменистый брег...» 181
- “Is it thy will, thy image should keep open...”
61. «Твоя ли воля мне мешает веки...» 183
- “Sin of self-love possesseth all mine eye...”
62. «Мой грех – любовь ко мне же самому...» 185
- “Against my love shall be as I am now...”
63. «Когда удары время нанесет...» 187
- “When I have seen by Time’s fell hand defac’d...”
64. «Узрев, как время грозною рукой...» 189
- “Since brass, nor stone, nor earth, nor boundless sea...”
65. «Медь, мрамор, море и земная твердь...» 193
- “Tired with all these, for restful death I cry...”
66. «Кричу я смерти: Где ты? Я устал...» 195
- “Ah! wherefore with infection should he live...”
67. «Затем ли так прельстительно растлен...» 197
- “Thus is his cheek the map of days outworn...”
68. «Его черты – чертёж минувших дней...» 199
- “Those parts of thee that the world’s eye doth view...”
69. «Кто скажет, что собою ты хорош...» 201
- “That thou art blamed shall not be thy defect...”
70. «Ты низкой черни, впрочем, не чета...» 203
- “No longer mourn for me when I am dead...”
71. «Печаль заблаговременно уйми...» 205
- “O! lest the world should task you to recite...”
72. «Забудь меня, как только я умру...» 207
- “That time of year thou mayst in me behold...”
73. «Ты видишь: мрачная во мне пора...» 209
- “But be contented when that fell arrest...”
74. «Когда навек я буду заточён...» 213

	"So are you to my thoughts as food to life..."	
75.	«Лишь по тебе я голодом томим...»	215
	"Why is my verse so barren of new pride..."	
76.	«Неужто стих мой столь смиренно тощ...»	217
	"Thy glass will show thee how thy beauties wear..."	
77.	«Увидишь в зеркале: твой блекнет лик...»	219
	"So oft have I invoked thee for my Muse..."	
78.	«Кого, как не тебя, мне музой звать?...»	221
	"Whilst I alone did call upon thy aid..."	
79.	«Один я воспевал тебя сперва...»	223
	"O, how I faint when I of you do write..."	
80.	«Начав писать, я духом пасть готов...»	225
	"Or I shall live your epitaph to make..."	
81.	«Быть может, я переживу тебя...»	227
	"I grant thou wert not married to my Muse..."	
82.	«Итак, моей ты музе не супруг...»	229
	"I never saw that you did painting need..."	
83.	«Я думал, что хорош ты без прикрас...»	233
	"Who is it that says most, which can say more..."	
84.	«Тебя в тебе прославить – вот хвала...»	235
	"My tongue-tied Muse in manners holds her still..."	
85.	«Моя лишилась муза языка...»	237
	"Was it the proud full sail of his great verse..."	
86.	«Неужто смолк я, потому что тот...»	239
	"Farewell! thou art too dear for my possessing..."	
87.	«Расстанемся, прощай, ты драгоценность!...»	241
	"When thou shalt be dispos'd to set me light..."	
88.	«Когда меня желаешь очернить...»	243
	"Say that thou didst forsake me for some fault..."	
89.	«Покинь меня, придумав мне вину...»	245
	"Then hate me when thou wilt; if ever, now..."	
90.	«Не откажи хоть в ненависти мне...»	247

- “Some glory in their birth, some in their skill...”
91. «Кому знатнейший род, кому талант...» 249
- “But do thy worst to steal thyself away...”
92. «Но жизнь моя не тем ли хороша...» 253
- “So shall I live, supposing thou art true...”
93. «Пусть я, как муж обманутый, твержу...» 255
- “They that have power to hurt, and will do none...”
94. «Кто ранить не хотел, хоть ранить мог...» 257
- “How sweet and lovely dost thou make the shame...”
95. «Как роза с червоточиной, любим...» 259
- “Some say thy fault is youth, some wantonness...”
96. «Пусть говорят, что юность и разврат...» 261
- “How like a winter hath my absence been...”
97. «Любое время года для меня ...» 263
- “From you have I been absent in the spring...”
98. «Я без тебя переживал весну...» 265
- “The forward violet thus did I chide...”
99. «Мошеница-фиалка, – говорю, ...» 267
- “Where art thou Muse that thou forget'st so long...”
100. «Опомнись, Муза! Что же ты молчишь?...» 269
- “O truant Muse what shall be thy amends...”
101. «Лентяйка-Муза! Чем ты занята?...» 273
- “My love is strengthened, though more weak in seeming...”
102. «Сильней моя любовь, но неприлично...» 275
- “Alack! what poverty my Muse brings forth...”
103. «Увы! Как Муза у меня бедна...» 277
- “To me, fair friend, you never can be old...”
104. «Мой друг, ты не стареешь для меня...» 279
- “Let not my love be called idolatry...”
105. «Не идолопоклонник я, о нет!...» 281
- “When in the chronicle of wasted time...”
106. «Когда я в хрониках прошедших лет...» 283

	"Not mine own fears, nor the prophetic soul..."	
107.	«Ни мировая чуткая душа...»	285
	"What's in the brain, that ink may character..."	
108.	«Твой признак не таится ли в мозгу...»	287
	"O! never say that I was false of heart..."	
109.	«Опалой моему огню грозя...»	289
	"Alas! 'tis true, I have gone here and there..."	
110.	«Не скрою: выходил я на базар...»	293
	"O! for my sake do you with Fortune chide..."	
111.	«Не горше ли тебе день ото дня...»	295
	"Your love and pity doth the impression fill..."	
112.	«Твоя ли нежность, как твоя любовь...»	297
	"Since I left you, mine eye is in my mind..."	
113.	«Тебя не видя, глаз вселился мой...»	299
	"Or whether doth my mind, being crowned with you..."	
114.	«Что если я монарх, и потому...»	301
	"Those lines that I before have writ do lie..."	
115.	«Писал я, за стихом слагая стих...»	303
	"Let me not to the marriage of true minds..."	
116.	«Пускай два духа верных вступят в брак...»	305
	"Accuse me thus: that I have scanted all..."	
117.	«Вполне уместен горький твой укор...»	307
	"Like as, to make our appetite more keen..."	
118.	«Как пища нам привычная претит...»	309
	"What potions have I drunk of Siren tears..."	
119.	«В слезах сирен таился эликсир...»	313
	"That you were once unkind befriends me now..."	
120.	«Запятнанный проступками шальными...»	315
	"'Tis better to be vile than vile esteemed..."	
121.	«Слух о пороке хуже, чем порок...»	317
	"Thy gift, thy tables, are within my brain..."	
122.	«Твой дар, твои скрижали – у меня...»	319

	"No, Time, thou shalt not boast that I do change..."	
123.	«Изменчивостью, время, не кори...»	321
	"If my dear love were but the child of state..."	
124.	«Законное дитя или бастард ...»	323
	"Were't aught to me I bore the canopy..."	
125.	«По-моему, не нужен балдахин...»	325
	"O thou, my lovely boy, who in thy power..."	
126.	«Ты, милый мальчик, нам сулишь ущерб...»	327
	"In the old age black was not counted fair..."	
127.	«Свет не казался чёрным в старину...»	329
	"How oft when thou, my music, music play'st..."	
128.	«Когда летящим наперегонки...»	333
	"The expense of spirit in a waste of shame..."	
129.	«Дух, расточаемый ценой стыда, ...»	335
	"My mistress' eyes are nothing like the sun..."	
130.	«Не солнце, нет, моей любимой взор...»	337
	"Thou art as tyrannous, so as thou art..."	
131.	«Тиранствуешь, покорного дразня...»	339
	"Thine eyes I love, and they, as pitying me..."	
132.	«Как дорог мне в глазах твоих намёк...»	341
	"Beshrew that heart that makes my heart to groan..."	
133.	«Проклятье сердцу, ранившему нас...»	343
	"So now I have confessed that he is thine..."	
134.	«Его твоим признать мне суждено...»	345
	"Whoever hath her wish, thou hast thy Will..."	
135.	«Средь разных воль твоих зовусь я «Виль»...»	347
	"If thy soul check thee that I come so near..."	
136.	«Когда меня ты хочешь отогнать...»	349
	"Thou blind fool, Love, what dost thou to mine eyes..."	
137.	«Любовь, слепая дура! Ты для глаз...»	353
	"When my love swears that she is made of truth..."	
138.	«Любовь моя клянётся, что она...»	355

- “O! call not me to justify the wrong...”
139. «Не говори, что должен оправдать...» 357
- “Be wise as thou art cruel; do not press...”
140. «Жестока ты, но также будь мудра!...» 359
- “In faith I do not love thee with mine eyes...”
141. «Тебя не любит мой ревнивый взгляд...» 361
- “Love is my sin, and thy dear virtue hate...”
142. «В любви к тебе легко меня винить...» 363
- “Lo. as a careful housewife runs to catch...”
143. «Бросается хозяйюшка ловить...» 365
- “Two loves I have of comfort and despair...”
144. «Так я живу во власти духов двух...» 367
- “Those lips that Love’s own hand did make...”
145. «Из уст, которые рука...» 369
- “Poor soul, the centre of my sinful earth...”
146. «Душа, ты жалкий центр земли, где грех...» 373
- “My love is as a fever longing still...”
147. «Любовь моя мучительно течёт...» 375
- “O me! what eyes hath Love put in my head...”
148. «Неужто зренья изменяет мне...» 377
- “Canst thou, O cruel! say I love thee not...”
149. «Ты говоришь, тебя я не люблю...» 379
- “O! from what power hast thou this powerful might...”
150. «Как ты преодолегаешь свой изъян?...» 381
- “Love is too young to know what conscience is...”
151. «Столь молода любовь, что совесть ей...» 383
- “In loving thee thou know’st I am forsworn...”
152. «Я клялся ложно, пылок и ревнив...» 385
- “Cupid laid by his brand and fell asleep...”
153. «Бог Купидон заснул и факел свой...» 387
- “The little Love-god lying once asleep...”
154. «Спал бог любви, свой факел уронив...» 389

Шекспир Уильям

Сонеты

Перевод Владимира Микушевича

Литературно-художественное издание

Главный редактор *Е. Кольчужкин*

Технический редактор *А. Ильина*

Корректор *В. Резвый*

Подписано в печать 03.11.04. Формат 70x108/32

Бумага офсетная. Гарнитура Гарамонд

Печать офсетная. Печ. л. 25

Тираж 3000 экз. Заказ №486.

Издательство «Водолей Publishers»

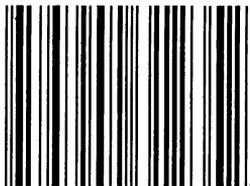
Тел.: (095) 276-30-84

e-mail: agathon@humanus.ru

Отпечатано в ИПП «Гриф и К»,

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

ISBN 5-902312-35-3

9 785902 312352